А. Я. Ефименко.

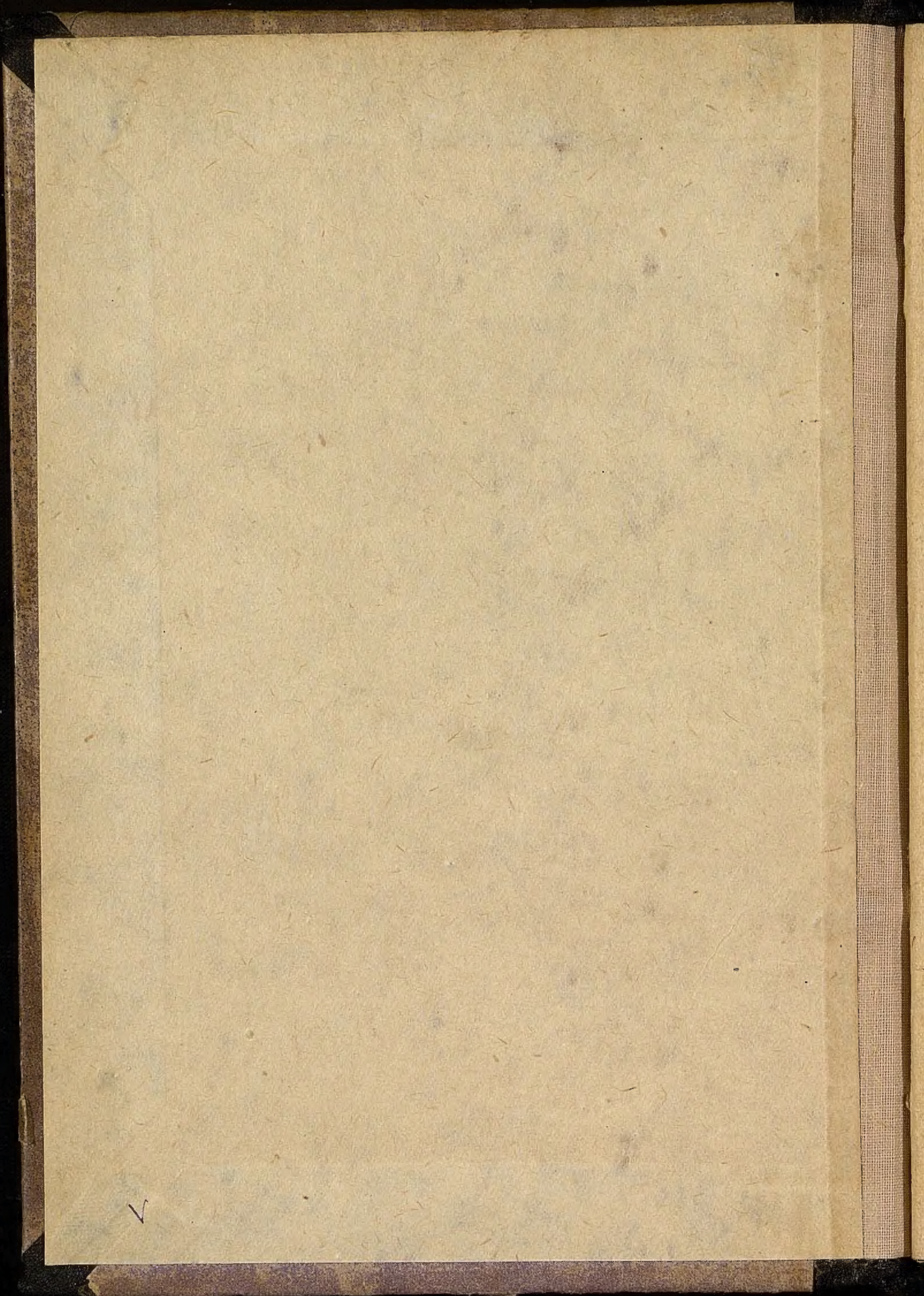
Исторія Украйны и ея народа.

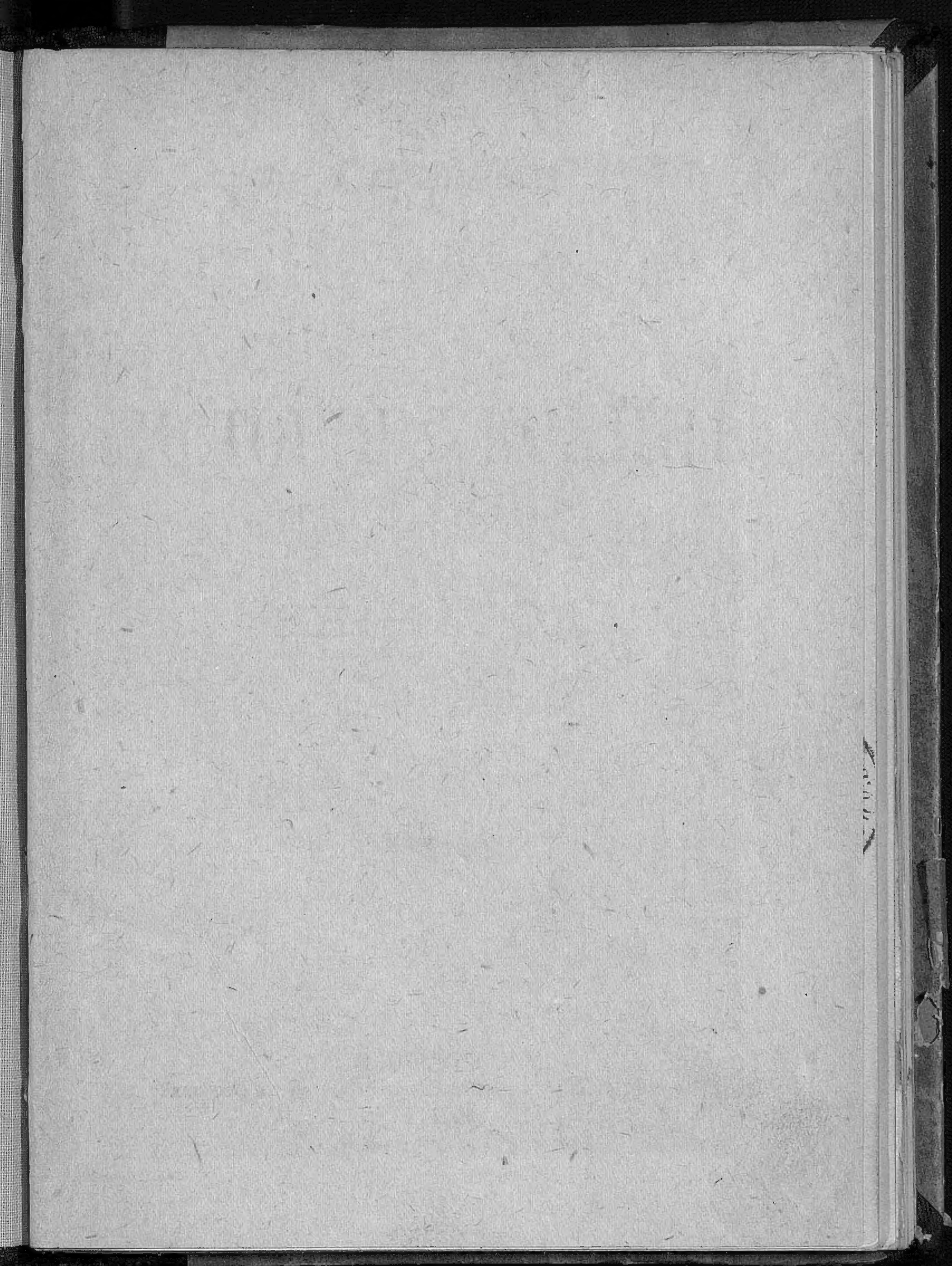
Съ портретами и рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе товарищества „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА"
1907.

А. Я. Ефименко.

ИСТОРІЯ УКРАЙНЫ

и

ЕЯ НАРОДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1907.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕ
№ 5266
29/V 1931.
БИБЛИОТЕКА

Гетманъ БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Древняя Русь.

I.

„Русскій народъ", „русская исторія", говоримъ мы, и не хотимъ знать или забываемъ, что на свѣтѣ не одна русская народность и не одна русская исторія. Русскій народъ дѣлится на двѣ большихъ отрасли: сѣверорусскую, или великорусскую, и южнорусскую, или малорусскую, украинскую [1]). Каждая изъ этихъ двухъ русскихъ народностей жила въ прошедшемъ своей собственной жизнью, имѣла свою самостоятельную исторію. Эти двѣ русскихъ исторіи очень не похожи одна на другую, хотя бы, казалось, между сѣверноруссами и южноруссами нѣтъ большой разницы. Ужъ очень различно сложились историческія судьбы двухъ половинъ такъ разростшагося русскаго племени.

Великорусскую исторію знаетъ болѣе или менѣе каждый грамотный русскій человѣкъ: она излагается во всякомъ учебникѣ подъ именемъ „русской исторіи". Въ этой „русской исторіи" объ Украинѣ, Малороссіи, говорится обыкновенно лишь съ того времени, какъ

[1]) О третьей вѣтви русскаго народа—бѣлорусахъ—мы не упоминаемъ, такъ какъ она слишкомъ мало жила самостоятельной политической жизнью и не имѣла своей исторіи.

она присоединилась къ Великороссіи въ 17-мъ вѣкѣ при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, да и то говорится вскользь, мимоходомъ. А какъ жила Южная Русь до присоединенія,—объ этомъ чаще всего совсѣмъ умалчивается. Такимъ образомъ выходитъ, что съ великорусской исторіей знакомъ каждый русскій человѣкъ, и южанинъ и сѣверянинъ, а съ малорусской—плохо знакомы даже и образованные южане.

Конечно, между великоруссами и малороссами не мало родственнаго сходства и во внѣшнемъ, физическомъ, обликѣ, и въ языкѣ, и въ духовной ихъ природѣ, въ характерѣ, нравахъ, обычаяхъ. Но есть и существенныя различія: они бросаются въ глаза постороннему наблюдателю и сильно чувствуются самыми представителями обѣихъ народностей.

Изъ 30 милліоновъ южнорусскаго племени около 7 живетъ внѣ Россіи, за ея предѣлами, въ Австріи: главнымъ образомъ въ восточной Галиціи, затѣмъ въ Венгріи и въ Буковинѣ. Въ Россіи малороссы занимаютъ сплошною массой такъ—называемыя юго-западныя губерніи: Кіевскую, Волынскую и Подольскую, и малорусскія губерніи: Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую. Затѣмъ они составляютъ большую половину населенія двухъ изъ новороссійскихъ губерній Екатеринославской и Херсонской, около половины Таврической, около половины—Кубанской области и Ставропольской губ., около четверти населенія въ губерніяхъ: Воронежской и Курской, въ Донской области, нѣсколько меньше въ Бессарабской губ.. Есть исконныя поселенія малороссовъ еще въ Привислянскомъ краѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губ., и въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ южныхъ уѣздахъ Гродпен-

ской губ.. Тронуты малорусской колонизаціей Астраханская, Саратовская, Самарская и Оренбургская губерніи.

Въ послѣднее время потокъ колонизаціи занесъ малороссовъ въ Сибирь—до самаго Тихаго океана.

Такимъ образомъ малороссы разбросаны теперь на огромномъ пространствѣ отъ Венгріи до Владивостока. Повсюду малорусское племя сохраняетъ свои основныя черты. Эти основныя черты, свой типъ, малороссы выработали и укрѣпили тѣмъ, что жили многіе вѣка въ однихъ и тѣхъ же физическихъ условіяхъ. Они—старинные обитатели черноземной полосы нашей русской равнины, степи или „поля", по древнему выраженію,— исконные „хлѣборобы". Не исключительно земледѣльческій характеръ имѣютъ малороссы только въ Волынскомъ и Кіевскомъ Полѣсьѣ, въ сѣверной лѣсистой части Черниговской губерніи, да еще горцы Галиціи и Буковины. Не даромъ слова Украина и украинецъ—другія обозначенія для южнорусской земли и ея населенія—всегда вызываютъ въ нашемъ воображеніи картину роскошной, необозримой нивы, залитой солнцемъ, и пахаря съ сивыми круторогими волами, направляющаго плугъ свой могучей рукою. Малороссъ не только вскормленъ роднымъ черноземомъ—онъ, можно сказать взлелѣянъ имъ. Все въ обстановкѣ жизни, въ бытѣ, нравахъ украинца указываетъ, что онъ баловень природы, привыкшій къ ея щедрымъ дарамъ, мало приспособленный къ тому, чтобы сжимать себя въ предѣлахъ насущно необходимаго, строго учитывать приходъ съ расходомъ. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на его кокетливую бѣлую хату—въ зелени вишневаго садка съ цвѣтникомъ и палисадникомъ, на живописный костюмъ женщинъ, пока еще не окончательно вытѣс-

ненный современной модой, достаточно послушать его прекрасныя пѣсни, съ ихъ богатствомъ какъ поэтическихъ образовъ, такъ и мелодій... А самъ характеръ украинцевъ, медлительный и созерцательный, и онъ тоже не свидѣтельствуетъ ли, что людей этихъ не гнала нужда, не толкала ихъ на арену жестокой борьбы за существованіе?

Но если природа была для украинца нѣжной и любящей матерью, то исторія оказалась для него суровой мачехой,—или той злой волшебницей, которая, явившись на крестины послѣдней, своимъ роковымъ словомъ уничтожила всю силу благодѣтельныхъ даровъ, какими былъ осыпанъ новорожденный.

Украинскій народъ началъ свою историческую жизнь на той же территоріи, которая и до сихъ поръ считается для него центральной. Еще и теперь южнорусская территорія дѣлится на лѣвобережную, или Малороссію по преимуществу, и правобережную, или Украину по преимуществу. Лѣвобережная и правобережная—по отношенію къ Днѣпру. Слѣдовательно, Днѣпръ есть главная рѣка южнорусскаго племени. На его берегахъ возникла и развилась политическая жизнь этого племени, по его бассейну шло, главнымъ образомъ, распространіе, расширеніе южнорусской жизни. Городъ Кіевъ, главный городъ Приднѣпровья, былъ тѣмъ пунктомъ, гдѣ прежде всего завязалась историческая жизнь украинскаго народа.

Но, утверждая это, мы встрѣчаемся съ такимъ недоразумѣніемъ. Во всѣхъ историческихъ учебникахъ разсказывается о первыхъ кіевскихъ князьяхъ, о великомъ княжествѣ кіевскомъ, какъ о началѣ русской исторіи. И видя, что жизнью Русскаго государства руководитъ

теперь великорусское племя, мы невольно склоняемся къ мысли, что такъ было и всегда, и что, слѣдовательно, русы, которые плавали съ Олегомъ въ Царьградъ, ходили съ Святославомъ въ Болгарію, крестились при Владимірѣ въ Днѣпрѣ,—были предки теперешнихъ великороссовъ. Но, конечно, это ошибка.

Южнорусское племя и теперь живетъ тамъ, гдѣ жили его отдаленные предки. Правда, за тысячу съ лишкомъ лѣтъ исторической жизни его много разъ тѣснили степные кочевники, отодвигали его поселенія къ сѣверной окраинѣ степной полосы, но, при всякой возможности, оно снова выдвигалось въ глубину черноземной степи. И никогда, за всю тысячелѣтнюю жизнь, исторія не упоминаетъ о значительномъ переселеніи южнорусскаго племени куда-нибудь изъ своихъ родныхъ степей, не упоминаетъ и о томъ, чтобы какое-нибудь иное племя, русское или инородческое, пришло и поселилось на черноземной степи. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что именно предки теперешнихъ малороссовъ и упоминаются въ лѣтописи подъ именемъ кіевлянъ, или полянъ, черниговцевъ и переяславцевъ, или сѣверянъ, волынянъ, древлянъ.

Но мы утверждаемъ, что южнорусское племя жило на своемъ мѣстѣ лишь въ теченіе тысячелѣтій исторической жизни, но не утверждаемъ, что оно жило здѣсь всегда, испоконь вѣковъ. Наоборотъ, есть несомнѣнныя доказательства, что оно пришло въ наши степи лѣтъ за двѣсти—триста до начала нашей государственной жизни. Раньше же здѣсь жили другіе народы.

Изъ науки, которая называется археологіей, мы узнаемъ, что нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ въ южнорусскихъ степяхъ жили какіе-то дикари, которые

хоронили своихъ покойниковъ скорченными и окрашивали ихъ трупы или скелеты въ красную краску. Затѣмъ жили скиѳы, насыпавшіе надъ своими покойниками огромные курганы, тѣ могилы, о которыхъ поется въ украинскихъ пѣсняхъ: „У полі могыла з вітром говорыла“.. Ученые археологи, раскапывая эти курганы, находятъ, вмѣстѣ съ останками покойниковъ, множество домашнихъ вещей, одежду, оружія, посуду, часто сдѣланные изъ золота и украшенные драгоцѣнными камнями. О скиѳахъ мы знаемъ не только изъ археологіи, но уже и изъ исторіи: объ нихъ разсказываетъ древній греческій писатель Геродотъ, котораго называютъ отцомъ исторіи.

Три вѣка спустя послѣ Р. Хр. мы видимъ въ южнорусскихъ степяхъ большое и сильное государство готовъ,—народа германскаго племени. Государство этою сметаютъ и уничтожаютъ дикіе гунны, которые со своимъ предводителемъ Атиллой прошли изъ Азіи въ Западную Европу и произвели тамъ перетасовку всѣхъ народовъ, заселявшихъ Европу,—такъ называемое великое переселеніе народовъ.

Какъ и когда переселились въ южнорусскія степи наши предки, отдѣлившись отъ остальныхъ своихъ славянскихъ родичей, — наука не знаетъ объ этомъ ничего достовѣрнаго.

По нѣкоторымъ даннымъ ученые предполагаютъ, что это случилось въ шестомъ или седьмомъ вѣкѣ по Р. Хр. и что пришли южно-русскіе славяне въ степи съ запада, отъ Карпатскихъ горъ. Но тогда предки наши еще не знали государственной жизни, жили небольшими союзами родственниковъ, родами, которые соединялись въ племена. Сосѣдніе греки называли ихъ антами

и упрекали ихъ въ томъ, что они не знаютъ порядка въ общественной жизни, не подчиняются одной власти и ссорятся междусобою. Однако отдѣльные роды, племена, имѣли своихъ начальниковъ, старшихъ въ родѣ или выборныхъ; были у нѣкоторыхъ родовъ или племенъ и города, которые служили для защиты отъ враговъ и для общихъ сходокъ. По крайней мѣрѣ, мы точно знаемъ, что Кіевъ существуетъ задолго до того времени, къ которому относитъ начало исторія нашей государственной жизни.

О томъ, какъ сложилось въ Приднѣпровьѣ государство мы знаемъ изъ такъ называемой лѣтописи Нестора. Несторъ, монахъ Кіево-Печерской лавры, жилъ и дѣлалъ свои записи въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, слѣдовательно, спустя больше двухсотъ лѣтъ послѣ того, какъ совершались тѣ событія, о которыхъ онъ разсказываетъ: какъ извѣстно,начало государственной жизни относятъ къ девятому вѣку (862 годъ якобы есть годъ призванія Рюрика). Историческая критика, разбирая лѣтописныя повѣствованія слово за словомъ, фактъ за фактомъ,—сомнѣвается въ достовѣрности того, что сообщаетъ Несторъ о призваніи князей изъ-за моря, изъ Скандинавіи. Лѣтопись Нестора, по мнѣнію критики, сообщаетъ лишь народныя преданія, а не точные факты. Но если это все было не такъ, какъ разсказываютъ вслѣдъ за лѣтописью наши учебники, то какъ же?

Конечно, никто не можетъ сказать навѣрное, какъ именно. Но есть на этотъ счетъ ученыя предположенія (гипотезы). Вотъ одна изъ нихъ, на нашъ взглядъ, наиболѣе достовѣрная. По берегамъ Чернаго моря, которое въ тѣ времена называлось Русскимъ, кое-гдѣ, въ Крыму и на Таманскомъ полуостровѣ, задержались

остатки готовъ, вытѣсненныхъ изъ нашихъ степей гуннами. Готы эти плавали по морю, занимаясь торговлею и грабежами, служили также въ Константинополѣ (Царьградѣ), какъ наемники, въ войскахъ греческихъ императоровъ. Просвѣщенная Греческая имперія сильно страдала въ то время отъ нападокъ разныхъ дикихъ сосѣдей. Ученые арабы, знакомые съ нашими странами черезъ купцовъ, которые пріѣзжали изъ Азіи торговать, разсказываютъ, что морскіе разбойники съ береговъ Чернаго (Русскаго) моря поднимались вверхъ по рѣкамъ, въ него впадающимъ: Днѣпру, Дону, Южному Бугу, грабили и притѣсняли жителей, жившихъ всегда, по славянскому обычаю, по берегамъ рѣкъ. Вотъ въ этихъ то условіяхъ и надо искать начала южнорусскаго государства.

Дѣло въ томъ, что государственная, политическая, жизнь почти никогда не начинается самопроизвольно, безъ толчка извнѣ. Чаще всего государства складываются посредствомъ завоеванія, или, вообще, насилія, принужденія. Такъ было и здѣсь. Отряды морскихъ разбойниковъ германскаго (готскаго) происхожденія, называвшіеся Русами, или Варяго-Русами, съ своими предводителями завладѣли Кіевомъ и утвердились здѣсь. А Кіевъ былъ узломъ, гдѣ сходилось рѣки Днѣпровскаго бассейна: рѣки—единственные пути того отдаленнаго времени. Кто владѣлъ Кіевомъ, тотъ держалъ подъ своимъ вліяніемъ всѣ земли, прилегающія къ Днѣпру и его большимъ притокамъ. Такъ образовалось государство, которое правильнѣе было бы называть Кіевскимъ государствомъ.

Лѣтопись Нестора сообщаетъ намъ свѣдѣнія о предводителяхъ этихъ иноземныхъ дружинъ, завладѣвшихъ

Кіевомъ, первыхъ князьяхъ: свѣдѣнія эти, съ нѣкоторыми поправками, можно признать за достовѣрныя, такъ какъ они подтверждаются и греческими писателями. Князья эти подчиняли своей власти одно за другимъ всѣ южно-русскія племена. Олегъ, Игорь, Ольга, Святославъ—только и дѣлали, что воевали, „примучивали", накладывали дани. Но завоеватели иноземцы очень скоро совсѣмъ слились съ завоеванными туземцами. Надо думать, что и съ самаго начала пришельцевъ было мало и что съ ихъ властью легко примирились туземцы. Дѣло въ томъ, что власть эта,—которая, конечно, имѣла свои тягостныя стороны,—представляла и значительныя выгоды. Она защищала мирныхъ земледѣльцевъ, какими по преимуществу были наши предки уже и въ это отдаленное время, отъ набѣговъ со стороны степныхъ кочевниковъ. Наша степь съ ея роскошной растительностью чрезвычайно привлекала къ себѣ кочевые народы, которые изъ глубины Азіи то и дѣло появлялись здѣсь, вытѣсняя другъ друга. Олегу приходилось защищаться отъ хозаръ; Святославу и его пріемникамъ—отъ печенѣговъ. За печенѣгами появились дикіе половцы, борьба съ которыми давала свою окраску жизни Южной Руси въ теченіе двухъ вѣковъ такъ называемаго удѣльнаго періода ея исторіи. А появленіе еще болѣе многочисленныхъ и свирѣпыхъ кочевниковъ-татаръ въ 13-омъ вѣкѣ ужъ сдѣлалось главной причиной того, что жизнь южно-русскаго племени окончательно отдѣлилась отъ жизни племенъ сѣверно-русскихъ и каждая изъ нихъ пошла своимъ особымъ ходомъ. Правда, между обѣими половинами русской народности образовались отличія еще ранѣе. Дѣло въ томъ, что сѣверно-руссы, поселившись въ лѣс-

ной части русской равнины, смѣшались съ финскими племенами, первоначальными обитателями сѣверно-русскихъ лѣсовъ. Но до татаръ была политичеекая связь между русскимъ сѣверомъ и югомъ, такъ какъ они управлялись тѣми же варяго-русскими князьями и складъ ихъ общественной жизни былъ приблизительно одинъ и тотъ же. Но когда съ татарскимъ завоеваніемъ порвалась политическая связь, — историческая жизнь сѣверной и южной половинъ русской народности пошла различными путями.

II.

Въ 988 г., когда великимъ княземъ кіевскимъ былъ Владиміръ Святославовичъ, произошло такъ называемое „крещеніе Руси“.

Это было событіемъ огромной важности въ жизни нашихъ предковъ. Дѣло шло не объ одной перемѣнѣ вѣры—языческой на христіанскую. Вѣдь греческая имперія, откуда пришло къ намъ христіанство, была страной просвѣщенной, — наша Русь дикой, варварской. Вмѣстѣ съ христіанской вѣрой хлынула къ намъ впервые волна просвѣщенія: грамотность, книги, образованные люди въ лицѣ греческаго духовенства. Явились новыя понятія, новые взгляды на жизнь, совершенно чуждые нашей языческой древности. Все это отразилось и на политической, или государственной, жизни. Уже первый христіанскій князь Владиміръ Св. является не только предводителемъ дружины, какъ его предшественники. Своими заботами о распространеніи и утвержденіи христіанской вѣры, о внутреннемъ порядкѣ и судѣ, онъ стремится къ тому, чтобъ быть настоящимъ

государемъ своей страны. А сынъ его, Ярославъ Мудрый, по изображенію лѣтописи, есть маленькая копія съ фигуры просвѣщеннаго византійскаго самодержца. Управившись всѣми правдами и неправдами со своими братьями, претендентами на великокняжескій престолъ, онъ твердо забралъ въ свои руки управленіе обширной страной. Ярославъ вовсе не заботился о походахъ и завоеваніяхъ, а довольствовался тѣмъ, что укрѣплялъ границы своего государства, защищая его отъ враговъ. Главныя же его заботы были направлены на просвѣщеніе и внутренній порядокъ. Краснорѣчивымъ доказательствомъ его стремленій къ государственному благоустройству является сборникъ законовъ, такъ называемая „Русская Правда“: онъ имѣетъ цѣлью подчинить жизнь всѣхъ живущихъ въ предѣлахъ Кіевскаго государства однимъ и тѣмъ же правовымъ положеніямъ (нормамъ).

Со смертью Ярослава наша политическая жизнь получила новое направленіе. Государство раздѣлилось между сыновьями и внуками Ярослава, а затѣмъ начало дальше и дальше дробиться среди его потомства. Наступила такъ называемая удѣльная эпоха. Во главѣ государства стояло княжество Кіевское, а на кіевскомъ „столѣ“ сидѣлъ старшій въ Ярославовомъ родѣ или болѣе сильный, умный, значительный изъ родичей— великій князь Кіевскій. Къ этому княжеству примыкали княжества удѣльныя различныхъ размѣровъ и ими управляли удѣльные князья, опять таки сообразно ихъ старшинству или личному значенію. Но государство дробилось на отдѣльныя княжества, или удѣлы, не случайно: каждое большое удѣльное княжество заключало въ себѣ землю отдѣльнаго племени. Такъ, княжество Кіе-

вское было землей полянъ; княжество Черниговское—землею сѣверянъ, также какъ и Переяславское; княжество Туровское—землею древлянъ; княжество Волынское—землею бужанъ, или волынянъ. Населеніе того или иного удѣльнаго княжества, чувствуя свою племенную особенность, предпочитало имѣть князей изъ какой-нибудь одной вѣтви Ярославова дома и считало эту вѣтвь своею. Но соперничество князей рѣдко позволяло окончательно утвердиться одной княжеской группѣ въ той или другой землѣ. Вообще, князья-родичи враждовали между собой, и ихъ почти безпрерывныя войны изъ-за великокняжескаго достоинства и изъ-за лучшаго удѣла наполняютъ собою исторію Южной Руси. [1]). Если къ княжескимъ усобицамъ прибавить постоянные, изъ года въ годъ, набѣги дикихъ половцевъ, тогдашнихъ обитателей степей, то передъ нами раскрывается вся обстановка политической жизни южнорусскаго общества. Великій поэтъ Слова о полку Игоревѣ [2]) яркими чертами характеризуетъ время удѣльной смуты, котораго онъ былъ живымъ свидѣтелемъ. „И сказалъ братъ брату“—такъ говоритъ онъ о современныхъ ему князьяхъ,„—это мое и то мое же, и начали князья говорить про малое: „это великое“, а сами на себя ковать крамолу, а поганые (т. е. язычники-половцы) со всѣхъ сторонъ приходятъ съ побѣдами на русскую землю...“ А тѣ художественные образцы и страстныя слова, въ которыхъ поэтъ говоритъ о половцахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что вся его

---

[1]) Удѣльный періодъ надо считать приблизительно около двухъ вѣковъ—отъ смерти Ярослава до нашествія монголовъ (1054—1224).

[2]) Слово о полку Игоревѣ—единственное художественное произведеніе, дошедшее до насъ отъ того времени, о которомъ идетъ рѣчь.

душа была потрясена страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ, какимъ являлись половецкіе набѣги.

Изъ среды удѣльныхъ княжествъ, на какія разбилась Южная Русь послѣ смерти Ярослава, рано выдѣлились два, которыя слились потомъ въ одно. Это были удѣльныя княжества Волынское и Галицкое, извѣстныя позже подъ общимъ именемъ Галицко-Владимирской Руси. Галицкое княжество, лежавшее по предгорьямъ Карпатъ, составляло самую крайнюю западную часть южной Руси. Къ нему примыкала Волынь, значительнѣйшая изъ южнорусскихъ земель. Несомнѣнно, между Галицкимъ и Волынскимъ княжествами существовала связь близкаго племеннаго родства, а также общность политическихъ интересовъ. Оба эти княжества меньше страдали отъ половцевъ, т. к. были болѣе удалены отъ половецкой степи; больше соприкасались съ западной Европой черезъ Польшу и Венгрію. Здѣсь утвердилась вѣтвь Ярославова дома, которая крѣпко стояла за то, чтобы выдѣлить свои княжества изъ общаго княжескаго передѣла и присвоить ихъ себѣ въ наслѣдственное владѣніе; населеніе земель поддерживало князей въ этомъ ихъ стремленіи.

Такимъ образомъ къ концу удѣльнаго періода Галицко-Владимирское (Волынское) княжество составило какъ бы особое государство въ тогдашнемъ Русскомъ государствѣ. Два умныхъ и энергичныъ князя, Романъ и сынъ его Даніилъ, придали этой области крѣпость и самостоятельность. Въ западной Европѣ называли Галицко-Владимирское княжество королевствомъ, а Даніила Романовича—Русскимъ королемъ. Усиливалось Галицко-Волынское княжество главнымъ образомъ благодаря той случайности, что у его князей не было мно-

гочисленныхъ сыновей, а тѣ, какіе были, дѣйствовали заодно, не ослабляя себя и своихъ земель междуусобной враждой.

Остальныя удѣльныя княжества все больше и больше дробились между многочисленными князьями и разорялись отъ постоянныхъ княжескихъ усобицъ. Падало постоянно значеніе и великокняжескаго города Кіева. Половцы мѣшали торговлѣ съ Греціей, которая обогащала городъ, а въ распряхъ князей изъ-за великокняжескаго достоинства нерѣдко страдалъ и самъ Кіевъ. Вмѣстѣ съ политической силой Галицко-Владимирская Русь, стоя въ близкихъ отношеніяхъ съ западной Европой, развивала торговлю, промышленность. А остальная Русь дробилась и бѣднѣла, падала какъ политически, такъ и культурно., Въ концѣ удѣльнаго періода можно было предполагать, что Галицко-Владимирское княжество стянетъ около себя остальную Южную Русь и образуетъ одно сильное самостоятельное южнорусское государство. Все, повидимому, клонилось къ такому исходу. Но въ жизни государствъ, какъ и во всякой жизни, играютъ большую роль такъ называемыя случайности; такое случайное стеченіе обстоятельствъ направило неожиданно теченіе южнорусской исторіи въ иное русло.

III.

Какъ было сказано выше, князья и ихъ дружины рано утратили свою національную обособленность, слились съ славянскимъ населеніемъ подчиненныхъ имъ земель. Послѣ крещенія Руси, т. е. съ конца 10-го вѣка, незамѣтно уже никакихъ слѣдовъ того, что правящая группа, князья и ихъ бояре, иного происхожденія, чѣмъ

остальное население. Но, слившись языкомъ, нравами, обычаями, религіей, правящая группа все-таки стояла особнякомъ въ силу своего общественнаго положенія, своей роли въ общественной жизни. На князѣ и его дружинѣ (боярахъ) лежала обязанность поддерживать порядокъ внѣшней и внутренней жизни. Сначала князья считали своей исключительной обязанностью защиту земли отъ внѣшнихъ враговъ, для чего и служила дружина, которую они набирали изъ вольныхъ охотниковъ и содержали данями отъ подвластнаго населенія, добычей отъ враговъ и торговлей съ сосѣдними странами.

Со временъ Владиміра, а особенно Ярослава, князья начинаютъ входить и въ устройство внутренней жизни подчиненныхъ имъ земель. Да и защита отъ врага принимаетъ иной характеръ: князья защищаютъ земли свои тѣмъ, что укрѣпляютъ города и строятъ новые, обносятъ границы валами и стѣнами, стараются заселять пограничье. Пока княжеская власть занята была защитой отъ внѣшнихъ враговъ, населеніе само поддерживало внутренній порядокъ, какъ знало и умѣло. Оно жило родами, и каждый родъ внутри себя управлялся родовымъ старѣйшиной, власти котораго родичи безусловно подчинялись. Если происходили столкновенія между отдѣльными родами—изъ-за земли или охоты, изъ-за ссоры отдѣльныхъ членовъ разныхъ родовъ—возникала частная война между родами или такъ называемая „кровавая месть“ (вендетта). Роды истребляли взаимно другъ друга, пока, въ концѣ концовъ, не приходили къ необходимости примириться. Вотъ, въ общихъ чертахъ, тотъ правовой строй, въ которомъ жили наши предки. Когда князья увидѣли, что имъ, какъ предста-

вителямъ государственной власти, надо вмѣшиваться и во внутреннюю жизнь страны, они прежде всего стали ограничивать права отдѣльныхъ родовъ разрѣшать свою вражду междуусобной войной. Первая статья Русской Правды посвящена именно кровавой мести. Духовенство дѣятельно помогало князьямъ ввести въ Русской землѣ [1]) правовой порядокъ, свойственной просвѣщенной странѣ. Оно привозило изъ Византіи „законныя" книги, переводило ихъ съ греческаго языка на понятный для нашихъ предковъ церковно-славянскій (древне-болгарскій), передѣлывало эти книги, приспособляя къ потребностямъ русской жизни. Такъ понемногу языческая Русь обращалась въ христіанскую, родовой строй общества—въ государственный. Поддержаніе новаго строя требовало постояннаго участія правящей группы, т. е. князя и его дружины, или боярства. Такимъ оразомъ русское общество далекаго времени представляло собою два слоя: верхній и нижній. Но нижній, управляемый, слой не былъ низшимъ въ современномъ смыслѣ этого слова, т. е. онъ не являлся зависимымъ отъ верхняго слоя. Наоборотъ, верховная власть въ юномъ русскомъ государствѣ несомнѣнно принадлежала „землѣ," т. е. представителямъ этаго нижняго слоя. Это отчетливо проявлялось въ той роли, какую играло „вѣче" въ древне-русской жизни.

„Вѣче" это общенародная сходка, въ которой принимали участіе всѣ „люди", или „мужи", т. е. все свободное населеніе страны, но не наличные его члены, а старшіе въ семьяхъ, главы семей. Безъ согласія вѣча

---

[1]) „Русь" и „русскій" значило въ этотъ періодъ нашей исторіи лишь Южная Русь и южнорусскій, украинскій (по лѣтописямъ).

князь не могъ занять стола, хотя бы и имѣлъ на то право по наслѣдству. Къ вѣчу же князь обращался во всѣхъ важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ; вѣче изгоняло князя, которымъ было недовольно населеніе, и сажало другого.

Конечно, это есть проявленіе верховной власти (суверенитета) народа. Но вѣче не было организованнымъ, правильно дѣйствующимъ учрежденіемъ, такъ какъ народъ, не развитой политически, былъ мало заинтересованъ тѣмъ, чтобы никогда не выпускать власть изъ своихъ рукъ.

Отсюда выходило такъ, что князь, особенно если онъ пользовался довѣріемъ, могъ обходиться свободно и безъ вѣча, и случалось, что вѣче въ иныхъ удѣльныхъ княжествахъ утрачивало свое исконное значеніе.

Однимъ словомъ, вѣче являлось въ разныхъ княжествахъ и въ разное время далеко не одинаковымъ по своему общественному значенію. Бывало, что надъ нимъ брала верхъ не только княжеская власть, но и боярство. Послѣднее мы замѣчаемъ въ землѣ Галицкой, гдѣ боярство получило такую силу, что распоряжалось и княжескимъ столомъ.

Главнымъ занятіемъ населенія было земледѣліе. Свободной земли было тогда еще такъ много, что каждый могъ захватывать подъ обработку столько, сколько хотѣлъ. Свободны были и безконечные лѣса, полные звѣря, птицы и дикихъ пчелъ, свободны и воды, рѣки и озера, изобиловавшія рыбой. Ничто не ограничивало человѣка въ пользованіи этими фактически неисчерпаемыми естественными богатствами, кромѣ его собственной рабочей силы.

Казалось бы, при этихъ условіяхъ всѣ могли быть

одинаково свободными, равными, обезпеченными. Они выдѣляли изъ продуктовъ своего промысла часть на содержаніе князя, боярства и духовенства (мѣхомъ или медомъ, какъ продуктами болѣе удобными для торговаго сбыта), а остальное должно было съ избыткомъ удовлетворять ихъ скромныя потребности. Выдѣляемая доля не могла быть обременительно велика, такъ какъ ея размѣры, повидимому, опредѣлялись договорнымъ соглашеніемъ князя съ вѣчемъ.

Тѣмъ не менѣе и въ этотъ младенческій періодъ нашей исторіи уже замѣчаются зачатки экономическаго неравенства. А экономическое неравенство всегда является отцомъ неравенства соціальнаго. Экономическое неравенство среди населенія, занятаго производительнымъ трудомъ, происходило отъ слѣдующихъ причинъ. Люди одинокіе, лишенные поддержки родичей, вынуждены были обращаться къ болѣе сильнымъ за помощью для пріобрѣтенія скота, земледѣльческихъ и иныхъ орудій и пр., безъ чего невозможно было эксплоатировать землю, какъ бы свободна она ни была. За ссуду должникъ, конечно, бралъ на себя какія-нибудь обязательства. Въ этихъ людяхъ, которыхъ называли „закупами,“ мы видимъ зачатки зависимыхъ отношеній среди свободнаго древне-русскаго общества. Кромѣ закуповъ, на Руси, какъ во всякомъ древнемъ обществѣ, были рабы. Но рабы—это были люди чужіе, которые не пользовались защитой права, военноплѣнные, а изъ своихъ лишь преступники и неоплатные должники. Хотя варяго-русскія дружины временъ первыхъ князей торговали съ Византіей также и рабами и, повидимому, это была немаловажная статья торговли, но мы не замѣчаемъ чтобы рабство играло большую роль въ христіанской, Руси.

Просвѣщеніе, - то просвѣщеніе, которое пришло вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи, было почти исключительнымъ достояніемъ верхняго слоя—князей и боярства, а въ особенности духовенства. Книги были только священно-церковныя; наукой признавалось лишь богословіе; грамотность нужна была главнымъ образомъ тому, кто хотѣлъ посвятить себя церкви. Но такъ начиналось просвѣщеніе не только на Руси, но и во всей Европѣ.

Южная Русь, какъ часть вел. кн. Литовскаго.

I.

Вдали отъ Южной Руси, по прибрежьямъ Балтійскаго моря, между устьями Вислы и западной Двины, а главнымъ образомъ на среднемъ Нѣманѣ—жили дикія литовскія племена, „Литва поганая", какъ ихъ обзывали наши былины. Каждое племя располагалось на роды, которые управлялись родовыми старшинами. Жизнь среди дремучихъ лѣсовъ, охота, какъ главное занятіе,—все это клало свой мрачный отпечатокъ на обликъ, на бытъ и на нравы литовцевъ.

Литва отдѣлена была отъ Южной Руси широкой полосой теперешней западной Руси, заселенной тогда русскими племенемъ Кривичей, предковъ теперешнихъ бѣлоруссовъ. Однако именно ей, этой отдаленной Литвѣ, пришлось сыграть рѣшающую роль въ дальнѣйшей исторіи южнорусскаго края.

Въ началѣ тринадцатаго вѣка хлынули изъ азіатскихъ степей на русскую равнину монголы [1]). Батый

---

[1]) Первое нашествіе въ 1224 г., второе—1240 (взятіе Кіева).

съ своей ордой прошелъ поперекъ Южной Руси, все разоряя на своемъ пути. Опустошительный потокъ достигъ даже земли Галицкой и вылился за ея предѣлы. Кіевъ, Черниговъ и др. южнорусскіе города были почти снесены съ лица земли. Жизни края нанесенъ былъ тяжелый ударъ. Но жизнь не замерла окончательно, какъ это полагаютъ нѣкоторые историки. Пострадала главнымъ образомъ политическая сторона жизни, правящіе классы, учрежденія. Населеніе же, распуганное надвинувшейся грозой, возвратилось на свои пепелища, какъ только гроза миновала; возвратившись, оно принялось за производительный трудъ и снова начало устраивать жизнь. Но политическія узы были ослаблены, князья и боярство какъ будто исчезли и населеніе обходится безъ нихъ, устраиваясь отдѣльными общинами съ выборными властями (атаманами). По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южнорусскаго края (въ западной Кіевщинѣ и южной Волыни, на Подольѣ) мы видимъ слѣды именно такого склада общественной жизни, напоминающаго собой позднѣйшее казачество. Кіевъ началъ снова заселяться и отстраиваться, въ немъ были даже какіе-то князья, упоминаемые лѣтописью, но, повидимому, безъ широкаго вліянія и власти. Значительное по территоріи и населенію княжество Черниговo-Сѣверское явилось теперь разбитымъ на много мелкихъ княжескихъ владѣній и отодвинулось къ сѣверу: самымъ вліятельнымъ изъ черниговскихъ удѣльныхъ княжествъ было теперь княжество Брянское, лежавшее далеко въ полосѣ лѣсовъ. Княжество Туровское, бывшая земля древлянъ, скрытое въ глубинѣ лѣсовъ, также раздробилось на множество мелкихъ владѣній съ самостоятельными князьками.

Только Галицко-Владимирское княжество, быстро оправившись отъ разоренія, продолжало существовать по прежнему, какъ сильное политическое цѣлое, съ своими князьями, боярами, со всѣми принадлежностями стараго государственнаго строя.

Такимъ образомъ Южная Русь, за исключеніемъ земли Галицко-Владимирской, и безъ того ослабленная усобицами удѣльныхъ временъ, послѣ нашествія монголовъ совсѣмъ расшаталась въ политическомъ отношеніи. Она должна была сдѣлаться легкой добычей перваго сильнаго врага. А такой врагъ какъ разъ и нашелся. Это была Литва.

Между тѣмъ какъ Южная Русь слабѣла, распадаясь, разлагаясь политически, литовскія племена объединялись въ государство и получали такимъ образомъ силу и значеніе. Очень любопытно, что въ то время, какъ объединялась Литва, объединялись и сосѣднія сѣверно—русскія удѣльныя княжества, складываясь въ одно Московское (великорусское) государство, объединялись и западные сосѣди—поляки, также образуя изъ отдѣльныхъ мелкихъ земель одно Польское государство.

Такимъ образомъ къ половинѣ 14-го вѣка получилась слѣдующая картина политическихъ отношеній. Южная Русь перестала существовать, какъ единый политическій организмъ, какъ государство; она раздробилась, распалась на мелкія клѣточки. А въ то же время по сосѣдству съ нею сложились три сильныя государства: Литовское, Московское и Польское. Отсюда—дальнѣйшая судьба Южной Руси необходимо стала въ зависимость отъ этихъ государствъ, которыя начали притягивать ее къ себѣ или цѣликомъ или по частямъ.

Великій князь литовскій Гедиминъ [1]) успѣлъ захватить лишь территорію бывшаго Туровскаго княжества. Почти вся остальная Южная Русь была присоединена къ Литовскому государству его сыномъ Ольгердомъ, собирателемъ южнорусскихъ земель.

Держава, которую создалъ Ольгердъ„ [2]) своимъ великимъ разумомъ и смысломъ" и своею „крѣпкою думою"—по словамъ одного сѣверно-русскаго лѣтописца,—эта держава, т. е. Литовско-Русское государство, на самомъ дѣлѣ была гораздо болѣе русскимъ, чѣмъ литовскимъ государствомъ. Въ составъ ея входили западно-русскія (бѣлорусскія) и южно-русскія (малорусскія) земли; однимъ словомъ русскій элементъ составлялъ приблизительно девять десятыхъ ея территоріи и населенія. Преобладая политически, русскій народъ преобладалъ и культурно. Русскій языкъ, православная вѣра, русскіе нравы и обычаи господствовали, и литовская національность не проявляла себя ничѣмъ въ русскихъ областяхъ.

Мало того: даже государственный строй, въ который были теперь вновь втянуты южно-русскія земли, лишь продолжалъ собою то, что было раньше. Снова водворилась таже удѣльная система, лишь съ той разницей, что вмѣсто Рюриковичей сидѣли Гедиминовичи, родичи Ольгерда, которымъ онъ пораздавалъ земли въ удѣлы. Воспитанные въ русской культурѣ и православной вѣрѣ, литовскіе князья эти ничѣмъ не отличались существенно отъ старыхъ князей Рюриковичей. Подъ властью литовскихъ князей складывалось большое и сильное Русское государство. Но одна историческая случайность

[1]) 1316 г.—1341 г.

[2]) Ум. 1377 г.

дала дальнѣйшему теченію жизни иное направленіе. Это былъ бракъ литовскаго князя Ягайла, Ольгердова сына, съ польской королевой Ядвигой [1]). Какое значеніе могло имѣть это случайное обстоятельство?

Дѣло въ томъ, что литовцы теперь были вовлечены въ широкую государственную жизнь, въ отношенія съ другими сосѣдними народами, и потому не могли дальше жить обособленно, въ старыхъ взглядахъ и понятіяхъ, неразрывно связанныхъ съ языческой религіей. Они должны были принять міровую религію—религію культурныхъ народовъ—христіанскую. Но они могли принять христіанство или по православному,—восточному, или по католическому—западному обряду. Въ началѣ то и другое не представляло большой разницы, но дальнѣйшія послѣдствія были очень значительны. Вѣдь надо помнить, что въ тѣ отдаленныя времена просвѣщеніе стояло въ тѣсной связи съ религіей. Католицизмъ пользовался латинскимъ языкомъ, и принятіе христіанства по католическому обряду сближало съ Западной Европой, которая въ то время пользовалась латинскимъ языкомъ, какъ языкомъ образованности, науки. Вступая въ бракъ съ Ядвигой, Ягайло далъ обѣщаніе крестить свой народъ по католическому обряду,—и исполнилъ обѣщаніе. Литовцы такимъ образомъ вступили въ тѣсное культурное общеніе съ поляками и подпали подъ ихъ вліяніе. Между литовскимъ и русскимъ населеніемъ государства положена была рознь, которая съ дальнѣйшимъ ходомъ исторической жизни росла и усложнялась. Литовско-русское государство все болѣе сближалось съ Польшей своимъ строемъ, своими законами

---

[1]) 1386 г.

и учрежденіями, а тѣмъ самымъ русская народность государства съ своимъ особымъ складомъ отодвигалась на заднiй планъ, становилась второстепенной, зависимой. Въ то же время одна часть южнорусской народности попала въ прямую зависимость отъ Польши, вошла въ составъ Польскаго государства: это Галиція.

Въ половинѣ 14-го вѣка въ Галицко-Владимирской Руси прекратился старый русскій родъ князей—правителей и изъ—за власти надъ этой обширной и богатой землею начались распри между Литовскимъ и Польскимъ государствами. Сорокъ лѣтъ тянулась борьба за Галицко-Владимирское наслѣдство. Въ результатѣ получился раздѣлъ: Русь Владимирская, или Волынь, отошла къ Литвѣ, Галиція—къ Польшѣ. Такимъ образомъ еще въ 14-омъ вѣкѣ завязался тотъ узелъ, въ какой затянутъ современный украинскій вопросъ: Галиція оторвалась отъ остальной Южной Руси. Русская народность тотчасъ же подпала здѣсь подъ тяжелое давленіе со стороны народности польской.

Былъ одинъ періодъ, когда Литовско-Русское государство жило политической жизнью, вполнѣ независимо отъ Польши,—это княженіе великаго князя Витовта,[1]) двоюроднаго брата Ягайлы. Человѣкъ выдающагося ума и энергіи, Витовтъ сознательно задался цѣлью обезпечить свое государство отъ притязаній Польши, дать ему вполнѣ самостоятельное существованіе. Для этого надо было прежде всего укрѣпить государство извнѣ и внутри. Внутренней крѣпости онъ достигъ тѣмъ, что пріемами ловкой политики, если и не уничтожилъ совершенно, то значительно сократилъ удѣлы; вмѣсто удѣль-

[1]) 1392—1430 г.

ныхъ князей оказались къ концу его правленія во многихъ южно-русскихъ земляхъ—назначенные имъ, Витовтомъ, великокняжескіе намѣстники.

Такое централизованное государство несомнѣнно выиграло по отношенію къ своей силѣ. Затѣмъ Витовтъ много сдѣлалъ для безопасности государства со стороны южно-русскихъ границъ. Для Южной Руси сосѣдство степи съ ея кочевниками было самымъ важнымъ условіемъ, опредѣляющимъ ея положеніе. Въ описываемое время степью владѣли татары. Громадное Монгольско-татарское государство, раскинувшееся изъ глубинъ Азіи черезъ южно-русскія степи до Дуная, скоро начало распадаться. Сначала азіатская часть отдѣлилась отъ европейской; затѣмъ отъ Золотой Орды, имѣвшей свое средоточіе въ низовьяхъ Волги, отдѣлилась орда Крымская. Съ этихъ поръ—и впредь до конца 18-го вѣка—Южной Руси приходилось имѣть дѣло исключительно съ крымскими татарами. Крымское ханство играло огромную роль во всей исторіи Южной Руси, какъ это мы увидимъ ниже. Но въ описываемый моментъ, во времена Витовта, господствовали надъ степью не татары, а великій князь литовскій. Онъ вмѣшивался въ крымскія дѣла, поддерживалъ ту или иную партію, того или иного претендента на ханскую власть: такимъ образомъ его поддержкой утвердилась въ Крыму ханская династія Гиреевъ; позже—много набѣговъ и тяжелыхъ опустошеній связано было для русско-литовскихъ земель съ именемъ Гиреевъ. Собственно говоря, настоящимъ бѣдствіемъ сдѣлалась для Южной Руси Крымская орда лишь послѣ завоеванія Константинополя турками. [1]) Крымъ

[1]) 1453 г.

сталъ въ зависимость отъ Турецкой имперіи и получилъ въ ней несокрушимую поддержку. Къ сосѣдской враждѣ, вытекающей изъ столкновенія интересовъ, примѣшался теперь религіозный фанатизмъ: мусульманскій востокъ выступилъ, какъ страшный врагъ, противъ христіанскаго запада, и южно-русское пограничье было втянуто въ эту грандіозную борьбу.

Пока былъ живъ Витовтъ, Польша и вся Европа признавала значеніе и самостоятельность Литовско-русскаго государства. Послѣ Витовта положеніе круто измѣнилось.

Все слѣдующее столѣтіе, отъ половины пятнадцатого до половины шестнадцатаго вѣка, Литовско-русское государство представляло собой въ политическомъ отношеніи слѣдующую картину. Оно управляется Ягеллонами, какъ наслѣдственными великими князьями. Въ то же время Польша, гдѣ верховная власть была выборной, постоянно выбирала Ягеллоновъ въ короли. Литовскіе магнаты, которые пользовались большимъ вліяніемъ въ краѣ, не разъ пытались порвать эту династическую связь; но усилія поляковъ, а отчасти и благопріятное имъ стеченіе обстоятельствъ, поддерживали союзъ Литвы съ Польшей.

Такъ какъ Польша была въ культурномъ отношеніи выше Литвы, то Ягеллоны предпочитали ее и въ скоромъ времени совершенно ополячились. Они лишь наѣздомъ появлялись въ Литвѣ, втянулись во всѣ интересы польской жизни и, естественно, ставили ихъ на первый планъ. Сначала ни литовская ни русская народность государства не испытывали отъ этого лишеній: наоборотъ, мѣстной жизни предоставленъ былъ большой просторъ. Русскій языкъ (западно-русское нарѣчіе) оста-

вался оффиціальнымъ языкомъ края; на немъ писались законы, правительство сносилось съ населеніемъ по—русски. Всѣ документы, всѣ письменные памятники, дошедшіе до насъ отъ этого времени, написаны на русскомъ языкѣ.

Да и помимо этого, политическая жизнь Южной Руси сохранила за собой значительную самостоятельность. Кіевъ продолжалъ играть роль центра для южнорусской территоріи. Хоть Витовтъ и посадилъ въ Кіевѣ своего намѣстника, устранивъ удѣльнаго князя Владиміра Ольгердовича, но стремленіе къ собственному управленію было здѣсь такъ сильно, что послѣ смерти Витовта въ Кіевъ скоро возвратился сынъ Владиміра—Александръ, или Олелько, и его сыновья, Олельковичи. Это были уже совершенно обрусѣвшіе князья православной вѣры, которые пользовались большою привязанностью со стороны населенія Кіевской области.

Но такое положеніе могло длиться лишь до тѣхъ поръ, пока великіе князья литовскіе не чувствовали себя въ силахъ съ нимъ бороться. Великій князь Казиміръ Ягайловичъ, укрѣпившись въ качествѣ великаго князя Литовскаго и короля Польскаго, не призналъ за княземъ Михаиломъ Олельковичемъ права получить въ наслѣдство Кіевское княжество послѣ старшаго брата Симеона и посадилъ въ Кіевѣ своего намѣстника [1]). И кіевляне и Олельковичъ проглотили обиду, но не примирились съ нею. Накопившееся неудовольствіе разразилось десять лѣтъ спустя. На южнорусской территоріи образовался обширный заговоръ противъ великаго князя Литовскаго. Во главѣ заговора стоялъ

---

[1]) 1471 г.

Михаилъ Олельковичъ, теперь князь ничтожнаго Копыльскаго удѣла, и еще нѣсколько мелкихъ русскихъ удѣльныхъ князей; конечно, ихъ поддерживало сочувствіе мѣстнаго населенія. Точно неизвѣстно, въ чемъ состояли намѣренія заговорщиковъ: оторвать ли Южную Русь отъ Литвы и присоединить ее къ Московскому государству, или просто овладѣть особой великого князя, который долженъ былъ пріѣхать на свадьбу къ одному изъ вождей заговора, князю Бѣльскому, и передать верховную власть въ руки Олельковича? Какъ бы то ни было, заговоръ былъ своевременно открытъ, и Михаилъ Олельковичъ вмѣстѣ съ княземъ Гольшанскимъ были казнены въ Кіевѣ [1]) передъ воротами такъ называемаго Литовскаго замка, отстроеннаго великимъ княземъ для того, чтобы удерживать въ повиновеніи непокорный городъ.

Дальнѣйшій протестъ Южной Руси противъ Литовскаго государства выразился въ слѣдущемъ. Выше было сказано, что Чернигово-Сѣверское княжество распалось на множество мелкихъ удѣловъ, гдѣ сидѣли потомки князей частью Рюриковичей, частью Гедиминовичей. И вотъ въ концѣ 15-го вѣка, еще при Казимірѣ, а главнымъ образомъ въ междуцарствіе, наступившее за его смертью, начался переходъ этихъ князей съ ихъ землями въ подданство Московскаго государства. Такимъ образомъ отошла отъ Литвы почти вся Сѣверщина и оставалась въ составѣ Московскаго государства вплоть до такъ называемаго Смутнаго времени, когда она была отвоевана обратно.

И еще одинъ фактъ отмѣчаетъ исторія, когда Южная

---

[1]) 1481 г.

Русь снова дѣлаетъ попытку отдѣлиться отъ Литвы. Это было четверть вѣка спустя послѣ неудачнаго заговора русскихъ князей съ Олельковичемъ во главѣ. Умеръ Александръ Казиміровичъ, и соединенный тронъ великаго княжества Литовскаго и королевства Польскаго занялъ братъ его Сигизмундъ I. Удѣльные князья уже почти совсѣмъ перевелись въ Южной Руси, утративъ всякое политическое значеніе даже тамъ, гдѣ они еще удержались. Такимъ образомъ во главѣ новаго южнорусскаго политическаго движенія уже стали не удѣльные князья, а мѣстный вельможа изъ знатныхъ татарскихъ выходцевъ князь Глинскій, человѣкъ выдающагося ума, энергіи, политической опытности. Личная обида побудила его соединить около себя всѣ недовольные элементы края. Его сознательно поставленной цѣлью было отдѣлить Южную Русь отъ Литовскаго государства, чтобы соединить ее съ государствомъ Московскимъ [1]). Но и эта попытка окончилась неудачей, между прочимъ и потому, что не нашла достаточно энергичной поддержки со стороны великаго князя Московскаго Василія Іоанновича.

Всѣ эти попытки южнорусскихъ земель отдѣлиться отъ Литвы не имѣли характера широко и глубоко захватывающихъ народныхъ движеній; да для такихъ движеній и не было достаточно подготовленной почвы. Литовское государство мало вмѣшивалось въ жизнь отдѣльныхъ областей, да еще такихъ отдаленныхъ, какъ области южнорусскія. Литовскіе князья въ различныхъ документахъ, какіе они выдавали отдѣльнымъ ли лицамъ или цѣлымъ территоріямъ, то и дѣло повторяли:

[1]) 1508 г.

„мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ“ (не нарушаемъ старинныхъ обычаевъ и не вводимъ новыхъ) и старались поступать согласно этому правилу. Къ тому же, живя въ Польшѣ, они должны были неизбѣжно расширять власть мѣстныхъ органовъ управленія. Въ положеніи произошла крупная перемѣна лишь послѣ такъ называемой Люблинской уніи, которая объединила Литву съ Польшей въ одно государство.

Произошло это такъ. Сынъ Сигизмунда I Сигизмундъ Августъ не имѣлъ дѣтей, а слѣдовательно, и законныхъ наслѣдниковъ престола великаго княжества Литовскаго. Соединенію Литвы съ Польшей, которое держалось династіей Ягеллоновъ, угрожала опасность. Польша ощущала эту опасность, какъ грозящую ей бѣду. Сигизмундъ Августъ по отношенію къ этому вопросу сталъ на точку зрѣнія государственныхъ интересовъ Польши. Онъ задумалъ предупредить угрожающее распаденіе.

Въ 1569 г. въ гор. Люблинѣ созванъ былъ общій сеймъ, на который съѣхались для обсужденія и рѣшенія вопроса представители всѣхъ соединенныхъ земель. Когда литовскіе магнаты увидѣли, что вопросъ о соединеніи государства принимаетъ непріятный для нихъ оборотъ, то они тихонько разъѣхались: они думали предупредить соединеніе. Но вышло не такъ. Представители высшаго сословія Литовско-Русскаго государства все-таки были на сеймѣ, если не изъ крупнаго, то изъ средняго дворянства, и они иначе смотрѣли на соединеніе Польши и Литвы. При дѣятельной поддержкѣ короля, дѣло приняло такой оборотъ: не только состоялось соединеніе, но еще и вся Южная Русь вошла непосредственно въ составъ Польши, оторвавшись отъ

Литвы. Такимъ образомъ Люблинская унія сдѣлалась критическимъ моментомъ въ исторіи Южной Руси. Русь эта подчинилась польскимъ законамъ а, слѣдовательно, и вліяніямъ польской культуры. Соединеніе съ Польшей повлекло за собой глубокія измѣненія въ жизненномъ строѣ южно-русскаго общества.

II.

Но пока Южная Русь была въ составѣ Литовско-Русскаго государства, она продолжала жить такъ, какъ жила раньше въ такъ-называемую удѣльную эпоху своей исторіи. Литовское правительство мало вмѣшивалось во внутреннюю жизнь областей, присоединившихся къ Литвѣ. Правда, вмѣсто удѣльныхъ княжествъ были теперь земли, управлявшіяся великокняжескими намѣстниками—земля Кіевская, земля Волынская; Туровско-Пинская, какъ завоеванная раньше, вошла по управленію въ составъ Литвы, Чернигово-Сѣверская отошла къ Московскому государству, Галиція была оторвана Польшей; Литовское Подолье, или Брацлавщина, пока входило въ составъ Волыни.

Намѣстники, которые по польскому примѣру назывались старостами, вѣдали военное дѣло и сборъ доходовъ на господаря (т. е. на великаго князя). Во всемъ остальномъ населенію предоставлена была значительная свобода. Каждая отдѣльная земля имѣла уставную грамоту, своего рода конституцію, посредствомъ которой великій князь опредѣлялъ и утверждалъ права населенія данной области. Кромѣ участія въ общемъ сеймѣ всего великаго княжества Литовскаго, каждая область имѣла еще и свой областной сеймъ для рѣшенія дѣлъ,

касающихся своей области. Но независимо отъ этого населеніе имѣло неограниченное право всякихъ съѣздовъ, собраній и совѣщаній по всѣмъ дѣламъ и вопросамъ, какіе только выдвигала жизнь. Даже судебныя дѣла рѣшались большей частью на судебныхъ сходкахъ, или вѣчахъ (копные суды). Государство не видѣло интереса въ томъ, чтобъ ограничивать самостоятельность населенія, наоборотъ, именно въ этой самостоятельности оно черпало свою силу и крѣпость.

Итакъ, южно-русское общество этого времени представляло собой дальнѣйшее развитіе того, что было въ удѣльный періодъ. Правда, поверхностный взглядъ видитъ здѣсь какъ бы что-то новое,—даже много новаго, встрѣчается съ разнообразными названіями, какихъ не было до тѣхъ поръ: князья, паны, земяне, бояре, рыцарство, шляхта, дворяне—для высшаго класса населенія, затѣмъ мѣщане, вотчичи, данники, слуги, люди тяглые, похожіе и непохожіе—для класса низшаго. Можно подумать, что строй жизни сильно измѣнился и усложнился, разъ появилось столько новыхъ названій. И строй этотъ дѣйствительно усложнился, но не въ такой мѣрѣ, какъ это можно было бы предположить. Верхній слой южно-русскаго общества и теперь не утратилъ свой старый служебный характеръ. Правда, въ этотъ слой вошли многочисленные потомки удѣльныхъ князей литовскаго и русскаго происхожденія, но они слились съ общей массой. Главною задачей этого верхняго, такъ сказать, правящаго слоя была, какъ и раньше, защита страны отъ внѣшняго врага. Но защита эта требовала теперь уже гораздо больше усилій. И вотъ, чтобы лучше устроить защиту, государство начало раздавать земли

представителямъ верхняго слоя. Изъ этого вытекло для общества много важныхъ послѣдствій.

Эту раздачу земель нельзя понимать въ современномъ смыслѣ слова. Раздавалась не земля, а населеніе, сидящее на землѣ, которое не лишалось раздачей старыхъ своихъ правъ собственности на землю. Но и населеніе, поступая въ чье-то распоряженіе, не теряло своей свободы: эти права распоряженія были условны и ограниченны. Вмѣсто того, чтобы уплачивать какія-то подати и нести повинности государству,—или въ господарскую казну (по понятіямъ того времени, это было одно и тоже),—населеніе платило подати и отбывало повинности въ пользу извѣстнаго лица, князя или земянина. А этотъ князь или земянинъ долженъ былъ отбывать за то военную службу въ опредѣленномъ размѣрѣ: ставить въ случаѣ надобности столько-то воиновъ, конныхъ или пѣшихъ, въ такомъ-то вооруженіи и пр. Изъ этой раздачи земли на службу вытекали такія любопытныя отношенія. Великій князь отдавалъ какому—нибудь князю или иному пану цѣлый округъ (подразумѣвается населеніе округа), тотъ раздавалъ части этой территоріи отдѣльнымъ земянамъ или боярамъ, тоже съ обязательствомъ службы; земянинъ или бояринъ могъ въ свою очередь отдать одно или нѣсколько крестьянскихъ дворищъ „слугѣ", который, получая съ крестьянъ въ свою пользу слѣдуемыя съ нихъ подати и повинности, обязанъ былъ своему господину военной службой. Такимъ образомъ получалась цѣлая лѣстница отношеній зависимости и службы, восходившая отъ земледѣльца, знающаго лишь свой производительный трудъ, до великаго князя. Вотъ почему общественный строй Литовско-Русскаго государства

называютъ иногда феодальнымъ строемъ. Но кому же принадлежала земля, на которую упиралась нижнимъ концомъ эта „iерархическая“ лѣстница? Считали, что она принадлежитъ государству или великому князю, такъ какъ великiй князь былъ верховнымъ распорядителемъ службъ; но на самомъ дѣлѣ, фактически, земля принадлежала трудящемуся населенiю, данникамъ, вотчичамъ, тяглымъ людямъ, которые въ глазахъ правящаго класса все еще были „мужи“, т. е. свободные и полноправные граждане. Однако, такое положенiе, когда на землѣ лежали обязанности по службѣ, было опаснымъ по отношенiю къ правамъ трудящихся. Тѣ, общественно болѣе сильные, кому принадлежало распоряженiе землей въ интересахъ службы, легко могли посягать на права трудящагося класса, и постепенно могли завладѣть и землей и самой личностью земледѣльца. Такъ оно и случилось. Но особенныя условiя южнорусскiя мѣшали слишкомъ быстрому обращенiю свободныхъ земледѣльцевъ въ зависимыхъ, или крѣпостныхъ. Населенiе Южной Руси было такое рѣдкое, прекрасной, плодородной земли такъ много, что любому желающему можно было имѣть ея, сколько угодно. Заселенiе здѣсь шло медленно, такъ какъ подъ бокомъ была кочевническая степь, постоянно угрожавшая своими нападенiями. Такимъ образомъ всякiй, недовольный своимъ положенiемъ на мѣстѣ старой осѣдлости, могъ всегда найти себѣ новое мѣсто. Паны здѣсь слишкомъ дорожили земледѣльцемъ, чтобы тѣснить его.

Та же постоянная опасность со стороны степи давала еще и такiе результаты. Великiе князья не заводили здѣсь своихъ хозяйствъ, которыя были важнымъ подспорьемъ для великокняжеской казны. А между тѣмъ

именно около этихъ великокняжескихъ дворовъ ютилось населеніе, которое, подъ именемъ „людей тяглыхъ“, раньше всего обратилось въ людей зависимыхъ (т. е. лишилось права уходить съ земли въ случаѣ недовольства).

Въ Южной Руси преобладали „данники“ разныхъ названій. Данники жили большими семьями на своихъ дворищахъ. Дворище это то же, что хуторъ, поселокъ родичей, къ которому тянули разнообразные земельныя угодья, лѣса и воды. Жители дворища могли жить „за одними воротами“ и „за однимъ хлѣбомъ“, т. е. имѣть общее жилище и общее домашнее хозяйство, могли жить и раздѣльно; но по землевладѣнію и по отбыванію своихъ даней дворище составляло одно цѣлое. Въ хозяйствахъ данниковъ на первомъ планѣ стояло обыкновенно не земледѣліе или скотоводство, а пчеловодство, охота, рыболовство и пр. Оттого и дани свои великому князю или тому, кому ихъ давалъ великій князь на службу,—они отбывали по преимуществу медомъ и мѣхами (данники медовые, лисичники, куничники). Они долго сохранили за собой право не пускать въ свои округа сборщиковъ и сбирали дани сами черезъ своихъ выборныхъ старцевъ, сами же и отвозили, куда слѣдуетъ. Вообще, данники, населеніе промысловое, сохранили свободу полнѣе и дольше, чѣмъ населеніе исключительно земледѣльческое—тяглое.

Итакъ, главнымъ условіемъ, опредѣлившимъ теченіе политической и, вообще, общественной жизни Южной Руси, была близость степи, въ которой теперь господствовали крымскіе татары. Послѣ того, какъ на мѣсто Византіи водворилась Турція, давшая мощную поддержку Крымскому ханству, татары сдѣлались истиннымъ бѣд-

ствіемъ для Южной Руси. Время отъ времени крымцы предпринимали настоящіе походы съ ханомъ или царевичами во главѣ, и тогда они проникали далеко внутрь страны; но набѣги небольшими шайками на окраины прерывались только зимой, когда невозможно было, за отсутствіемъ корма для лошадей, перейти „дикое поле", полосу, отдѣлявшую ногайскія кочевья отъ первой линіи южно-русскихъ поселеній. Походы и набѣги имѣли своей главной цѣлью—добыть невольниковъ. Дѣло въ томъ, что на русскихъ невольникахъ держалось все хозяйство Крымскаго полуострова, почти весь его производительный трудъ; и они же, русскіе рабы, служили главнымъ предметомъ крымской торговли. Южно-русскими рабами Крымъ велъ обширную торговлю не только съ ближайшими, но и отдаленными рынками Азіи и Африки. Такимъ образомъ Южная Русь служила для Крыма какъ бы хозяйственнымъ питомникомъ, гдѣ разводился необходимый живой товаръ, который можно было извлекать по мѣрѣ надобности. Михалонъ Литвинъ, свидѣтель знающій и добросовѣстный, говоритъ, что каждый татаринъ, у котораго былъ конь для похода, не затруднялся заключить торговое условіе о доставкѣ къ такому-то сроку такого-то количества невольниковъ. Множество „невольничьихъ" думъ и пѣсенъ, сохранившихся среди южно-русскаго народа до сихъ поръ, свидѣтельствуютъ, какимъ тяжелымъ бѣдствіемъ были эти крымскіе набѣги. Но край былъ неизсякаемо богатъ, населеніе полно физической энергіи,—и жизнь не замирала. Всюду пробивались новые и новые ростки, на опустошенной территоріи появлялось населеніе, появлялись и средства для его защиты въ видѣ сторожевыхъ линій и городковъ. Надо сказать однако, что

сосѣднее Московское государство, которое тоже страдало отъ татаръ, обнаруживало больше энергіи и умѣнья въ защитѣ своихъ границъ, чѣмъ Литовское, возлагавшее это дѣло главнымъ образомъ на само населеніе.

Земледѣліе въ этотъ періодъ было слабо развито въ Южной Руси. Преобладали другіе виды добывающей промышленности: лѣсные промыслы, рыболовство. Много значила для мѣстнаго населенія торговля, центромъ которой были большіе, хорошо укрѣпленные города—Кіевъ, Луцкъ и др. Особенно важное значеніе имѣлъ Кіевъ, эти „южные ворота“ Литовско-Русскаго государства. Конечно, торговля для тогдашней жизни не была тѣмъ, чѣмъ она является теперь. Но извѣстныя мѣстности и тогда не могли обходиться безъ торговаго обмѣна, и къ такимъ мѣстностямъ принадлежала Южная Русь. Она дѣлилась на двѣ полосы, очень различныя между собою: степную и лѣсную; произведенія одной полосы нуждались въ обмѣнѣ на произведенія другой. Особенно степь нуждалась въ продуктахъ лѣса, и сплавъ внизъ по Днѣпру всегда былъ значительный. Кіевъ, который стоялъ на узлѣ важнѣйшихъ днѣпровскихъ притоковъ, тѣмъ самымъ пріобрѣталъ исключительное значеніе. Затѣмъ къ Кіеву тянулась еще соль съ юга отъ Чернаго моря и съ запада изъ галицкихъ копей,—соль, которой не имѣла Южная Русь, но безъ которой не могла обходиться. Кромѣ внутренней торговли, Кіевъ имѣлъ огромное значеніе для торговли внѣшней. Онъ лежалъ на перепутьѣ двухъ большихъ торговыхъ теченій. Одно шло съ запада, направляя нѣмецкіе товары, главнымъ образомъ мануфактурные, другое—съ юга. Особенно важна была южная торговля, которая двигала произведенія востока на сѣверъ: вѣдь

для сѣвера понятіе о роскоши испоконъ вѣковъ связывалось именно съ произведеніями востока. Огромные караваны, нагруженные шелкомъ, ладаномъ, шафраномъ и др. пряностями, тянулись изъ Крыма черезъ Перекопъ на Черкасы или Каневъ, гдѣ товары перегружались на суда и такимъ образомъ достигали Кіева. Былъ и другой путь для восточныхъ товаровъ—изъ Констанинополя, но онъ также шелъ черезъ Кіевъ. Вообще, торговые пути для того времени были нѣчто опредѣленное и неизмѣнное, и государство строго слѣдило за тѣмъ, чтобы торговые гости ихъ не обходили. Дѣло въ томъ, что на этихъ путяхъ казна сбирала таможенныя пошлины, которыя служили для нея важнымъ источникомъ дохода.

Всѣ большіе торговые города Южной Руси уже пользовались въ это время тѣми привилегіями, какія давало магдебургское право: Кіевъ, Житомиръ, Луцкъ, Кременецъ, Владиміръ. Магдебургское право пришло къ намъ изъ Германіи черезъ Польшу. Жить на магдебурскомъ правѣ значило быть вполнѣ самостоятельнымъ. Въ дѣла такого города, которому было предоставлено магдебургское право, не могла вмѣшиваться никакая власть; все управленіе и судъ лежали на собственныхъ выборныхъ властяхъ, по законамъ, принесеннымъ изъ Германіи. Государство давало такія привилегіи городамъ для того, чтобы поощрять развитіе промышленности и торговли. Къ тому же государству было удобно получать доходы съ города круглой денежной суммой безъ всякихъ заботъ о взиманіи. Но въ связи съ этимъ условіемъ измѣнился и общественный характеръ городского населенія. Въ удѣльную эпоху не было разницы въ правахъ между населеніемъ

городскимъ и сельскимъ,—не было ее сначала и въ эпоху литовскую. Лишь съ введеніемъ магдебургскаго права обозначилась разница и стала расти и увеличиваться по мѣрѣ того, какъ земледѣльческое населеніе утрачивало власть надъ землею. Жители городовъ, мѣщане (мѣстичи) стали чѣмъ-то среднимъ между низшимъ слоемъ населенія (хлопствомъ) и высшимъ, привилегированнымъ (шляхетствомъ).

Итакъ, положеніе Южной Руси въ литовскій періодъ ея исторіи, по отношенію къ внутренней жизни было таково.

Страна пользовалась большой политической свободой. Каждая область имѣла самоуправленіе. Вслѣдствіе постоянной опасности, угрожавшей со стороны степи, въ населеніи поддерживались энергія и способность къ борьбѣ. Высшій классъ былъ военнымъ по своему общественному положенію; но и на мѣщанахъ лежала также обязанность по укрѣпленію и защитѣ стѣнъ, за которыми они жили. Также и часть сельскаго населенія отбывала свои повинности военной сторожей, работами по укрѣпленію замковыхъ стѣнъ и т. п.; а все оно въ совокупности знало и ежеминутно чувствовало, что надо быть на сторожѣ, надо умѣть пользоваться оружіемъ, умѣть встрѣтить опасность лицомъ къ лицу. Конечно, не на всей территоріи положеніе было одинаково. Опасность увеличивалась по мѣрѣ приближенія къ югу, къ степи. Но въ общемъ низшій классъ населенія сохранялъ сравнительно большую независимость отъ высшаго, благодаря особеннымъ условіямъ мѣстной жизни.

Земледѣліе здѣсь уступало мѣсто лѣснымъ промысламъ, охотѣ, рыболовству; играла значительную роль

въ экономической жизни и торговля, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя.

Все населеніе болѣе или менѣе пользовалось довольствомъ. Между образомъ жизни высшаго и низшаго классовъ населенія не было большой разницы. Потребности высшаго класса были еще сравнительно просты, проста была и жизнь вообще. Но зато и просвѣщеніе стояло низко. И причиной этого низкаго уровня были не внѣшнія препятствія. Русскій языкъ пользовался въ Литовскомъ государствѣ полнымъ признаніемъ. На немъ были написаны законы, такъ называемый Литовскій Статутъ; на немъ шла офиціальная переписка. Но литературныхъ произведеній дошло до насъ отъ этого времени крайне мало, да и то большей частью произведенія религіознаго содержанія. Собственно говоря, въ тѣ отдаленныя времена всѣ высшія стремленія человѣческаго духа, все просвѣщеніе сосредоточивалось около религіи. Забота о душѣ своей собственной и всѣхъ близкихъ была преобладающей духовной заботой тогдашняго человѣка. Понятна отсюда та роль, которую играла церковь среди всѣхъ общественныхъ учрежденій того времени. Православная религія не была господствующей религіей Литовскаго государства, но она все-таки не подвергалась никакимъ стѣсненіямъ. Наоборотъ: великіе князья литовскіе приложили, напр., много стараній къ тому, чтобы православная церковь ихъ государства имѣла самостоятельнаго митрополита [1]), не зависимо отъ митрополита московскаго, который титуловался митрополитомъ кіевскимъ, но жилъ въ Москвѣ. Впрочемъ, можетъ быть, въ этихъ стараніяхъ играли свою роль и

[1]) 1458 г.

политическія соображенія. Какъ бы тамъ ни было, ни о какихъ гоненіяхъ или даже простыхъ стѣсненіяхъ, ограниченіяхъ православія не было и рѣчи въ литовскій періодъ южнорусской исторіи. Православная церковь была цѣликомъ предоставлена на попеченіе южнорусскаго общества. Это имѣло свои важныя выгоды. Правда, государство не помогало церкви. Зато общество привыкло къ самодѣятельности, привыкло смотрѣть на церковныя дѣла, какъ на свои собственныя.

Позже, когда явилось необходимымъ отстаивать православіе, южнорусское общество обнаружило и готовность и умѣнье бороться за дѣло своей души и совѣсти, за свою религію.

III.

Часть южнорусскаго племени, какъ сказано выше, еще со второй половины 14-го вѣка вошла въ составъ Польскаго государства: это Галиція, или Червонная Русь, съ землей Холмско-Бельзской и западнымъ Подольемъ.

Это была территорія въ общемъ чрезвычайно привлекательная по климату, по прекрасной плодородной почвѣ, по обилію естественныхъ богатствъ. Польское населеніе, тѣснимое и плохими физическими условіями своего края и наплывомъ нѣмцевъ, хлынуло въ эти благодатныя, вновь присоединенныя, „русскія“ земли.

Впрочемъ, шелъ сюда не народъ въ прямомъ смыслѣ слова, т. е. не польскій крестьянинъ,—шла шляхта (дворянство). Во множествѣ нахлынула малоземельная мелкая шляхта, которая на своей родинѣ почти не отличалась отъ крестьянства. Но здѣсь она ужъ не

имѣла въ виду воздѣлывать землю собственными руками, разсчитывая на русскаго хлопа. Затѣмъ, для устройства защиты отдаленнаго пограничнаго края, короли раздавали огромныя владѣнія польскимъ вельможамъ, которые имѣли средства устраивать укрѣпленные замки и содержать военныхъ людей. Такимъ образомъ Червонная Русь сдѣлалась настоящимъ гнѣздомъ тѣхъ маленькихъ королей, которые позже верховодили въ Польшѣ. Куда дѣвалось туземное галицкое многочисленное и сильное боярство, точно неизвѣстно: частью оно ополячилось и перешло въ польское дворянство, но вѣроятно, въ значительномъ большинствѣ было отодвинуто въ ряды низшаго зависимаго населенія.

Какъ бы тамъ ни было, мы въ самомъ скоромъ времени послѣ присоединенія Галиціи къ Польшѣ уже не видимъ людей русской національности въ рядахъ высшаго сословія. Все шляхетство—польское. Русскіе мѣщане въ большихъ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, какъ напр. Львовъ, сохранили свою національность; но они должны были отступать на задній планъ не только передъ мѣщанствомъ нѣмецкимъ и польскимъ, но даже передъ армянами и евреями. Южнорусское населеніе края почти сплошь обратилось въ зависимыхъ, крѣпостныхъ земледѣльцевъ. Только общины горцевъ, по преимуществу пастуховъ и охотниковъ, успѣли охранить свою самостотельность отъ посягательствъ нахлынувшей шляхты.

Польская шляхта принесла съ собой польское право. Право это предоставляло шляхетству огромныя преимущества, почти безграничную власть надъ крестьянами. Шляхтичъ былъ полнымъ собственникомъ земли, которую обрабатывалъ земледѣлецъ, слѣд. могъ распоря-

жаться ею по своему усмотрѣнію: продавать, дарить, мѣнять, завѣщать. Онъ имѣлъ судебную власть надъ населеніемъ, живущимъ на его землѣ. Само собой разумѣется, что онъ облагалъ населеніе податями и повинностями исключительно въ свою пользу: за все это онъ уплачивалъ государству небольшой сборъ и несъ военную повинность. Но и эта повинность съ теченіемъ времени подверглась значительнымъ ограниченіямъ. Вслѣдствіе опаснаго положенія края, на шляхетствѣ Червонной Руси дольше лежали разныя государственныя обязанности. Но Едлинской привилегіей, изданной Ягайломъ въ 1433 г., шляхта Галиціи была уравнена въ правахъ съ шляхтой коренной Польши. Съ той поры угнетеніе русскаго земледѣльческаго населенія Галиціи шло, все усиливаясь.

Само собой разумѣется, что въ Галиціи не были признаваемы ни права южнорусскаго языка, ни южнорусскіе обычаи или вообще культурныя особенности. Сама православная религія здѣсь стала рано подвергаться такимъ стѣсненіямъ, о которыхъ не было и помину въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Упомянутой Едлинской привилегіей права и вольности польскаго шляхетства распространялись лишь на лицъ католическаго вѣроисповѣданія. Католическое духовенство расположило свои епархіи на мѣстахъ православныхъ епархій и захватило въ свое распоряженіе главныя православныя церкви съ ихъ имуществомъ. Исчезло совсѣмъ высшее православное духовенство, т. е. епископы, и населеніе должно было обращаться по своимъ духовнымъ дѣламъ въ Молдавію. Православные принуждены были платить десятину въ пользу католической церкви; православные „попы“ платили подати и

несли повинность наравнѣ съ „хлопами". Однимъ словомъ, православіе очень рано пріобрѣло въ Галиціи характеръ „хлопской вѣры".

Такая перестройка общественныхъ отношеній не могла обойтись безъ протеста. Въ 15-мъ вѣкѣ начались и долго тянулись народныя волненія. Села и мѣстечки безлюдѣли такъ, что населенныя мѣста замѣнились пустырями. Народъ уходилъ за границу, соединялся тамъ съ татарами и валахами и вмѣстѣ съ ними возвращался назадъ, чтобы опустошать свою прежнюю родину, на которой ему уже не было мѣста. Здѣсь, въ Червонной Руси этого времени, впервые появляется слово „казакъ"—символъ протеста противъ шляхетскаго, польскаго и католическаго угнетенія. Этимъ словомъ польскій лѣтописецъ Длугошъ назвалъ тѣхъ бѣглецовъ, которые искали свободы и мести въ татарскихъ степяхъ.

Южная Русь подъ властью Польши.

I.

Судьба Галиціи представляла собою какъ-бы программу того историческаго пути, по какому должна была идти и остальная Южная Русь, втянутая Люблинской уніей въ составъ Польскаго государства. Но здѣсь встрѣтились условія, которыя не дали завершиться этой программѣ.

Южная Русь, вошедшая въ составъ Польши, была въ физическомъ отношеніи страна двухъ типовъ. На-

чиналась она на сѣверѣ мрачными борами Волынскаго и Кіевскаго Полѣсья съ ихъ болотами и трясинами, посреди которыхъ лишь въ видѣ оазисовъ разбросаны земли, доступныя культурѣ. Къ югу же она переходитъ въ залитую солнцемъ степную равнину, полную разнообразной красоты и естественныхъ богатствъ. Легкія песчаныя почвы постепенно обращаются въ тотъ сплошной украинскій черноземъ, о плодородіи котораго далеко расходилась въ тѣ времена легендарная молва.

Къ двумъ типамъ сводился и складъ тогдашней южнорусской жизни.

Съ одной стороны это были земли стараго заселенія и старой культуры, гдѣ и общественныя отношенія уже пришли въ равновѣсіе. Съ другой стороны—земли, наново заселяющіяся, гдѣ общественный строй не установился, гдѣ все находилось въ хаотическомъ броженіи. Къ первому типу относились: Волынь, Кіевское Полѣсье и западное Поднѣстровье, или Подолье, присоединенное теперь отъ Галиціи къ остальнымъ южнорусскимъ землямъ (по новой польской терминологіи: воеводства Волынское, Подольское и сѣверная часть воеводства Кіевскаго). Второй типъ — это собственно Украйна съ Побужьемъ, масса земель съ неопредѣленно уходящими въ „дикія поля“ границами (воеводства Кіевское и Брацлавское).

Каждая область, входившая въ составъ Южной Руси, представляла свои особенности.

Волынь—это была территорія могущественной южнорусской аристократіи. Земля эта кишѣла княжескими родами, потомками князей Рюриковичей и Гедиминовичей. Иные изъ нихъ, какъ напр. князья Острожскіе, обладали огромными земельными имуществами и те-

перь держали себя по отношенію къ своимъ подданнымъ, какъ „государи“. Всѣ земли Волыни были разобраны разными князьями „на службу“ и постепенно обратились въ частную собственность.

Иной видъ имѣло Кіевское Полѣсье. Весь этотъ лѣсной край былъ покрытъ „боярскими околицами“, каждая изъ которыхъ заключала въ себѣ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ отдѣльныхъ семей. Эти такъ—называемые бояре по большей части сами воздѣлывали землю, но, благодаря тому, что несли военную службу, не были обращены въ зависимое положеніе. Въ нравахъ, обычаяхъ, бытѣ этого люда сохранилось много особеннаго, несомнѣнно унаслѣдованнаго отъ старинныхъ русскихъ земледѣльцевъ удѣльной эпохи, потомками которыхъ они были. Правительство очень стремилось обратить этихъ бояръ изъ военной въ тяглую службу, но они энергично сопротивлялись, и Люблинская унія, введшая польское право, обратила ихъ въ шляхту.

На земляхъ стараго заселенія (на Волыни, не говоря о Подольѣ, гдѣ свободно господствовало польское право) ко времени Люблинской уніи земледѣлецъ былъ уже значительно стѣсненъ въ своихъ правахъ свободнаго человѣка. Къ этому времени почти вездѣ произведена была „волочная помѣра“, которая имѣла такое огромное значеніе въ ухудшеніи положенія земледѣльца.

Волочной помѣрой называлось предпринятое государствомъ въ первой половинѣ XVI вѣка измѣреніе земель съ цѣлью перемѣстить земледѣльца съ его исконнаго дворища на „волоку“, опредѣленную земельную единицу (около 20 десятинъ на дворъ). Волочная по-

мѣра имѣла огромное общественное значеніе. Съ помѣрой впервые открыто заявлялось, что земля не принадлежитъ земледѣльцу и что, слѣдовательно, власть можетъ распорядиться ею по своему усмотрѣнію. Земледѣлецъ отрывался отъ дворища, на которое онъ смотрѣлъ до тѣхъ поръ, какъ на свою законную вотчину; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лишался всѣхъ угодій, не опредѣленно тянувшихъ къ дворищу. Такимъ образомъ въ экономическомъ и въ правовомъ смыслѣ наступали серьезныя измѣненія къ худшему, и земледѣльцы противились волочной помѣрѣ по мѣрѣ возможности. Но ихъ сопротивленіе не приводило ни къ чему, такъ какъ сила уже не была на сторонѣ земледѣльца.

То, что наступило еще до Люблинской уніи, получило съ нею крайне ускоренное развитіе. Польское право увеличило власть землевладѣльца надъ земледѣльцемъ и окончательно прикрѣпило хлопа къ его волокѣ. А въ то же время политическая связь открыла Южную Русь и дѣйствію экономическихъ условій, которыя имѣли мѣсто въ Польшѣ. Въ Польшѣ въ это время развивалось хлѣбное производство для сбыта моремъ на иностранные рынки.

Теперь спросъ на хлѣбъ и вообще сырье для заграницы распространился и на Южную Русь. Южнорусскіе землевладѣльцы, по примѣру польскихъ, начали усиленно заводить „фольварки", т. е. экономическіе дворы и хутора съ собственнымъ хозяйствомъ. Но для этого нужны были рабочія силы. И вотъ землевладѣльцы начали энергично стремиться къ тому, чтобы привязать земледѣльца къ барщинному труду на своей землѣ. Обезсиленные потерей дворищнаго хозяйства

и переведенные на волоку, земледѣльцы не сопротивлялись и все болѣе и болѣе затягивались въ ярмо обязательнаго труда на пана. Борьба противъ грядущаго рабства на мѣстѣ уже была невозможна; оставалось одно—убѣгать на югъ, на Украину.

На эту чудную Украину, „текущую медомъ и млекомъ", все влекло человѣка, измученнаго трудомъ и неволей. О почвѣ ея говорилось, что тамъ не стоитъ и сѣять каждый годъ: посѣй разъ, а затѣмъ уже пашня, сама обсѣменяясь, будетъ давать урожаи (падалица). Зубровъ, дикихъ коней и оленей, кабановъ и дикихъ козъ—безчисленное множество; по берегамъ рѣкъ жилища бобровъ. Весной крики птицъ оглушаютъ человѣка. Осетры и другія рыбы такъ наполняютъ рѣки, что ихъ можно брать руками. Это и многое другое разсказывалось объ Украинѣ, и люди стремились къ ней неудержимо. Кто приспособился къ приволью украинской жизни, тотъ уже не возвращался въ тѣсноту старой родины; но не мало надо было мужества и энергіи, чтобы приспособиться. Жизнь на Украинѣ была полна опасностей и отъ условій дикой природы, съ которой надо было бороться и, главное, отъ татаръ. Они постоянно, изъ года въ годъ, „вынимали" Украину, такъ что земледѣлецъ долженъ былъ выходить на пашню не иначе, какъ съ рушницей и саблей. Мало того, земледѣльцы устраивали на полѣ нѣчто въ родѣ острожка, куда скрывались въ случаѣ тревоги, отстрѣливаясь извнутри отъ татаръ. Заселеніе Украины все подвигалось впередъ и впередъ, но подвигаться оно могло только подъ прикрытіемъ — естественнымъ или искусственнымъ. Естественнымъ прикрытіемъ служилъ лѣсъ, искусственнымъ—городокъ или замокъ.

Ко времени Люблинской уніи на Украинѣ были прочно захвачены людскими поселеніями двѣ мѣстности: „поля“, т. е. Поднѣпровье внизъ отъ Кіева, по правой и лѣвой сторонѣ рѣки, и Побужье, по среднему Бугу отъ Винницы до Брацлавля. Было еще и третье „Низъ“ — мѣстность за днѣпровскими порогами, по плавнямъ и лѣсамъ, покрывающимъ берега р. Самары; но здѣсь трудно было держаться прочной осѣдлости: люди являлись сюда съ промысловыми цѣлями.

Благодаря особенностямъ мѣстной жизни, на Украинѣ было сравнительно много городовъ; но это были не настоящіе города, а городки для защиты. Житель украинскаго города, здѣшній мѣщанинъ, мало чѣмъ отличался отъ селянина не только нравомъ, но и занятіями. А селянинъ, хотя и обязанъ былъ платежами и повинностями пану, но чувствовалъ мало стѣсненій отъ этихъ своихъ обязательствъ. Статистическія описи того времени, „люстраціи“, даютъ точное свидѣтельство о положеніи украинскаго хлопа. Относительно Побужья, люстраціи свидѣтельствуютъ, что тамошній земледѣлецъ соглашался работать на своего пана три дня въ году—или соотвѣтственно платить деньгами—и только. Больше ничего нельзя было съ него взять, „такъ какъ онъ добре знаетъ дорогу, которою утекать“. Немудрено поэтому, что мѣстнымъ панамъ „не съ чего было прокормиться и одѣться“, а мужикъ былъ „богатшій и пышнѣйшій нежели панъ“. Но кромѣ мѣщанина, который плохо ли, хорошо ли повиновался старостѣ, представителю власти, и мужика съ паномъ, была на Украинѣ еще одна своеобразная группа людей, которой предстояла въ будущемъ большая историческая роль. Это казаки.

Казаки—люди, которые жили за свой собственный страхъ и рискъ по промысловымъ угодьямъ и хуторамъ, спрятаннымъ отъ татаръ по лѣсамъ и балкамъ. Они ничего не получали отъ государства и не считали себя ему обязанными. Такимъ образомъ они не признавали надъ собой ни старостинской, ни панской власти, хотя и не выдѣляли себя изъ государства, изъ общаго подданства. Вѣчно живя подъ страхомъ опасности, всегда вооруженные, постоянно то нападая, то обороняясь отъ татаръ, они считали себя какъ-бы на льготномъ положеніи „бояръ“, т. е. военныхъ слугъ, но все-таки, являясь въ города и проживая тамъ зимой, продолжали оставаться „непослушными“, т. е. не признающими надъ собой власти старосты.

Дѣло въ томъ, что они имѣли свои собственныя организаціи, которыя свободно возникали и распадались. Одному изъ подобныхъ союзовъ посчастливилось вырости въ настоящій политическій организмъ: подразумѣваемъ Низовое Запорожское товариство.

Люблинская унія открыла Украину, съ ея очень мало зависимымъ земледѣльцемъ, свободнымъ мѣщаниномъ и вольнымъ, какъ птица небесная, казакомъ, дѣйствію польскаго права, которое знало только шляхетскую свободу. Сначала это дѣйствіе было какъ будто совсѣмъ незамѣтно—фактическія отношенія были для него неблагопріятны. Но наступали измѣненія въ фактическихъ отношеніяхъ, и десятокъ-два лѣтъ спустя послѣ уніи мы уже можемъ наблюдать и на Украинѣ результаты сближенія съ Польшей. Главнѣйшимъ результатомъ было то, что изъ Польши на Украину были распахнуты настежь двери, и сюда хлынула шляхта, какъ два вѣка тому назадъ она хлынула въ Галицію.

Польское государство не могло мириться съ такимъ положеніемъ дѣла, какое оно застало на Украинѣ, и оно начало раздавать польскимъ магнатамъ и князьямъ Волынскимъ огромныя территоріи, „пустыни", т. е. цѣлыя области (напр. „пустыню" рѣки Сулы). Что въ этихъ пустыняхъ было населеніе, хотя рѣдкое и „непослушное",—объ этомъ оно не думало. Такимъ образомъ Украина очутилась въ рукахъ немногихъ магнатскихъ фамилій.

За магнатами явилась на Украину мелкая шляхта, которая ютилась большей частью около крупной. Польское дворянство несло съ собой капиталы, которые вкладывало въ свои украинскія пустыни,- главнымъ образомъ, въ ихъ защиту. Начали во множествѣ рости города и замки, большіе и маленькіе. Къ замкамъ и городкамъ скликалось отовсюду населеніе, которое охотно шло: паны обѣщали полную свободу, на цѣлые десятки лѣтъ, отъ всякихъ повинностей. Вмѣстѣ съ замками, съ вооруженной шляхтой, росла и безопасность отъ татаръ, а это въ свою очередь усиливало колонизацію и обезпечивало возможность правильнаго труда. Къ началу XVII-го вѣка заселеніе Украины такъ усилилось, что польскіе писатели называютъ ее „добычей польскаго плуга". Но плугъ, который бороздилъ дѣвственныя украинскія поля, все-таки былъ плугъ не польскій, а укринскій. Вновь посаженный земледѣлецъ, по польски „хлопъ", могъ быть доволенъ своимъ положеніемъ, особенно, если отдаленность срока скрывала отъ него грядущее ярмо крѣпостной зависимости. Но имъ не могъ быть доволенъ тотъ „непослушный", который оказался противъ своей воли, въ силу какого-то документа, даннаго въ Варшавѣ, сидящимъ на панской землѣ.

При неисчерпаемомъ обиліи земли паны готовы были не стѣснять этихъ земледѣльцевъ, наоборотъ: они охотно предоставили бы имъ до поры до времени всякія свободы и льготы. Но съ однимъ они не могли примириться: съ „непослушенствомъ“, съ непризнаніемъ власти пана, выражающейся въ судѣ и расправѣ. Казакъ же не могъ примириться съ властью пана, въ чемъ бы она ни выражалась.

А между тѣмъ къ концу XVI-го вѣка уже окончательно сложилась та казацкая организація, которая извѣстна подъ именемъ Запорожья. Это была политическая сила, въ которой чувствовали свою опору и поддержку казаки на всей украинской территоріи.

Борьба была неизбѣжна.

II.

Однако начало борьбы было положено не на Украинѣ и не изъ-за столкновенія польско-шляхетскихъ интересовъ съ казацкими. Такъ—называемыя казацкія войны вспыхнули въ атмосферѣ, уже и безъ того насыщенной враждой. Вражда же возникла на религіозной почвѣ, изъ-за религіозныхъ вопросовъ.

Въ XVI-омъ вѣкѣ въ католическую Польшу проникло изъ Германіи, взволнованной появленіемъ Лютера, религіозное свободомысліе. Появились различныя секты, которыя распространялись въ Литовско-Русскомъ государствѣ и достигли Южной Руси,—впрочемъ находя пріемъ исключительно въ средѣ ея дворянства. Но католицизмъ пустилъ въ Польшѣ слишкомъ глубокіе корни, и іезуиты, эти искусные борцы противъ всякаго свобо-

домыслія, быстро справились съ распространившейся было заразой.

Съ Люблинской уніей Южная Русь была открыта вліянію Польши. Торжествующій католицизмъ и іезуиты, его представители, видѣли передъ собой новую, обширную и богатую территорію, которую можно было привлечь подъ власть папскаго престола. Податливость южнорусскаго панства была ясна изъ того увлеченія, съ какимъ оно хваталось то за одно, то за другое религіозное ученіе. А по польскимъ воззрѣніямъ только панство въ этомъ случаѣ и имѣло значеніе.

Одно изъ положеній польскаго права, водворившагося теперь въ Южной Руси, гласило: „чья власть, того и религія“. Первымъ шагомъ къ водворенію католицизма на южнорусской территоріи должна была служить такъ—называемая церковная унія.

Мысль объ уніи, т. е. соединеніи католицизма и православія подъ общимъ главенствомъ папы,—съ признаніемъ за православіемъ его особенностей,—возникла еще раньше. Но теперь, очевидно, почва къ осуществленію этой мысли была болѣе подготовлена. И въ средѣ панства, и въ средѣ принадлежащаго къ нему по происхожденію и интересамъ высшаго православнаго духовенства, оказались сторонники уніи. Но число противниковъ все-таки было несравненно больше, хотя по-преимуществу такихъ, о которыхъ мало заботились католическія партіи: въ средѣ мѣщанства и низшаго духовенства, за которыми стояло казачество и вообще народныя массы. Впрочемъ, и число южнорусскихъ дворянъ, преданныхъ православію, еще было значительно.

Для провозглашенія религіозной уніи былъ собранъ соборъ въ Брестѣ, въ 1596 году. Къ этому году и пріу-

рочивается начало уніи, внесшей такъ много смуты въ умы и настроенія, а затѣмъ и въ исторію Южной Руси. Собственно говоря, вовсе не было одного собора, а было два: противники уніи собрались въ одномъ мѣстѣ, сторонники въ другомъ, каждый сдѣлалъ свое постановленіе: одинъ призналъ унію, другой отвергъ ее—затѣмъ отлучили другъ друга отъ церкви и разошлись.

На сторонѣ православія осталось только два епископа,—остальные отошли въ унію.

Въ южнорусской православной церкви произошелъ расколъ. Правительство, считая унію состоявшейся, передало всѣ церковныя имущества ея сторонникамъ. Но православіе и не думало считать себя побѣжденнымъ. Лишенное церковной іерархіи въ лицѣ митрополита и епископовъ, покровительства государства, матерьяльныхъ средствъ, оно развернуло тѣмъ не менѣе необычайную энергію. Южнорусское православное дворянство заявляло свои протесты противъ насилія на мѣстныхъ сеймикахъ и общихъ (генеральныхъ) сеймахъ. Но болѣе существеннымъ и важнымъ оказалось то противодѣйствіе уніи, какое обнаружили мѣщане большихъ южнорусскихъ городовъ. Церковныя и цеховыя братства были во всѣхъ городахъ Литовско-Русскаго государства, большихъ и маленькихъ. Братства—это древняя форма союзовъ, въ какіе соединялись люди, лишенные родовыхъ связей. Въ церковныя братства входили прихожане извѣстной церкви; въ цеховыя—ремесленники. Цѣлью существованія этихъ братствъ была взаимная поддержка, нравственная и матеріальная.

Когда появленіе уніи поставило передъ православ-

Кіевская Академія и ея студенты.

Съ гравюры 1697—1702 г.

нымъ населеніемъ Южной Руси нелегкую задачу—защиту своей религіи—за дѣло это взялись братства.

Братства обнаружили много энергіи и единодушія въ борьбѣ за свое дѣло; имъ помогало и дворянство, даже такіе магнаты, какъ князь Острожскій, вписывались въ братства наравнѣ съ простыми сапожниками, скорняками и т. п.

Главной цѣлью своей дѣятельности братства поставили просвѣщеніе народа, устройство школъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ, типографій, изданіе книгъ священныхъ, полемическихъ и учебныхъ. Религіозное свободомысліе, о которомъ была рѣчь выше, заботилось о просвѣщеніи, какъ объ орудіи, необходимомъ для его цѣли; іезуиты въ борьбѣ съ свободомысліемъ также прибѣгали прежде всего къ школѣ и книгѣ: братства должны были встать на ту же дорогу.

Всюду при церквахъ дѣти учились грамотѣ. Высшія школы были устроены въ Луцкѣ, Львовѣ, Кіевѣ. Кіевская духовная академія—которая называлась Могилянской по имени своего знаменитаго устроителя митрополита Петра Могилы—долго была источникомъ просвѣщенія нетолько для Украины, но и сѣверной Руси. Возникла литература, появились и талантливые писатели. Письма съ Аѳонской горы Іоанна Вишенскаго и до сихъ поръ производятъ неотразимое впечатлѣніе той силой, съ какой этотъ таинственный монахъ обличалъ отрицательныя стороны тогдашней жизни, легкомысленное дворянство, жалкое духовенство, угнетенное положеніе низшаго сословія.

Дѣятельность братствъ несомнѣнно подняла просвѣщеніе Южной Руси. Подъемъ этотъ былъ бы еще значительнѣе, если бы не отступничество дворянъ.

Увлеченные блескомъ польской культуры, который поразилъ ихъ при сближенiи съ поляками, они начали быстро переходить въ католицизмъ. Большую роль сыграли въ этомъ iезуитскiя школы, и сами iезуиты, какъ искусные преподаватели. Уже въ первыя десятилѣтiя 17-го вѣка почти всѣ сколько-нибудь выдающiеся дворянскiе роды Южной Руси черезъ католицизмъ претворились въ поляковъ, а, слѣдовательно, утратили свое нацiональное самосознанiе.

Такими духовными интересами жило населенiе Южной Руси, особенно ея большихъ городовъ. Отголоски этихъ интересовъ доходили и до прибужскихъ и приднѣпровскихъ пустынь: вѣдь каждому сколько-нибудь сознательному человѣку того времени было дорого и близко все, что касалось религiи. Любопытно, что первыя казацкiя волненiя какъ разъ совпали по времени съ тѣмъ религiознымъ броженiемъ, которое предшествовало Брестской унiи и сопровождало ее. Но непосредственныя причины этихъ казацкихъ волненiй лежали внѣ религiи. Онѣ заключались въ слѣдующемъ.

Казачество, вмѣстѣ съ Украиной вошедши въ составъ Польши послѣ Люблинской унiи, крайне стѣсняло государство своимъ поведенiемъ. Казаки не только вели непрерывную войну съ татарами, но даже, не справляясь ни съ какой политикой, дѣлали походы въ Молдавiю, находившуюся подъ покровительствомъ Турцiи, и вообще, вторгались въ предѣлы Турецкой имперiи. Турцiя слала угрозы въ Варшаву, а съ угрозами ея въ то время приходилось серьезно считаться. Польское правительство видѣло себя вынужденнымъ смирить казаковъ. Оно не представляло себѣ, напр., что для украинскаго казачества безпрерывная борьба съ

татарами была совершенно неизбѣжна, а борьба эта втягивала иногда невольно и въ столкновенія съ турками. Оно не знало, а можетъ быть, и не хотѣло знать, что казацкіе походы на Молдавію дѣлались не только съ вѣдома и съ покровительствомъ, но и съ прямымъ участіемъ польскихъ магнатовъ Подолья, пограничнаго съ Молдавіей: магнаты эти, чувствуя себя маленькими государями, не расположены были считаться съ взглядами центральной власти.

Какъ бы то ни было, польское правительство въ концѣ 16-го вѣка принимаетъ рядъ мѣръ, чтобы обуздать казачество, сдѣлать его покорнымъ членомъ государства.

Въ старыхъ руководствахъ по южнорусской исторіи обыкновенно указывается на короля Стефана Баторія, какъ на организатора казачества. Въ этомъ есть нѣкоторая доля правды. Стефанъ Баторій задумалъ обратить казачество въ правильную, находящуюся на службѣ и жалованьѣ государства, пограничную стражу. Впрочемъ, такія попытки дѣлались и до него, но только ему, человѣку умному и энергичному, удалось кой—чего добиться. А именно, какое-то количество казаковъ было вписано въ реестры: включеніе въ реестръ давало имъ право собственности на занимаемую землю и право на полученіе жалованья деньгами и сукнами; за то налагалась обязанность повиноваться назначаемому королемъ начальнику. Отсюда пошли такъ—называемые реестровые, или городовые, казаки. Но эта мѣра не уничтожила казаковъ не-реестровыхъ, гораздо болѣе многочисленныхъ, которые имѣли свой центръ и опору на недоступномъ Запорожьѣ.

Однако, энергія Баторія все-таки наложила нѣкото-

рую узду на казацкое своеволіе. За то тотчасъ послѣ его смерти казаки разорили Очаковъ и цѣлый рядъ турецкихъ пограничныхъ крѣпостей и селъ, разгромили въ Крыму ужасный невольничіей рынокъ Козловъ (Евпаторію), а Татары отплатили опустошительнымъ набѣгомъ, проникли даже въ глубь Червонной Руси, Турція же заявила намѣреніе стереть Польшу съ лица земли.

Польскіе государственные люди рѣшили принять противъ казаковъ самыя крайнія мѣры. Поручено было коронному гетману (главному начальнику военныхъ силъ Польши) очистить Украину отъ всѣхъ „своевольныхъ людей"; запрещено возить изъ Кіева порохъ, селитру, оружіе и съѣстные припасы, и покупать добычу отъ низовцевъ и т. п. Въ отвѣтъ на эти мѣры вспынули на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ два казацкихъ возстанія (1591 г.—1596 г.)—первое подъ предводительствомъ Косинскаго, второе Наливайки. Оба были подавлены; причемъ пожаръ, поднятый Наливайкой, былъ „залитъ хлопской кровью". Расправа гетмана Жолкѣвскаго съ казацкой массой, въ которой было много женщинъ съ дѣтьми, на урочищѣ Солоницѣ, близъ Лубенъ, конечно, оставила глубокій слѣдъ въ народной душѣ.

Лучшее орудіе, лучшая выучка, дисциплина и организація правильнаго войска взяли верхъ. Казацкая Украина смирилась, но не подчинилась. Слѣдуюшія два десятилѣтія—первыя десятилѣтія 17-го вѣка—представляютъ такую картину.

Низовые казаки, при благопріятныхъ условіяхъ, продолжаютъ нападать на татаръ, Турцію, Молдавію. Къ этому времени относятся ихъ блестящія морскія экспедиціи на челнахъ къ Константинополю, раззореніе

малоазіатскаго побережья. Но въ общемъ ихъ отношенія съ польскимъ правительствомъ улаживались въ силу того, что Польша, какъ разъ въ это время ведя большія войны, постоянно нуждалась въ казакахъ. Казаки сражались за польскіе интересы въ Лифляндіи, въ Московскомъ государствѣ, гдѣ они внесли отъ себя немалую долю смуты въ тяжелое смутное время.

Типичнымъ представителемъ казачества въ эту эпоху его существованія является Сагайдачный. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ въ качествѣ гетмана руководилъ казацкой политикой и искусно выводилъ казачество изъ всѣхъ затрудненій его шаткаго положенія.

Пріемы его были всегда одни и тѣ же: онъ никогда не вступалъ съ польскимъ правительствомъ въ открытую борьбу—наоборотъ, онъ всегда заявлялъ себя его преданнымъ сторонникомъ, но не упускалъ благопріятнаго момента, чтобы вырвать у него ту или другую уступку. Сайгадачный спасъ королевича Владислава, который погибалъ со своимъ войскомъ подъ Можайскомъ (1618 г.); черезъ четыре года онъ спасъ не только польское войско, но и самое государство отъ турокъ подъ Хотиномъ. Все это онъ могъ сдѣлать, лишь ставъ во главѣ такого казацкаго войска, которое во много разъ превосходило численностью ту законную тысячу человѣкъ, на какой желали поляки удержать казачество. Такими противорѣчіями была полна тогдашняя жизнь, и Сайгадачный умѣлъ ими пользоваться. Такъ, благодаря Сайгадачному, была возстановлена православная іерархія, уничтоженная Брестской уніей. Но тѣ выгоды, которыя добыты дипломатіей Сагайдачнаго казачеству и православію, не обошлись безъ жертвъ.

Все это сдѣлалось цѣною угнетенія хлоповъ. Поло-

женіе хлоповъ становилось все хуже и хуже—и они изо всѣхъ силъ тянулись въ казачество. Но казачество Сагайдачнаго могло удержаться на своемъ привилегированномъ положеніи, лишь отгородившись отъ хлопства и отталкивая его отъ себя. Народная масса раскололась.

Смерть Сайгадачнаго (1622 г.) открыла собой десятилѣтіе казацкихъ возстаній. Эти возстанія питались двумя главнѣйшими источниками. Съ одной стороны, хлопство стремилось прорваться въ казачество; съ другой стороны, казачество стремилось уничтожить стѣсненія, которыми его окружало государство, и расширить свои привилегіи. Религіозная рознь кидала на эти стремленія извѣстный отблескъ святости, борьбы за вѣру, за православіе.

Возстанія, начавшіяся въ 1625 г., почти не прерывались до 1638 г., и были очень неудачны для казаковъ. Украинское хлопство не поднялось всей своей массой, можетъ быть, потому, что во многихъ мѣстахъ еще не были изжиты льготные сроки, и въ этихъ случаяхъ хлопы не имѣли причинъ быть недовольными своимъ положеніемъ. Казачество же, несмотря на свою численность и энергію, не могло собственными силами справиться съ польскимъ войскомъ, во главѣ котораго стоялъ въ то время такой способный человѣкъ, какъ старый Конецпольскій.

Первымъ же возстаніемъ опредѣлилось положеніе, на которомъ государство хотѣло удержать казачество. Вотъ что соглашалось государство признать за казаками по такъ—называемому договору на Медвѣжьихъ Лозахъ (Куруковскому). Прежде всего казаки должны были отказаться отъ всякихъ политическихъ притяза-

ній: предпринимать самовольно походы, сноситься съ сосѣдними державами. Въ реестрѣ могло быть записано только 6000 человѣкъ: тысяча должна была постоянно сторожить на Запорожьѣ, остальные жить на Украинѣ въ постоянномъ распоряженіи мѣстныхъ польскихъ властей. Всѣ, не вошедшіе въ реестры, должны были обратиться въ первоначальное свое общественное положеніе, т. е. въ положеніе королевскихъ мѣщанъ или шляхетскихъ подданныхъ. Вольности казацкія заключались въ личной свободѣ, въ правѣ судиться своимъ войсковымъ судомъ, въ правѣ свободно заниматься торговлей, звѣриными и рыбными промыслами, въ правѣ получать жалованье. Самый трудный вопросъ—земельный—рѣшался такъ. Казакъ, живущій на королевскихъ земляхъ, остается, какъ былъ. Тотъ же, кто живетъ на земляхъ панскихъ, не имѣя на то права, подтвержденнаго законнымъ документомъ, или остается въ качествѣ подданнаго, или выселяется куда знаетъ.

Конечно, казаки не могли быть довольны такимъ положеніемъ. Но цѣлый рядъ возстаній, ничего не мѣняя по существу, лишь фактически его ухудшилъ. Возстаніями этими выдѣляется цѣлая вереница предводителей: Жмайло, Михаилъ Дорошенко, Тарасъ Федоровичъ, Сулима, Павлюкъ, Остранинъ, Гуня,—вожаковъ и героевъ „стоглавой казацкой гидры", по образному выраженію поляковъ-современниковъ. Обо всѣхъ этихъ людяхъ мы почти ничего не знаемъ, кромѣ ихъ именъ. Да, вѣроятно, намъ и нечего особенно интересоваться ими, такъ какъ ихъ индивидуальныя качества не имѣли особеннаго значенія: они являлись орудіемъ въ рукахъ массы, исполнителями ея воли. Можетъ быть, можно указать, какъ на лицо, выдающееся по энергіи,

на Сулиму, знаменитаго разрушителя Кодакскаго замка: чтобы затруднить сношенія Запорожья съ Украиной поляки выстроили сѣвернѣе пороговъ крѣпкій замокъ. Повидимому, память объ этомъ Сулимѣ, который былъ долгіе годы въ крымской неволѣ, работая на галерахъ, и дала содержаніе извѣстной народной думѣ о Самойлѣ Кошкѣ. Но, конечно, трудно извлечь изъ народной поэзіи то зерно исторической правды, которое она въ себѣ можетъ содержать. Вообще, всѣ казацкія возстанія и лица, въ нихъ участвовавшія, отразились во многихъ народныхъ преданіяхъ, отчасти подхваченныхъ народной поэзіей, отчасти вошедшихъ въ такъ-называемыя казацкія лѣтописи. Долгое время эти преданія и принимались за исторически достовѣрные факты. Но въ послѣднее время историческая критика, пользуясь нѣкоторыми вновь открытыми документами и польскими свидѣтельствами, наново пересмотрѣла исторію этихъ возстаній и многое отвергла, какъ легендарное.

По отношенію къ общему характеру этихъ возстаній, можно отмѣтить то, что они не отличались тѣмъ характеромъ жестокости и опустошительности, какой мы наблюдаемъ десять лѣтъ спустя. Но поляки уже начинаютъ относиться къ возставшимъ не какъ „къ рыцерскимъ людямъ", не какъ къ воюющей сторонѣ—таково было отношеніе гетмана Жолкѣвскаго въ первыя казацкія возстанія — а какъ къ взбунтовавшимся подданнымъ.

Какъ-бы то ни было, „казацкая гидра" была придушена; но, какъ оказалось, только придушена, а не задушена. Доказательство—Хмельнищина, это революціонное движеніе страшной силы и захвата, которое

вспыхнуло ровно черезъ десять лѣтъ послѣ періода полной внѣшней тишины и спокойствія.

Хмельнищина и руина.

I.

Теперь начинается та эпоха, когда вниманіе историка сосредоточивается исключительно на Украинѣ, а въ Украинѣ—на ея казачествѣ. Но несомнѣнно казацкая Украина была соединена неразрывными нитями общественныхъ и вообще жизненныхъ интересовъ со всей остальной южнорусской территоріей.

Что представляла собой Украина въ моментъ наступившаго общественнаго кризиса?

Населеніе Украины и число населенныхъ мѣстъ чрезвычайно возросло: возникло множество городскихъ поселеній па земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Земельныя отношенія приняли ужъ вполнѣ польскій характеръ. Крестьянинъ (хлопъ) сидѣлъ па своей землѣ прикрѣпленный къ пей. На развалинахъ стараго крестьянскаго хозяйства выросли панскіе фольварки, которые воздѣлывались хлопскимъ трудомъ; размѣры обязательнаго труда (панщина) росли съ чрезвычайной быстротой. На мѣсто лѣса и иныхъ продуктовъ труда промыслового Украина теперь уже отправляетъ за границу хлѣбъ. Съ начала 17-го вѣка появляются на Украинѣ евреи, обходя старые запретительные законы, появляются сначала въ частныхъ имѣніяхъ. Быстро захватываютъ они въ свои руки всяческія аренды и вообще

посредничество между паномъ и хлопомъ. Это было тѣмъ болѣе удобно, что крупные паны, какъ поляки, такъ и ополяченные русины, предпочитали проживать доходы своихъ богатыхъ имѣній въ большихъ городахъ съ ихъ культурной и спокойной жизнью. Да и тѣ, кто былъ не чуждъ общественныхъ интересовъ, предпочитали широкую политику столицы съ ея генеральными сеймами мелкой политикѣ мѣстныхъ провинціальныхъ сеймиковъ.

Мѣщане и православное духовенство имѣли свою опору въ казачествѣ, и по мѣрѣ того, какъ государство обезсиливало казаковъ, и эти свободныя общественныя группы украинскаго населенія теряли свое значеніе. Мѣщанство горько жаловалось на евреевъ, которые, благодаря своей энергіи и сплоченности, легко завладѣли мѣстной промышленностью, особенно торговлей. Православное духовенство, расширившее свои права при Сагайдачномъ, не пользовались ими при наступившихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, и „благочестивый попъ“ едва ли былъ въ глазахъ высшихъ слоевъ украинскаго общества почтеннѣе хлопа. Казачество какъ будто совершенно забыло о своемъ недавнемъ бурномъ прошломъ и жило настоящимъ: оно пользовалось правомъ на землю и извѣстной привилегированностью. Правда, эта привилегированность не мѣшала послѣднему шляхтичу смотрѣть сверху внизъ на самаго заслуженнаго казака, какъ на жалкаго выродка ненормальнаго украинскаго строя: вѣдь польская общественная жизнь знала только шляхтича и хлопа. Но казаки,—по крайней мѣрѣ городовые, или реестровые, единственно признаваемые государствомъ,—не обнаруживали недовольства. Запорожье, пріютъ самочин-

наго и самовольнаго казачества, конечно, бурлило, какъ всегда; но его броженіе не переливалось черезъ края: на порогахъ былъ снова отстроенъ крѣпкій Кодакскій замокъ, а на Украинѣ расквартировано польское постоянное, такъ-называемое кварцяное войско.

Украина была спокойна. Прекрасные урожаи обезпечивали довольство. За общей мирной картиной не видна была та глубокая язва, которая разъѣдала общественную жизнь. Никто не ожидалъ катастрофы; не ожидалъ ея и тотъ, на кого судьбой была возложена такая роковая миссія.

Въ 1648 году чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ. Въ эти годы человѣкъ опредѣляется окончательно. Необходимо особенное стеченіе общественныхъ и личныхъ условій, чтобы выбить изъ колеи сложившагося и успокоившагося человѣка.

Моментъ для возстанія былъ выбранъ вполнѣ удачный; точнѣе сказать, моментъ подсказалъ возстаніе.

Король Владиславъ IV былъ страстно увлеченъ идеей грандіозной войны съ Турціей; но вся шляхетская Польша относилась враждебно къ замысламъ короля. Естественно, что онъ пришелъ къ мысли искать себѣ помощниковъ въ украинскомъ казачествѣ, съ корымъ онъ хорошо ознакомился еще въ юности подъ Можайскомъ, а затѣмъ подъ Хотиномъ. Но въ своемъ стѣсненномъ положеніи польскаго короля Владиславъ не могъ дѣйствовать открыто. Онъ тайно послалъ на Украину какой-то документъ, вновь разрѣшавшій казачеству строить морскіе челны и увеличить реестръ до 12-ти тысячъ. Этотъ документъ былъ искрой, брошенной въ порохъ.

А въ Крыму, между тѣмъ, было крайне враждебное Польшѣ настроеніе изъ-за задержки обычныхъ „упоминковъ“ (подарковъ); кромѣ того былъ голодъ отъ падежа скота.

Когда, заручившись симпатіями запорожцевъ, въ концѣ 1647 г. Хмельницкій явился въ Крымъ за помощью, татары обнаружили полную готовность устроить въ союзѣ съ Запорожьемъ походъ въ предѣлы Польши.

Пока тянулась зима, на Украинѣ все было спокойно, но уже тѣмъ спокойствіемъ, въ которомъ опытные мѣстные люди чувствовали надвигающуюся грозу. Можно сказать, что гроза никого не застала врасплохъ. Уже съ самаго начала 1648 г. коронный гетманъ Потоцкій и его помощникъ „польный“ гетманъ Калиновскій усиленно готовились и, какъ только настала весна, отправили на мятежное Запорожье два отряда—Днѣпромъ изъ реестровыхъ казаковъ и нѣмецкой пѣхоты, и сухопутный, гдѣ были лучшія силы войска и драгуны изъ украинцевъ. Предыдущая удача пріучила поляковъ надѣяться на свои силы, и гетманы были увѣрены, что посланнаго ими войска достаточно для подавленія мятежа. Не думали о томъ, что реестровые и драгуны,—украинцы по происхожденію,—могутъ въ критическій моментъ перейти къ своимъ; а, главное, никому и во снѣ не снилось, что возможенъ союзъ между такими отчаянными врагами, какъ запорожцы и татары. Поэтому, когда пришла вѣсть о томъ, что оба отряда погибли,—все это представлялось чѣмъ-то немыслимымъ, дикимъ. Однако приходилось вѣрить очевидности, и гетманы поспѣшили стянуть оставшіяся въ ихъ распоряженіи войска и окопаться на-скоро между г. Корсунемъ и Стебловымъ на р. Роси. Тотчасъ же явился сюда и

Хмельницкій съ татарами. Между украинцами, служившими въ польскомъ войскѣ, началась измѣна. Разнесся слухъ, что идетъ самъ крымскій ханъ съ ордой. Поляки рѣшили отступить, но измѣной были заведены въ какія-то дебри,—и польское войско было уничтожено: всѣ, кто спасся отъ истребленія,—и оба гетмана въ томъ числѣ,—пошли въ плѣнъ къ татарамъ. На Украинѣ уже не было болѣе польской военной силы. Въ то же время облетѣла край вѣсть, что умеръ король, котораго казачество считало своимъ покровителемъ.

Въ двѣ—три недѣли видъ Украины совершенно измѣнился. Ни войска, ни короля. Единственной опорой государства оставалось нѣсколько небольшихъ гарнизоновъ въ замкахъ, да еще Іеремія Вишневецкій, потомокъ извѣстнаго украинскаго рода князей Вишневецкихъ, владѣвшій огромными помѣстьями на лѣвобережьѣ. Хлопы тотчасъ сбросили свое ярмо и присоединились, вооружившись чѣмъ попало, къ войску Хмельницкаго, которое расположилось подъ Бѣлой Церковью. Шляхта и евреи или бѣжали во внутреннія провинціи или скрывались за стѣнами замковъ, гдѣ еще были гарнизоны: всякій хлопъ обратился въ врага, всякая громада въ непріятельскій отрядъ. Зародилась ужасная мысль „очистить Украину“, т. е. истребить поголовно все шляхетско-католическое, все еврейское. Всюду складывались отдѣльныя „купы“, которыя соединялись въ большіе „загоны“ и дѣлали свое страшное дѣло. Ворота укрѣпленныхъ замковъ открывались передъ этими загонами: мѣщане сами принимали участіе въ очищеніи. Лишь немногія укрѣпленныя мѣста приходилось брать силой—и здѣсь-то происходили тѣ звѣрскія сцены, самое описаніе которыхъ потрясаетъ душу не-

годованіемъ и скорбью за человѣка. Еврейскіе писатели опредѣляютъ число евреевъ, погибшихъ въ эти ужасные дни, въ 250000 д. въ 300 кагалахъ—не было пощады ни полу, ни возрасту. Синагоги и костелы осквернялись и истреблялись.

Казацкая Украина нашла себѣ врага и мстителя въ Іереміи Вишневецкомъ. Съ восемью тысячами шляхты онъ перешелъ Днѣпръ и черезъ Кіевское Полѣсье врѣзался въ сердце степной Украины, отмѣчая свой путь нечеловѣческими жестокостями. Но всей его необычайной энергіи, всей большой талантливости полководца хватило лишь на то, чтобы пробиться черезъ это море бушующей ненависти.

Въ нѣсколько недѣль послѣ Корсунской битвы Украина была „очищена“. Вмѣстѣ съ польской исчезла и южнорусская православная шляхта, какая еще удержалась на Украинѣ: православные шляхтичи спасались по монастырямъ, особенно въ Кіево-Печерской лаврѣ. Кіевское, Черниговское, Брацлавское воеводства и восточная половина Подольскаго находились во власти народа. На всей этой громадной территоріи оставался въ рукахъ поляковъ лишь одинъ городъ—неприступный Каменецъ-Подольскъ. Въ августѣ пожаръ перекинулся на Волынь—началось очищеніе и здѣсь, на земляхъ стараго заселенія, старой культуры.

А между тѣмъ Хмельницкій все стоялъ подъ Бѣлой Церковью, сносясь съ Варшавой, представляя ей свои объясненія происшедшаго и просьбы—даже нельзя сказать требованія. Очевидно, ему пока и въ голову не приходила мысль о возможности и даже неизбѣжности полнаго разрыва съ Польшей. Но огромное скоплявшееся около него войско вынуждало его двигаться,

и онъ долженъ былъ двинуться. Навстрѣчу ему шло польское войско, собравшееся изъ шляхты подъ предводительствомъ не Іереміи Вишневецкаго, какъ можно было ожидать, а трехъ русскихъ магнатовъ безъ всякихъ военныхъ талантовъ и заслугъ. Войска встрѣтились надъ рѣчкой Пилявой около мѣстечка того же имени, и здѣсь произошло столкновеніе, которое даже нельзя назвать битвой: польское войско разбѣжалось при одномъ,—и то невѣрномъ,—слухѣ о приближающихся татарахъ и оставило въ распоряженіи враговъ множество дорогихъ вещей—одежды, оружія, посуды, однимъ словомъ роскошную обстановку, которою шляхта, повидимому, разсчитывала поразить хлоповъ.

Теперь Хмельницкому былъ открытъ путь внутрь Польши. Но онъ все-таки не воспользовался положеніемъ. Взявъ окупъ съ Львова, Хмельницкій вступилъ на исконную польскую территорію и остановился подъ укрѣпленнымъ Замостьемъ. А между тѣмъ пламя народнаго волненія уже изъ Украины и Волыни перебиралось и въ Галицію. Ведя понемногу осаду Замостья, Хмельницкій продолжалъ переговоры съ поляками. Въ Польшѣ шло дѣло о выборѣ новаго короля, и Хмельницкій ставилъ въ числѣ своихъ требованій—пока все еще довольно скромныхъ (амнистія, возвращеніе старыхъ казацкихъ вольностей)—и выборъ въ короли Яна Казимира, младшаго брата умершаго короля Владислава IV. Янъ Казимиръ былъ избранъ, и Хмельницкій, къ общему удивленію, мирно отступилъ на Украину.

Въ первыхъ числахъ января 1649 г. Хмельницкій торжественно въѣхалъ въ Кіевъ. Этотъ въѣздъ—зенитъ всей эпопеи. Здѣсь, среди пословъ сосѣднихъ державъ,

при восторженныхъ кликахъ народа и привѣтствіяхъ духовенства, Хмельницкій какъ будто впервые понялъ, что онъ не взбунтовавшійся подданный, а „гетманъ Божьею милостью и волей народа“. Очевидно, Хмельницкій теперь иначе смотрѣлъ и на свои отношенія къ Польшѣ, на возможное будущее Украины и ея народа. Когда пріѣхала польская комиссія для переговоровъ, ее встрѣтили, со стороны гетмана, обиды и насмѣшки вмѣстѣ съ совершенно невозможными, съ польской точки зрѣнія, притязаніями; а кромѣ того поляки, всюду наталкивались на проявленія самой тяжелой народной ненависти.

Новая весна (1649 г.) открыла собой и новую войну. Во главѣ польскаго войска стоялъ самъ король; къ Хмельницкому пришелъ на помощь крымскій ханъ. Войска сошлись приблизительно на той же территоріи, что и въ предыдущемъ году.

Польское войско съ королемъ во главѣ чуть было не погибло окончательно подъ Зборовымъ, и его спасла лишь измѣна хана, котораго подкупили поляки. Война была закончена Зборовскимъ договоромъ, которымъ наново опредѣлялись взаимныя отношенія Польши и украинскаго казачества.

Казацкая Украина, на которую распространялась сила договора, заключала въ себѣ три воеводства: Кіевское, Черниговское и Брацлавское..

Только изъ населенія этой территоріи складывалось казацкое войско, которое реестровалось въ числѣ 40.000 человѣкъ. Все населеніе, оставшееся внѣ реестра, должно было возвратиться въ старое званіе, мѣщанское или хлопское; владѣльцы могли возвратиться и вступить въ свои права. Казацкому войску предоставлялось пол-

ное самоуправленіе—гетманъ подчинялся только королю. Но одновременно съ казацкимъ режимомъ оставался и старый шляхетскій: только всѣ должности должны были замѣщаться теперь шляхтичами православной вѣры. Казацкая Украина была закрыта для короннаго войска, для евреевъ и для іезуитовъ съ ихъ школами.

Зборовскій договоръ создалъ для Украины положеніе, которое сравнительно съ ея положеніемъ до возстанія можно было назвать блестящимъ. Но въ этомъ положеніи были трещины, которыя, расширяясь, должны были неминуемо погубить все. Дѣло въ томъ, что границы казацкой Украины были значительно тѣснѣе границъ южнорусскаго народа, стремившагося къ свободѣ: Зборовскій договоръ не распространялся не только на Галицію, но и на Волынь и Подолье. А главное, владѣльческое право продолжало существовать на казацкой территоріи. Могъ ли хлопъ, испробовавшій казацкой свободы, воротиться подъ крѣпостное ярмо? Конечно, нѣтъ.

Неудовлетворительность Зборовскаго договора обнаружилась тотчасъ же. Владѣльцы возвращались въ свои покинутыя владѣнія. Но все, что для нихъ могъ сдѣлать могущественный гетманъ Запорожскаго войска, это охранить ихъ жизнь: принудить подданныхъ къ повиновенію нечего было и думать. Владѣлецъ могъ считать себя счастливымъ, если подданные соглашались давать ему что-нибудь на поклонъ по большимъ праздникамъ. Паны сами должны были работать, чтобы не умереть съ голоду. Конечно, „лучше попытаться прибѣгнуть къ оружію, чѣмъ имѣть подданныхъ и не владѣть ими“—такъ думали мѣстные паны. А въ Варшавѣ Зборовскій договоръ возбудилъ цѣлую бурю негодо-

ванія и возмущенія вмѣстѣ со страшной жаждой все порвать и отомстить за униженіе.

Теперь и Хмельницкій понялъ окончательно, что Украина не можетъ составить одного цѣлаго съ Польшей и что ей необходимо искать иныхъ политическихъ связей. Два сосѣднихъ государства могли представить для Украины достаточно надежную политическую опору: Московское государство и Турція. И Хмельницкій завязываетъ переговоры и тутъ и тамъ. Пока онъ склоняется въ сторону Турціи: онъ разсчитываетъ на молдавское господарство, зависѣвшее отъ Турціи, для своего сына Тимоша.

Новая война съ Польшей, начавшаяся еще до начала весны 1656 г., разрѣшилась битвой при Берестечкѣ—первой тяжелой неудачей казацкаго войска. Счастливая звѣзда Хмельницкаго начинаетъ клониться къ закату. Бѣлоцерковскій договоръ, которымъ закончилась эта война, представляетъ собою второе, лишь значительно сокращенное, менѣе благопріятное для казаковъ изданіе договора Зборовскаго. Казацкая территорія ограничивается Кіевскимъ воеводствомъ, реестръ уменьшается до 20.000; гетманъ казаковъ повинуется польскому коронному гетману; евреи имѣютъ право жительства повсемѣстно.

Если Украина не могла примириться съ Зборовскимъ договоромъ, то тѣмъ болѣе съ Бѣлоцерковскимъ. Въ краѣ начинается нѣчто вродѣ политическаго разложенія. Тамъ, гдѣ возвращающіеся владѣльцы чувствовали силу на своей сторонѣ, они жестоко расправлялись съ подданными; гдѣ сила была на сторонѣ послѣднихъ, тамъ они расправлялись съ панами. Начались массовыя выселенія на лѣвый берегъ, Днѣпра, от-

куда народъ двигался дальше, въ предѣлы Московскаго государства, въ теперешнія Харьковскую и Воронежскую губерніи. Старая Украина пустѣла, а въ мѣсто нея росла Украина Слободская. Хмельницкій потерялъ свое обаяніе: то-и-дѣло въ разныхъ мѣстностяхъ вспыхивали бунты, собирались рады и выбирали собственныхъ гетмановъ. Наступала хозяйственная дезорганизація и ея неизбѣжные спутники—голодъ и эпидеміи. То тамъ, то сямъ — въ особенности на территоріи Побужья — происходили стычки казаковъ съ польскими войсками безъ всякаго объявленія войны. Страшное пораженіе поляковъ подъ Батогомъ, гдѣ палъ цвѣтъ знатной польской молодежи лѣтомъ 1652 г., также произошло внѣ всякой войны: поляки хотѣли преградить Тимошу Хмельницкому съ его казаками дорогу въ Молдавію, куда онъ ѣхалъ свататься къ дочери молдавскаго господаря Лупула—красавицѣ Домнѣ Розандѣ. Гетманъ усыпилъ подозрительность поляковъ ложными увѣреніями и напалъ на нихъ врасплохъ. Тимошъ вывезъ молодую жену на Украину, и тѣмъ укрѣпилъ виды отца на Молдавію и прочный союзъ съ Турціей. Но это была чуть ли не послѣдняя крупная удача Хмельницкаго. Черезъ годъ Тимошъ былъ убитъ, и всѣ надежды, связанныя съ Молдавіей, рушились.

Шесть лѣтъ слѣдило осторожное московское правительство за тѣмъ, что дѣлалось у сосѣдей, благосклонно выслушивая предложенія Хмельницкаго, но не давая никакихъ положительныхъ обѣщаній. Наконецъ, по его соображеніямъ, насталъ благопріятный моментъ: насталъ онъ тогда, когда у Хмельницкаго не было иного исхода. Въ октябрѣ былъ созванъ зем-

скій соборъ, на которомъ земля дала свое согласіе на присоединеніе украинскаго народа.

8-го января 1654 г. собралась въ г. Переяславлѣ рада и украинцы изъявили свое согласіе быть „подъ царемъ московскимъ“. Представители украинскаго народа стремились дать присоединенію характеръ договора, представители Московскаго государства со свойственной имъ настойчивостью—характеръ милости. И хотя московскій государь подтвердилъ „всѣ права и вольности украинскаго народа“, но московскій воевода съ сильнымъ гарнизономъ тотчасъ же водворился въ Кіевѣ.

Союзъ съ Московскимъ государствомъ, которое тотчасъ же объявило войну Польшѣ, конечно, разомъ далъ сильный перевѣсъ силамъ украинскаго казачества надъ польскими. Войска Хмельницкаго снова стояли подъ стѣнами Львова, но все это не создало для Украины прочнаго положенія. Виленскій договоръ 1656 г. между Москвой и Польшей оговорилъ независимость украинскаго народа; но вѣдь было ясно, что лишь только Польша почувствуетъ силу, какъ снова начнется та же борьба. А въ то же время недовольство связью съ Москвой ощущалось все сильнѣе. И гетманъ усиленно думалъ о новыхъ политическихъ комбинаціяхъ, вводя въ свои разсчеты то шведовъ, то седмиградскаго князя (трансильванскаго) Ракочи, то снова Польшу и Турцію.

Среди тревогъ и волненій, разочарованій и новыхъ сомнительныхъ плановъ, гетманъ заболѣлъ и умеръ въ іюлѣ 1657 года.

II.

Вторую половину XVII-го вѣка, отъ смерти Хмельницкаго—южнорусскіе историки обозначаютъ названіемъ „руины“. Это время было для Украины собственно, т. е. для правобережья, настоящей „руиной“—эпохой, когда никакіе жизненные побѣги не успѣвали окрѣпнуть и гибли подъ напоромъ враждебныхъ силъ.

Соперничество двухъ сосѣднихъ государствъ — Москвы и Польши—раздирало край на двѣ половины: лѣвобережная часть естественно тянула къ Москвѣ, имѣя больше основаній бояться ея силы и разсчитывать на ея помощь, правобережная, по тѣмъ же причинамъ, къ Польшѣ. Татары, за которыми стояла Турція, зорко слѣдили за всѣмъ происходящимъ и постоянно вмѣшивались въ междоусобія съ цѣлью грабежа и наживы. Внѣшняя, политическая, анархія поддерживала внутреннюю, т. е. соціальную, вражду „черни“ противъ „знатныхъ“—и поддерживалась ею. Въ свою очередь знатные больше тяготѣли къ шляхетской Польшѣ, чернь —къ демократической Москвѣ. И, наконецъ, Запорожье, этотъ военный лагерь, такъ непохожій на обыкновенное гражданское общество, принимая участіе въ жизни Украины, мѣшалъ этой жизни притти въ равновѣсіе.

И вотъ передъ нами, на исторической сценѣ Украины, какая-то безпорядочная и безсмысленная игра случайностей. Смѣняются гетманы, возникаютъ и исчезаютъ партіи; походы, битвы и мирные договоры мелькаютъ передъ нами, какъ въ калейдоскопѣ. Все въ концѣ концовъ рушится, унося съ собой политическую цѣльность и самостоятельность Украины.

Излишне слѣдить за этой путаницей событій и разбираться въ ней. Отмѣтимъ лишь наиболѣе яркія ея точки. Послѣ смерти Богдана Хмельницкаго гетманскую власть перехватилъ у его сына Юрія, малолѣтняго и болѣзненнаго, генеральный писарь Выговскій. Выговскій,—польскій шляхтичъ, хотя и православный,—объединилъ около себя все, что тяготѣло къ Польшѣ.

Въ сентябрѣ 1658 г. казацкая рада, руководимая Выговскимъ, приняла такъ-называемыя „Гадяцкія статьи“, которыми наново утвердился союзъ Украины съ Польшей. Украина, подъ именемъ княжества Русскаго, составляла съ Польшей федеративный союзъ, присоединяясь къ ней, „какъ вольные къ вольнымъ и равные къ равнымъ“. Русское княжество имѣло свой сеймъ и трибуналъ, т. е. вполнѣ независимую законодательную и судебную власть, свою собственную администрацію по образцу польской, полную религіозную свободу. Но союзъ съ Польшей, несмотря на его блестящія условія, поднялъ противъ себя лѣвобережную Украину, поднялъ и Запорожье съ его знаменитымъ кошевымъ Сиркомъ. Съ этихъ поръ лѣвобережная и правобережная Украина окончательно откололись одна отъ другой политически и соединялись лишь на отдѣльные моменты. Сознаніе украинскаго народа сильно противилось такому расколу, но оно не могло добиться объединенія, къ которому стремилось.

Лѣвобережье все болѣе и болѣе затягивается Москвой подъ свое вліяніе. Осторожная и эгоистичная, ясно видящая свои интересы и умѣющая ихъ преслѣдовать, московская политика не пропускаетъ никакого благопріятнаго случая сдѣлать лишній шагъ въ сторону захвата вліянія и власти. Особенно благопріятно было

для московской политики гетманство Брюховецкаго. Выдвинутый Запорожьемъ и избранный на такъ-называемой „черной радѣ“ („черная“ отъ слова „чернь“) 1663 г., этотъ лѣвобережный гетманъ заявилъ себя, какъ преданный сторонникъ Москвы и „билъ государю челомъ всѣми городами, землями и со всѣми хлѣбными и со всякими доходами“. Конечно, для такого подданства почва была еще совсѣмъ не подготовлена, и оно не могло осуществиться. Но московскіе воеводы водворялись одинъ за другимъ въ большихъ городахъ лѣвобережья, принося съ собой и кое—какіе московскіе порядки.

Между тѣмъ на правобережьѣ среди гетмановъ и „гетманишекъ“, которые появляются и незамѣтно исчезаютъ, выдвигается одинъ человѣкъ, которому удается хоть на короткое время овладѣть положеніемъ. Это—Петръ Дорошенко. Онъ страстно стремился къ объединенію обѣихъ половинъ разорванной надвое родины, и какъ представитель этого стремленія—сдѣлался національнымъ героемъ. Осуществить это стремленіе подъ покровительствомъ Москвы не удалось. Андрусовское перемиріе 1667 г. окончательно закрѣпило разрывъ, отдавъ лѣвобережье подъ власть Московскаго государства, правобережье—Польскаго. Тогда Дорошенко сосредоточилъ всю свою энергію на мысли осуществить это объединеніе подъ покровительствомъ Турціи. Его планы—побудить Турцію къ вмѣшательству—удались сверхъ всякаго ожиданія.

Лѣтомъ 1672 г. султанъ Магометъ IV предпринялъ грандіозный походъ для завоеванія „Лехистана“. Палъ и Каменецъ Подольскій, на неприступность котораго польская шляхта возлагала всѣ свои надежды. Огромныя

турецкія полчища смели все на своемъ пути, готовясь разлиться по Польшѣ; только наступившая осень положила предѣлъ опустошительному движенію. Польша готова была на миръ всякой цѣной. Бучацкій договоръ былъ заключенъ на такихъ условіяхъ: Подольское воеводство съ Каменцемъ отходило къ Турціи, собственно Украина, т. е. воеводства Брацлавское и Кіевское, признавалась казацкимъ владѣніемъ подъ управленіемъ Дорошенка и верховнымъ покровительствомъ Турціи.

Но все это лишь усилило политическое разложеніе. Край еще разъ былъ разоренъ турками; Польша послѣ нанесеннаго ей удара быстро оправилась и снова готова была занять позицію врага. Московскія войска, появлявшіяся вмѣстѣ съ лѣвобережными казаками на правобережьѣ, не могли дать ему достаточной защиты. Населеніемъ правобережной Украины начала овладѣвать какъ бы душевная эпидемія—стремленіе кинуть все, перебраться черезъ Днѣпръ и тамъ искать новой осѣдлости, новой родины, новой общественности.

Опустѣли села, города, мѣстечки. Обозы, нагруженные переселенцами и ихъ пожитками, тянулись къ Днѣпру, стремясь на свободныя земли Слободскихъ полковъ, и не было силъ остановить это движеніе. Въ 1674 г. переселились полки уманскій и брацлавскій, въ 1675 г. –полкъ корсунскій. Дорошенко, не видя выхода, отдался на милость московскаго правительства. Турція вызвала было на гетманство—Юрія Хмельницкаго, затѣмъ передала Украину въ управленіе молдавскому господарю Дукѣ. Все было напрасно. Цвѣтущій край обратился въ пустыню. По окраинамъ этой пустыни, въ рѣдкихъ и жалкихъ поселеніяхъ, еще ютилось кое—какое населеніе; въ центрѣ правобережной

Украины его уже не было. Отъ Корсуня до Бѣлой Церкви царило безлюдье, полное однако слѣдовъ недавно погибшей жизни. Роскошное Подолье не могло прокормить пятнадцать тысячъ турецкаго гарнизона въ Каменцѣ; степную Украину съ ея скудными обитателями снабжало хлѣбомъ Кіевское Полѣсье. Государства, которыя раздирали между собой Украину,—Турція, Польша и Москва,—нашли, что такое положеніе края представляетъ наилучшій исходъ изъ дипломатическихъ затрудненій и рѣшили оставить Приднѣпровье въ вѣчномъ запустѣніи.

Но жизнь плохо справлялась съ дипломатическими распоряженіями. Въ Кіевскомъ Полѣсьѣ, въ полосѣ стараго заселенія, оставшейся въ предѣлахъ Польши, снова начало зарождаться казачество, которому покровительствовалъ король Янъ Собѣсскій. А отъ Полѣсья оно стало расходиться и дальше. Появился знаменитый народный герой Семенъ Палій, полковникъ казачества, вновь народившагося около Хвастова.

Въ 1686 г. между Москвой и Польшей былъ заключенъ вѣчный миръ. По этому миру Украина вновь перешла подъ власть Польши, а Турція была отодвинута съ своими претензіями къ Приднѣпровью и Каменцу. Наступило нѣкоторое спокойствіе, и оно отразилось тѣмъ, что населеніе опять начало появляться на роскошной почвѣ Украины и быстро рости: шло оно и съ сѣвера изъ земель стараго заселенія, гдѣ земледѣльцу жилось все хуже и хуже, шло и обратно съ лѣвобережья, гдѣ стала увеличиваться земельная тѣснота. Гдѣ же появлялось населеніе, тамъ являлось и казачество, складываясь въ полки: оно не встрѣчало до поры до времени сопротивленія со стороны Польскаго государства.

А между тѣмъ пока на правобережьѣ жизнь волновалась, то приливая, то исчезая, то погружаясь въ полную анархію, то снова пытаясь отлиться въ общественныя формы, на лѣвобережьѣ было сравнительно спокойно. Конечно, лишь сравнительно. Не было внѣшнихъ войнъ и опустошеній. Но жизнь не была свободна отъ внутреннихъ волненій: то народъ выражалъ свое неудовольствіе Москвѣ, то чернь вымещала свое неудовольствіе на знатныхъ. Гетманъ Брюховецкій въ 1668 г. былъ убитъ своими же казаками. Его преемникъ Многогрѣшный погибъ жертвой интригъ казацкихъ старшинъ. Самойловичъ, выдвинутый въ 1673 году, послѣ Многогрѣшнаго, соглашеніемъ старшинъ съ московскимъ правительствомъ, правилъ краемъ около пятнадцати лѣтъ—огромный срокъ для этого безпокойнаго времени. Мирное теченіе жизни на лѣвобережьѣ въ теченіе всего его гетманства является тѣмъ болѣе поразительнымъ, что на правобережьѣ общій распадъ жизни достигъ въ это время своей высшей точки. Но въ концѣ концовъ и Самойловичъ былъ поглощенъ сотрясеніемъ той вулканической почвы, на которой онъ уже расположился-было такъ спокойно и увѣренно. Противъ него скопилось такъ много неудовольствія, что кн. Голицынъ, любимецъ царевны Софьи, могъ совершенно свободно свалить на гетмана неудачу своихъ двухъ крымскихъ походовъ. Самойловичъ послѣдовалъ вслѣдъ за Многогрѣшнымъ въ тяжелую сибирскую ссылку. Хотя преемникъ его, Мазепа, былъ выбранъ въ гетманы (1687 г.) также на казацкой радѣ, но выборы его, какъ и выборы Самойловича, произведены были подъ сильнымъ московскимъ вліяніемъ.

Хмельницкій и Мазепа—это начало и конецъ того

краткаго, но яркаго, какъ метеоръ, пути, какимъ промелькнула политическая исторія казацкой Украины на фонѣ южнорусской исторіи. Зато только эти два имени и сдѣлались достояніемъ не мѣстной лишь, но и общей исторіи и поэзіи.

Личность и дѣятельность Мазепы тѣсно связаны съ личностью Петра I. Надо думать, что Мазепа первое время былъ искреннимъ сторонникомъ Петра, не только за страхъ, но и за совѣсть. Реформаторская дѣятельность молодого царя могла найти оцѣнку и сочувствіе въ старомъ гетманѣ, который, несомнѣнно, былъ культурнымъ человѣкомъ своего времени. Пресловутое коварство Мазепы, конечно, нельзя вполнѣ отрицать. Оно есть выраженіе той двойственности, которая была ему несомнѣнно присуща. Двойственность же эта явилась естественнымъ отраженіемъ того, что онъ принесъ на лѣвобережье изъ Польши понятія и чувства настоящаго шляхтича: все это онъ долженъ былъ скрывать, приспособляясь къ окружающей средѣ, которая могла его выдвинуть къ власти.

Но безпощадный деспотизмъ Петра, для котораго не существовали ни личность, ни исторія, если онѣ стояли поперекъ дороги его планамъ, не могъ не вызвать реакціи, Вѣдь царь ежеминутно, нисколько не задумавшись, могъ врѣзаться въ самое существенное изъ того, что составляло „права и вольности“ украинскаго народа. Какъ бы ни понимать психологію Мазепы, но все-таки ясно, что это былъ не Брюховецкій, способный продать интересы ввѣреннаго ему общественнаго дѣла за личную подачку. Мысль объ объединеніи Украины была ему близка, какъ и каждому, сколько-нибудь разумному и искреннему украинцу того времени.

Гетманъ ***ИВАНЪ МАЗЕПА.***

Съ гравюры Норблена.

Та комбинація, которая открывалась сѣверной войной и появленіемъ на исторической сценѣ Швеціи съ Карломъ XII, обезпечивала Украинѣ все, чего она желала и добивалась: по договору Мазепы съ шведскимъ королемъ Украина должна была образовать въ составѣ воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго самостоятельное государство подъ покровительствомъ Швеціи.

Но Мазепа ошибся въ разсчетѣ. Казацкіе старшины съ частью рядового казачества могли сочувствовать его планамъ; сочувствовало имъ и Запорожье съ той частью Полтавщины, которая примыкала къ Запорожью. Но Запорожье было отдѣлено отъ казацкихъ силъ, собранныхъ на берегу Десны, широкой полосой мирнаго населенія, не желавшаго никакихъ войнъ или политическихъ переворотовъ. Полтавская битва (1709 г.) окончательно склонила вѣсы въ сторону Петра. Дѣло Мазепы и украинской политической автономіи было окончательно проиграно. Выборъ въ гетманы Скоропадскаго—выборъ лишь по формѣ, а на дѣлѣ назначеніе—открылъ собой новый фазисъ въ исторіи Украины, фазисъ политическаго поглощенія Украины уже не Московскимъ государствомъ, а Россійской имперіей.

III.

Читатель уже замѣтилъ, конечно, что послѣ Хмельницкаго центръ южнорусской исторіи переносится съ праваго берега на лѣвый. На историческую сцену выступаетъ „сегобочная Украина“, Малороссія, Гетманщина, которая до сихъ поръ была въ тѣни. И не мудрено. Лѣсная полоса этой территоріи—Черниговщина

и Стародубовщина—вернулась отъ Московскаго государства къ Польскому лишь по Деулинскому (1619 г.) и Поляновскому (1634 г.) мирамъ. Степная полоса къ югу отъ Сейма и Остра начала колонизоваться только въ первой половинѣ 17-го вѣка. Тяжелыя потрясенія Хмельнищины вытолкнули массу населенія съ праваго берега на лѣвый, и населеніе это окончательно заполнило територію.

До переворота 1648-го года лѣвобережная Украина, какъ и правобережная, находилась подъ полнымъ вліяніемъ польскаго права и польскихъ общественныхъ отношеній: Вишневецкіе, Песочинскіе, Оссолинскіе, Пацы и т. п. были здѣсь „королькими".

Польская культура, религія, нравы, обычаи, языкъ вполнѣ господствовали среди высшаго класса и пробирались въ среду городского населенія. Лишь казачество сохраняло старорусскій жизненный укладъ: господство выборнаго начала въ управленіи, самосудъ, право земледѣльца на свою землю. Хмельнищина своей „казацкой шаблей скасовала" навязанный краю общественный порядокъ. Теперь „можнѣйшіе (болѣе богатые) пописались въ казаки, а подлѣйшіе (бѣднѣйшіе) остались въ мужикахъ"; такъ описываетъ наступившее съ Хмельнищиной общественное состояніе одинъ современникъ. Остались только двѣ общественныя группы: „товариство" и „посполььство", и между этими группами до поры до времени не было существенныхъ правовыхъ отличій. Казаки несли военную службу, посполитые (крестьяне, мѣщане) отбывали свои обязательства передъ государствомъ данями и повинностями—и только.

Какъ весь общественный строй, такъ и управленіе представляло собой большую простоту, характерную

для древняго уклада общественной жизни. Украина дѣлилась на полки, полки на сотни. Выборные полковники представляли собою всю власть какъ для казачества, такъ и для посполитыхъ. Во главѣ всего стоялъ выборный же „гетманъ войска Запорожскаго", совмѣщавшій въ своемъ лицѣ всю верховную власть—политическую, административную, судебную, распоряженіе финансами. Для помощи гетману была генеральная старшина, среди которой главную роль игралъ писарь, какъ—бы государственный канцлеръ, затѣмъ обозный (начальникъ артиллеріи), судья, хорунжій, бунчучный. По подобію войсковой была также выборная полковая старшина. Вообще, организація правительственной власти представляется крайне упрощенной и несовершенной. Даже выборъ гетмана, съ его почти неограниченной пожизненной властью, не былъ обставленъ точными опредѣленіеми. Его избирали то рада казацкой старшины, то—казацкой массы, то рада черная (общенародная).

Но пока между народомъ и властью нѣтъ той пропасти, которая создается бюрократическимъ строемъ, невозможны и большія злоупотребленія властью, какъ бы несовершенна ни была ея организація. И украинская масса широко пользовалась завоеванною ею свободой.

Свобода эта выражалась во всѣхъ подробностяхъ жизни, включая свой собственный судъ и даже право выбора себѣ священника. Но ни въ чемъ такъ краснорѣчиво не выражалась добытая украинскимъ народомъ свобода, какъ въ новыхъ отношеніяхъ его къ землѣ.

Землевладѣлецъ, панъ,—покуда исчезъ изъ общественной жизни, и земледѣлецъ сдѣлался господиномъ свей земли. На открывшемся земельномъ просторѣ населеніе могло расположиться съ такими удобствами, о

какихъ могъ только мечтать земледѣлецъ; жизнь, ничѣмъ не стѣсненная, раскинулась, руководствуясь лишь своими потребностями и естественными законами. Излюбленной хозяйственной единицей теперь является хуторъ,—всюду, гдѣ жизнь уже была достаточно безопасна. Хуторъ могъ представлять собой общее земельное хозяйство одной большой семьи; но такія большія родственныя сожительства мало свойственны украинскому народу. Болѣе распространеннымъ является такой типъ хуторнаго устройства: состоятельный хозяинъ садитъ на своей землѣ „лезныхъ“, съ которыми вступаетъ въ договорныя отношенія, въ качествѣ подсусѣдковъ, бобылей, огородниковъ. Наконецъ встрѣчаются такъ называемыя сябринныя хозяйства: чужіе люди соединяются для хозяйничанья на общей землѣ на равныхъ правахъ, на правахъ какъ—бы фиктивнаго родства. Все это относится къ хозяйствамъ какъ казаковъ, такъ и посполитыхъ: хозяйства казаковъ отличались лишь тѣмъ, что были въ общемъ сильнѣе, состоятельнѣй.

Казачество знало лишь одну военную повинность; всѣ остальныя общенародныя нужды лежали на посполитомъ населеніи, сельскомъ и городскомъ. Но посполитые, сбросивъ „ярмо лядской неволи“, не были расположены сносить излишнія „тяглости“. Финансовыя отношенія устраивались обоюднымъ соглашеніемъ между громадами и казацкой властью. Посполитые платили то натурой: хлѣбомъ, овсомъ, медомъ, и. т. п., то работой. Но надо думать, что войсковому скарбу (казнѣ) было бы довольно трудно, если бы его не выручала торговля и таможенныя пошлины. Ростъ населенія и безопасности сразу поднялъ мѣстную торговлю, особенно торговлю съ Московскимъ государствомъ, Польшею и

Пруссіей: города Стародубъ, Кролевецъ и въ особенности Нѣжинъ взяли на себя посредничество между азіатскимъ востокомъ и великорусскимъ сѣверомъ. Сильно выросъ и внутренній торговый обмѣнъ между лѣсной и степной полосой края: торговые города развивались по преимуществу на пограничьѣ между этими полосами. Но торговля, и внутренняя и внѣшняя, вся была облажена въ пользу войскового скарба. Другимъ важнымъ подспорьемъ казны были доходы съ „млиновъ"—помолъ считался монополіей казны, или, какъ говорятъ, государственной регаліей. Повидимому, этимъ и органичивались доходы скарба, который за то и не несъ большихъ расходовъ. Защита, судъ, управленіе,—все отбывалось, такъ сказать, натурой; народъ не тратился на содержаніе спеціальнаго правящаго класса и дорогихъ учрежденій. Можно думать, что Украина перешла изъ относительно культурнаго въ варварское состояніе; но, очевидно, дѣло стояло не такъ.

Мы имѣемъ одно драгоцѣнное свидѣтельство чужестранца діакона Павла Алеппскаго, который тотчасъ послѣ освобожденія проѣхалъ по Украинѣ правобережной. Онъ съ восторгомъ говоритъ о той богатой, бьющей ключемъ, жизни, которую онъ наблюдалъ, и отмѣчаетъ въ особенности подъемъ духовной культуры: грамотность, школы, церкви, проявленія художественнаго чувства. Его показанія вполнѣ подтверждаются документами и относительно Украины лѣвобережной: всюду при церквахъ возникаютъ школы и шпитали, т. е. пріюты для нуждающихся, церковныя братства и цехи, всегда преслѣдующія не только благотворительныя, но и религіозно-нравственныя цѣли. Менѣе благо-

пріятно было поставлено высшее просвѣщеніе, такъ какъ просвѣтительныя учрежденія этого типа первое время были лишены земельныхъ имуществъ.

Но это упрощенное состояніе, наступившее съ Хмельницкимъ, не могло задержаться надолго; оно не было состояніемъ устойчиваго равновѣсія. Внутри украинскаго общества должно было развиваться сословное неравенство. Почему? Потому прежде всего, что сосѣднія государства затягиваютъ Украину подъ свое вліяніе. А затѣмъ и сама Украина, тяготѣя къ европейской культурѣ, должна была воспринимать и тѣ общественныя понятія, которыя навязывались этой культурой: сословный строй общества, частную земельную собственность, правящій классъ, значеніе котораго держится на крупномъ землевладѣніи. Молодое украинское общество не могло избѣжать этого рокового пути.

Прежде всего казачество раздѣлилось на „знатныхъ“ и рядовое товариство. Войсковыя и полковыя должности, „уряды“, стали сосредоточиваться въ рукахъ „знатныхъ“, выдвинутыхъ богатствомъ и связями. По отношенію къ землѣ знатные были въ началѣ въ такомъ же положеніи, какъ и рядовое товариство. Но постепенно отношенія стали мѣняться. Для вознагражденія урядниковъ служили „ранговыя маятности“, т. е. земельныя имущества, повинности съ которыхъ уплачивались посполитыми не въ скарбъ, а представителямъ войскового или полкового уряда, какъ ихъ жалованье.

Пока посполитые помнили о своей свободѣ и чувствовали себя готовыми ее поддерживать, пользованіе этими „ранговыми мѣстностями“ было очень осмотрительное. Но такъ какъ „державцы“ усиленно стремились превратить свое право на доходъ въ право на распоря-

женіе личностью и землею посполитыхъ, то они постепенно и добивались своей цѣли. Затѣмъ урядники, пользуясь своимъ вліяніемъ, захватывали пустыя земли и садили на нихъ „лезныхъ“ [1]) на льготные сроки— такъ, какъ это дѣлали и польскіе паны, заселяя свои украинскія „пустыни“. Наконецъ практиковалась и покупка земли: въ началѣ она шла медленно, крайне осторожно, но постепенно превратилась въ какую-то бѣшеную, азартную погоню за землею со стороны старшинъ, не останавливавшихся ни передъ какими средствами для пріобрѣтенія новаго имущества или для закругленія стараго.

Особенно усилился процессъ захвата земли въ гетманство Мазепы. Мазепа, польскій шляхтичъ по взглядамъ, всѣми силами своей власти опиравшійся на могущество русскаго государя, содѣйствовалъ тому, чтобы образовать изъ казацкаго уряда классъ землевладѣльцевъ.

Такимъ образомъ,—къ концу гетманства Мазепы, которымъ заканчивается описываемый нами періодъ,— украинское общество уже значительно ушло отъ той первоначальной простоты своего строя, какая характеризуетъ начало этого періода. Это измѣненіе было вполнѣ неблагопріятно для народной массы: оно клонилось къ угнетенію народа. Но, благодаря земельному простору и политической свободѣ, посполъство, народъ, въ общемъ еще не чувствовалъ утѣсненія. А въ то же время политика Мазепы была направлена къ подъему культуры, и онъ въ этомъ направленіи достигъ видныхъ результатовъ. Старшины начинаютъ отправлять своихъ

---

[1]) Лезные крестьяне—перехожіе.

дѣтей для образованія за-границу. Кіевская Академія поднимается въ своемъ значеніи высшаго учебнаго заведенія. Увеличивается число типографій, а, слѣдовательно, и книгъ. Выдвигаются имена духовныхъ писателей и ученыхъ: Иннокентія Гизеля, Лазаря Барановича, Іоанникія Голятовскаго, св. Димитрія Ростовскаго. Украинцы берутъ въ свои руки всѣ высшія духовныя и просвѣтительныя учрежденія даже и въ сѣверной Руси.

IV.

Запорожье до Хмельницкаго, можно сказать, не имѣло своей исторіи, отдѣльной отъ остальной Украины. Да и начало оно жить своей самостоятельной жизнью лишь незадолго до Хмельнищины. Это несомнѣнный фактъ, какъ ни старались не въ мѣру усердные историки одѣть возникновеніе Запорожья туманомъ легендарной древности.

До конца 16-го вѣка Низовая территорія служила лишь за промысловыя угодья для ближайшихъ населенныхъ мѣстъ Украины, напр. для черкасскихъ и каневскихъ мѣщанъ. И лишь крупныя перемѣны, какія обнаружились послѣ Люблинской уніи, создали на Запорожьѣ постоянное населеніе. Но въ началѣ оно было очень незначительно.

Разъ люди жили постоянно, то они, конечно, имѣли какое-нибудь убѣжище отъ непогоды. По описаніямъ очевидцевъ—современниковъ, Запорожье имѣло видъ военнаго лагеря, гдѣ люди живутъ подъ защитой крытыхъ кожей палатокъ. Первая укрѣпленная Сѣчь, т. е. укрѣпленный Сѣчевой городъ (въ устьяхъ Чертомлыка

и Прогноя—такъ-называемая старая, или Чертомлыцкая, Сѣчь) упоминается по документамъ лишь въ пятидесятыхъ годахъ XVII-го вѣка, т. е. какъ разъ во время возстанія Хмельницкаго. Съ этого времени Запорожье обнаруживаетъ стремленіе къ политической самостоятельности, хотя еще, по поводу Переяславскаго договора, Хмельницкій говоритъ о запорожцахъ Москвѣ, что „они люди малые, и то изъ войска перемѣнные, которыхъ въ дѣло почитать нечего“.

Конечно, въ стремленіяхъ Запорожья къ политической самостоятельности была большая несообразность: вѣдь оно не было даже гражданскимъ обществомъ, такъ какъ исключало семью. Но жизнь постепенно исправляла эту несообразность. Низовыя земли, которыя Запорожье считало своими, начинаютъ все болѣе и болѣе покрываться „становищами“, гдѣ казаки уже проживаютъ и съ семьями. Мазепа начинаетъ энергично добиваться того, чтобы запорожцы не выходили на Украину на „зимовлю“.

Такимъ образомъ ослабляются, такъ сказать, физическія связи Украины съ Запорожьемъ; но остается въ полной силѣ экономическая зависимость. „Не сѣемъ, не оремъ“, писали о себѣ запорожцы этой эпохи. Слѣдовательно, они нуждались въ предметахъ первой необходимости: хлѣбѣ и горѣлкѣ, дегтѣ, желѣзѣ и свинцѣ, одеждѣ и неводѣ. Все это они должны были пріобрѣтать обмѣномъ на рыбу и соль, которую они добывали въ крымскихъ соляныхъ озерахъ. И хотя на эти ихъ товары всегда былъ на Украинѣ самый широкій спросъ, но все-таки Запорожье не выходило изъ положенія острой нужды; постоянно прибывала изъ Украины „голота“, которая нуждалась во всемъ: въ пищѣ, одеждѣ, а главное, въ

вооруженіи. Такимъ образомъ запорожцы находились въ зависимости отъ лѣвобережнаго гетмана, который давалъ имъ жалованье мукой, пшеномъ, деньгами,— и отъ московскаго правительства, посылавшаго на Запорожье свинецъ, порохъ, деньги и сукна.

Экономическая зависимость Запорожья отъ Украины была такъ велика, что лѣвобережный гетманъ всегда держалъ запорожцевъ въ рукахъ угрозой—задержать жалованье и прекратить сношенія. И свободолюбивое Запорожье, тяготясь привязью, нерѣдко обращалось къ мысли о союзѣ съ Крымомъ, чтобъ отъ него получать необходимое.

Вообще, надо сказать, что полная свобода рѣчей и поведенія, которая господствовала на Запорожьѣ, постоянно питала мысль о политической самостоятельности; но эта самостоятельность въ данныхъ условіяхъ была только иллюзіей. Запорожье не могло существовать самостоятельно.

Верховной властью на Запорожьѣ была казацкая рада, гдѣ все рѣшалось силою большинства. Исполнительную власть представлялъ собой кошевой атаманъ, или просто кошевой. Большимъ значеніемъ также пользовались атаманы куреней, на которые дѣлилось запорожское войско, и „атаманская порада“, т. е. собраніе куренныхъ съ кошевымъ во главѣ. Для письмоводства былъ войсковой писарь, лицо, пользовавшееся большимъ значеніемъ.

Всѣ власти были выборными, и притомъ не на опредѣленный срокъ, а до „войсковой ласки“—рада могла смѣстить каждаго въ каждый моментъ.

По Андрусовскому перемирію 1667 г. Запорожье было объявлено въ зависимости одинаково и отъ

Польши и отъ Россіи. Эта двойная, слѣдовательно, неопредѣленная зависимость была очень благопріятна стремленію Запорожья къ соціально-политической обособленности. Когда позже (съ 1688 г.) Запорожье отошло къ Россіи, то правительству русскому трудно было поддерживать значеніе своей власти, признаваемой международной дипломатіей, но плохо признаваемой самимъ Запорожьемъ.

Есть одна личность, которая прекрасно отражаетъ на себѣ духъ Запорожья этой переходной эпохи: это — кошевой Сирко, руководившій запорожской общиной всю третью четверть XVII. вѣка.

Сирко—истинный сынъ Запорожья и въ извѣстномъ смыслѣ его идеалъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Сирко проявлялъ беззавѣтное мужество и выдающіяся военныя дарованія, безкорыстіе, справедливость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное отсутствіе какой-либо политической программы. Онъ всегда руководится лишь настроеніемъ даннаго момента. То онъ является, во главѣ Запорожья, на помощь одному гетману, лѣвобережному или правобережному, то другому; во многихъ случаяхъ выступаетъ, какъ сторонникъ московскаго правительства, но иногда дѣйствуетъ и какъ его противникъ въ союзѣ съ польскимъ королемъ или даже съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ. Но самой выдающейся чертой его политическаго поведенія, конечно, является борьба съ невѣрными, главнымъ образомъ, татарами, въ которой онъ обнаруживаетъ энергію эпическаго богатыря. Трудно было бы перечислить, сколько онъ сдѣлалъ походовъ въ степь сухимъ путемъ и на челнахъ, сколько предупредилъ нападеній, сколько отбилъ плѣнныхъ и добычи; въ отместку за нападеніе янычаръ на Сѣчевой городъ,

онъ организовалъ и блестяще выполнилъ вторженіе внутрь Крыма, въ самое гнѣздо хищниковъ.

Когда дипломатія передала Запорожье подъ московскую власть, оно какъ будто сдѣлалось опредѣленнѣе въ политическомъ смыслѣ. Выдвинулись два политическихъ настроенія, двѣ партіи: партія сторонниковъ московскаго правительства и партія его рѣшительныхъ противниковъ. Всѣ дальнѣйшія запорожскія „шатости" опредѣляются взаимными отношеніями этихъ партій, ихъ борьбой.

За московской партіей былъ перевѣсъ фактической силы. Но зато чѣмъ дальше, тѣмъ больше накоплялось неудовольствія противъ дѣйствій московскаго правительства, тѣмъ сильнѣе становилась оппозиція. Главной причиной накоплявшагося неудовольствія было поступательное движеніе на запорожскія земли со стороны гетманскаго правительства, за которымъ стояла власть Русскаго государства. Сначала захвачена была городками р. Орель; при Мазепѣ начался захватъ р. Самары, которою Запорожье чрезвычайно дорожило, какъ самымъ цѣннымъ промысловымъ угодьемъ. На Самарѣ появилось двѣ крѣпости, а въ концѣ концовъ русское правительство построило крѣпость при впаденіи р. Конки въ Днѣпръ, можно сказать, въ виду Сѣчевого города. Все это были не только кровныя обиды, но и прямыя угрозы. Партія, противная Москвѣ, начала брать верхъ. Во главѣ ея стоялъ Петрикъ, который надѣялся одолѣть Москву съ помощью Крыма. Но крымскіе планы не встрѣчали широкаго сочувствія въ запорожской массѣ. Зато, когда измѣна Мазепы открыла новые горизонты для Украины—полную самостоятельность подъ покровительствомъ шведовъ—Запорожье почти единодушно прим-

кнуло къ своему недавнему врагу — Мазепѣ. Во главѣ Запорожья стоялъ тогда кошевой Гордіенко, который былъ представителемъ крайней ненависти къ московскому правительству.

Все это предпріятіе оказалось роковымъ для Запорожья. Въ концѣ апрѣля 1709 г. полковникъ Яковлевъ и Галаганъ явились съ войскомъ подъ Сѣчь и совершенно ее разорили. Вся запорожская территорія была объявлена присоединенной къ Гетманщинѣ. Отдѣльнымъ запорожцамъ давалась пощада лишь подъ условіемъ, чтобы они выбирали себѣ на Украинѣ мѣста жительства въ качествѣ простыхъ посполитыхъ людей.

Украина въ XVIII-мъ вѣкѣ.

I.

Измѣна Мазепы сыграла важную роль въ исторіи уничтоженія старыхъ „правъ, вольностей и порядковъ“ лѣвобережной Украины, Малороссіи.

Петръ разрѣшилъ выбрать въ гетманы полковника Скоропадскаго, но, по существу, это былъ не выборъ, а назначеніе. Старый и слабохарактерный гетманъ не могъ оказывать властному Петру никакого противодѣйствія. Всѣ десять полковниковъ,—каждый изъ нихъ былъ маленькимъ гетманомъ въ своемъ полку,—были подобраны изъ лицъ, оставшихся вѣрными русскому правительству или успѣвшихъ во-время принести рас-

каянiе. Меньшиковъ, покоритель гетманской столицы Батурина, получилъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими великороссами, большiя земельныя пожалованья въ Малороссiи; такимъ образомъ, великороссы дѣлались крупными украинскими землевладѣльцами.

Къ гетману были приставлены русскiе агенты съ главной цѣлью ознакомиться съ доходами края, для того, конечно, чтобы такъ или иначе воспользоваться ими. На первыхъ порахъ Петръ ограничился тѣмъ, что началъ употреблять казаковъ для большихъ государственныхъ работъ по рытью Ладожскаго канала, для постройки пограничной съ Персiей крѣпости Св. Креста. Все это было обставлено такъ, что 30%—60% казаковъ, вытребованные на эти работы, не вернулись домой, сдѣлавшись жертвами нездороваго климата и лишенiй. Одинъ современникъ-иностранецъ прямо обвинялъ Петра въ томъ, что эти работы были придуманы съ умысломъ ослабить край, уменьшить его казацкое населенiе. Но вѣрнѣе предположить, что Петръ въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ—просто не думалъ о жертвахъ. Впрочемъ, надо сказать, что по отношенiю къ промышленности и торговлѣ, Петръ прямо и сознательно противопоставлялъ интересы украинской территорiи интересамъ великорусской и старался перехватить старые пути малорусской торговли къ южнымъ балтiйскимъ портамъ и въ Силезiю, направляя товары къ Азову, Архангельску, Петербургу.

Простота украинскаго общественнаго строя была противна бюрократическимъ понятiямъ Петра, и онъ издалъ указъ объ учрежденiи въ Глуховѣ генеральной войсковой канцелярiи. Но рѣшающее значенiе имѣло учрежденiе въ Глуховѣ же такъ—называемой

малороссійской коллегіи (1722 г.). Это былъ органъ для управленія краемъ, упразднявшій гетмана, за которымъ оставался лишь совѣщательный голосъ. Во главѣ новаго управленія становился бригадиръ Вельяминовъ съ шестью штабъ-офицерами и капитанами гвардіи. Но Петръ, очевидно, поторопился: для полнаго успѣха такихъ мѣръ еще не было достаточно подготовленной почвы.

Старый Скоропадскій умеръ, сраженный манифестомъ объ учрежденіи коллегіи. Конечно, Петръ совсѣмъ не думалъ о новомъ гетманѣ; но гетманъ, тѣмъ не менѣе, явился. Дѣло въ томъ, что Петръ былъ въ отлучкѣ, и сенатъ увидѣлъ себя вынужденнымъ признать въ роли наказнаго гетмана (временно исполняющаго гетманскія обязанности) черниговскаго полковника Павла Полуботка. Полуботокъ былъ человѣкъ иного типа, чѣмъ Скоропадскій, и умѣлъ преслѣдовать свои цѣли. Онъ вступилъ въ упорную борьбу съ малорусской коллегіей, съ которой, по указу сената, долженъ былъ „во всѣхъ дѣлахъ и совѣтахъ имѣть сношенія“. Первымъ интересомъ коллегіи было взять въ свое вѣдѣніе доходы территоріи; первымъ интересомъ гетмана, какъ и всей старшины, было не допустить этого. Между коллегіей и генеральной старшиной, съ Полуботкомъ во главѣ, шла настоящая бумажная война, которая не приводила ни къ чему: коллегія не могла добиться самаго необходимаго—свѣдѣній и данныхъ. Въ то же время изъ Малороссіи посылалась въ Петербургъ депутація за депутаціей съ просьбами о разрѣшеніи выбрать гетмана, но Петръ лишь разъ отозвался въ томъ смыслѣ, „что не надлежитъ докучать въ семъ дѣлѣ“, на томъ основаніи, что онъ самъ старается пріискать въ гетманы „надеж-

наго и вѣрнаго“ человѣка: объ избраніи вольными голосами уже не было и рѣчи.

Старшина была сильна своей солидарностью, и нелегко было сломить ея пассивное сопротивленіе; но у Коллегіи было въ рукахъ могучее орудіе. Оно заключалось въ той розни, какая все рѣзче и рѣзче обозначалась въ малорусскомъ обществѣ, дѣля его на два враждебныхъ стана,—привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Коллегія заявила готовность стать на защиту низшаго класса: поспольству внушалось подъ рукой, что ему нечего бояться старшины и своихъ новыхъ владѣльцевъ, выросшихъ изъ этой старшины. Въ Коллегію посыпались жалобы: явилось множество „ищущихъ казачества“, т. е. казацкихъ правъ, якобы неправильно отнятыхъ старшиной. Поспольство волновалось и были случаи даже открытыхъ насилій надъ лицами правящей группы. Полуботокъ со старшиной рѣшились разослать грозный универсалъ къ „легкомысленному поспольству“, которое не хочетъ слушаться своихъ владѣльцевъ. Самостоятельная разсылка универсала, помимо Коллегіи, которая не соглашалась на разсылку, была прямымъ нарушеніемъ опредѣленно выраженной царской воли.

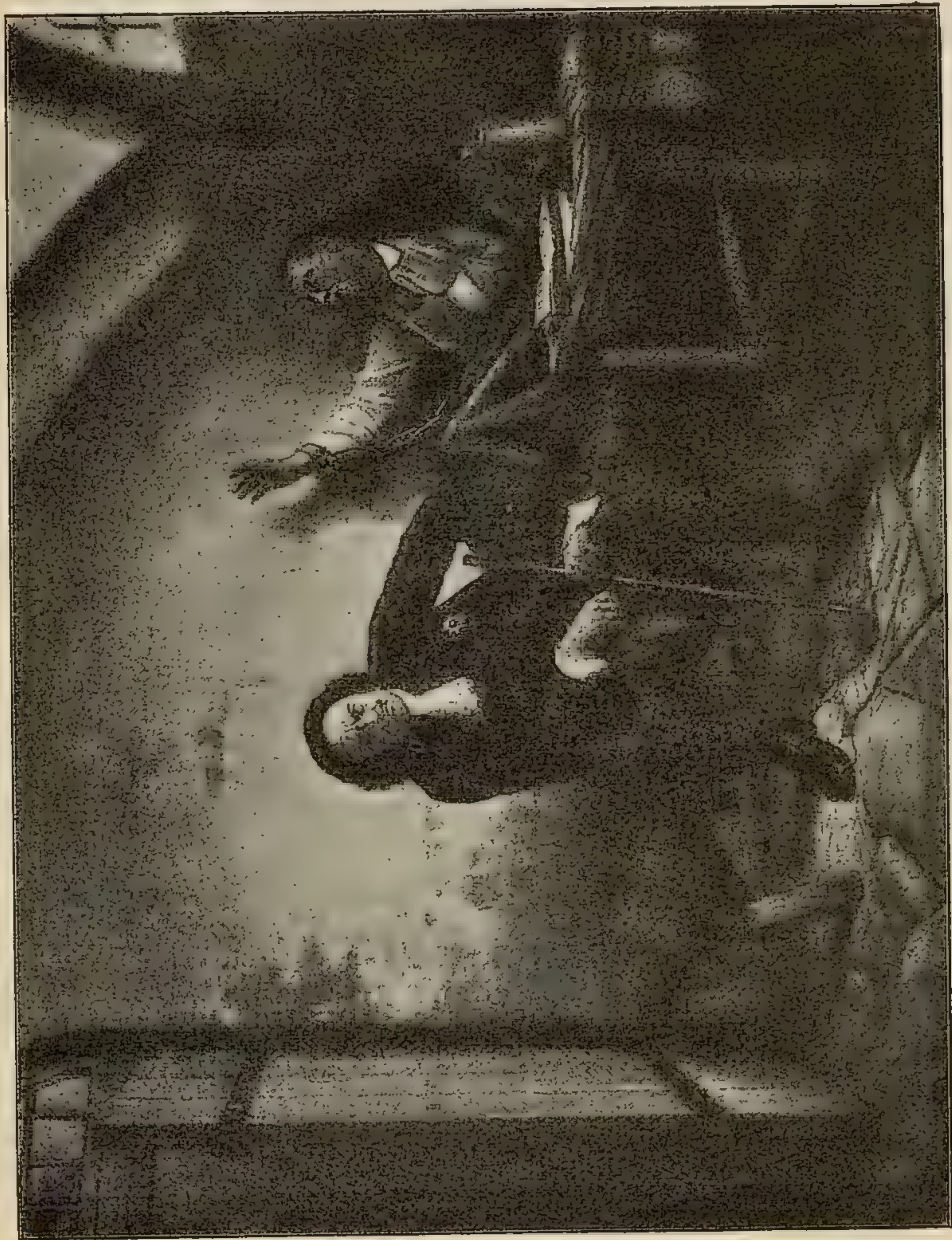
Полуботка потребовали въ Петербургъ для объясненій. Полуботокъ съ генеральнымъ судьей Чарнышемъ и писаремъ Савичемъ явился въ Петербургъ, не какъ обвиняемый—съ оправданіями или просьбами о милости. Вслѣдъ за ними подоспѣли такъ называемыя „коломакскія челобитныя“. Челобитныя эти были покрыты такой массой подписей, которая представляла собой всю наличную старшину, подписывающуюся и за рядовое товариство. Здѣсь были просьбы и о вы-

борѣ новаго гетмана, и объ освобожденіи отъ военнаго постоя, и о сборахъ и судѣ, въ смыслѣ сохраненія старыхъ порядковъ. Все это имѣло очень внушительный видъ, но на Петра произвело дѣйствіе какъ разъ обратное тому, на какое разсчитывали составители челобитныхъ. Царь пришелъ въ бѣшенство и велѣлъ арестовать Полуботка съ товарищами. Въ Малороссію былъ посланъ майоръ Румянцевъ съ порученіемъ разслѣдовать на мѣстѣ, дѣйствительно ли челобитныя выражаютъ желаніе всего казачества. Разслѣдованіе обнаружило, что казачество якобы не хочетъ знать никакихъ вымысловъ старшины. Надъ Полуботкомъ скопилась туча тяжелыхъ обвиненій. И хотя „Вышній судъ", который велъ дѣло, не могъ установить никакихъ обвиненій—подсудимые оставались въ строгомъ заточеніи въ Петропавловской крѣпости. Здѣсь Полуботокъ и умеръ въ декабрѣ 1724 года.

Смерть Петра ослабила напряженность политики, натягиваемой энергической рукой, но не измѣнила въ существенномъ ея характера.

Какъ бы то ни было въ 1727 г. было разрѣшено снова выбрать гетмана вольными голосами. Выбранъ былъ семидесятилѣтній миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ,—выбранъ не безъ вліянія всесильнаго Меньшикова, который былъ въ то время крупнѣйшимъ малорусскимъ землевладѣльцемъ. Уничтожена ненавистная Коллегія, генеральная старшина возстановлена въ своемъ прежнемъ значеніи. Однако при гетманѣ оставался русскій „министръ" „для совѣта" по дѣламъ гражданскимъ, а въ военныхъ дѣлахъ гетманъ былъ подчиненъ фельдмаршалу. Большое значеніе имѣло также выдѣленіе финансовъ, введеніе двухъ подскарбіевъ,

одного изъ великороссіянъ, другого изъ малороссіянъ.

Императоръ Петръ 1-й посѣщаетъ наказного гетмана Павла Полуботка въ Петропавловской крѣпости.
Картина Волкова.

Центральное правительство пока еще ничѣмъ не поль-

зуется изъ доходовъ малорусской территоріи, но оно уже держитъ финансы въ рукахъ. Такимъ образомъ и подъ мягкостью послѣпетровской политики все-таки укрывалось опредѣленное стремленіе подчинить малорусскую окраину центру, не обращая вниманія на ея недавнюю политическую самостоятельность.

Итакъ, въ продолженіе гетманства Апостола (1727—1734) жизнь лѣвобережной Украины протекала въ полной тишинѣ и спокойствіи, но лишь на поверхности; въ глубинѣ все волновалось попрежнему. Великорусское правительство обращалось къ народу, къ посполитству, когда хотѣло притѣснить старшину; но на самомъ дѣлѣ великорусское вліяніе лишь ухудшало положеніе земледѣльческаго населенія. Въ составъ малорусскихъ земледѣльцевъ теперь вошли великорусскіе люди; были великоруссы и среди казацкой старшины, въ качествѣ полковниковъ. Воспитанные въ понятіяхъ и привычкахъ крѣпостного строя, великоруссы не могли въ Малороссіи быть поборниками народной свободы, тѣмъ болѣе, что свобода эта противорѣчила ихъ насущнымъ интересамъ, какъ землевладѣльцевъ.

Закрѣпощеніе народа дѣлало быстрые успѣхи. При Апостолѣ казачья старшина уже имѣетъ видъ обособившагося высшаго сословія. Кромѣ богатства этому обособленію способствовало еще высшее образованіе: старшина временъ Апостола—дѣти Мазепиной старшины—получали образованіе если не въ Кіевѣ, то въ иныхъ „латинскихъ школахъ“. Благодаря богатству и образованію, старшина окружала себя такой обстановкой, которая наглядно свидѣтельствовала о ея „благородствѣ“. Это былъ своего рода патентъ на шляхетство

Но все-таки надо было дать своему положенію и правовое основаніе: безъ дворянскихъ, или шляхетскихъ, правъ не прочна была и земельная собственность, на которой все держалось.

Первымъ шагомъ къ пріобрѣтенію прочныхъ правъ дворянства, опирающихся на русскіе законы и поддерживаемыхъ государствомъ, былъ проектъ Апостола, представленный въ Петербургъ, „объ уравненіи малорусскихъ чиновъ съ русскими табельными“.

Старшина къ этому времени уже успѣла захватить въ свои руки массу земель. На этотъ счетъ есть точныя цифры, полученныя путемъ переписи (1727—1730 г. т. наз. „офицерская ревизія“ и „генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ“). Въ сѣверныхъ полкахъ восемь девятыхъ всѣхъ посполитскихъ дворовъ находилось въ распоряженіи частныхъ владѣльцевъ и монастырей; въ южныхъ % свободныхъ войсковыхъ и ранговыхъ дворовъ былъ нѣсколько выше.

Такъ стояло дѣло по широтѣ захвата; по глубинѣ же, т. е. по тому, насколько владѣльцы успѣли обездолить посполитыхъ, картина отношеній была приблизительно слѣдующая.

Тѣ посполитые, которые еще недавно владѣли землею на правахъ полной собственности, уже успѣли совсѣмъ потерять свои права: въ случаѣ ухода они оставляютъ владѣльцу не только землю, но и возведенныя на ней постройки, унося съ собой лишь движимость. По отношенію къ посполитымъ не-собственникамъ—тѣмъ, которыхъ владѣльцы посадили на свои скупли—владѣльцы начинаютъ хлопотать о лишеніи ихъ права свободнаго перехода, т. е. о прикрѣпленіи ихъ къ землѣ. Однако Апостолъ, несмотря на всю свою

податливость, отстраняетъ такія домогательства, какъ противныя „правамъ и вольностямъ“ украинскаго народа.

Смерть Апостола развязала руки правительству Анны Іоанновны. Оно рѣшило слѣдовать политикѣ Петра и упразднить гетманство. Учреждена была снова коллегія изъ шести членовъ пополамъ изъ великоруссовъ и малороссовъ,—хотя сначала и заявлялось, что Коллегія эта—учрежденіе временное, до выбора гетмана. Но политика правительства скоро выяснилась, во всей ея безцеремонной, деспотической жестокости. Старшій изъ великорусскихъ членовъ коллегіи сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова правителемъ Малороссіи, какъ бы царскимъ намѣстникомъ. „Слово и дѣло“ сторожило всякую попытку вспомнить о „правахъ и вольностяхъ“ Украины.

Войны, въ которыя втянулось государство,—польская, а затѣмъ турецкая,—легли на южно-русскую территорію страшной тяжестью, особенно турецкая война (1736—39 гг.): Десятки тысячъ казаковъ то и дѣло требовались въ походъ подъ Азовъ, подъ Очаковъ, въ Крымъ, на постройку грандіозной украинской линіи, задуманной Минихомъ. Кромѣ того, край долженъ былъ доставлять съѣстные припасы и всякаго рода матерьялы, воловъ и рабочій трудъ, долженъ былъ все время войны содержать на зимнихъ квартирахъ чуть не всю русскую армію. И все это въ удушливой атмосферѣ солдатскаго произвола и насилія. Представитель солдатчины, распоряжавшейся въ Украинѣ въ это тяжелое время, Минихъ, такъ выражался о малорусскихъ правахъ и законахъ: „шельма писалъ, а каналья судилъ“. Села разбѣгались, жители укрывались въ

Польшѣ или по слободамъ сильныхъ людей, откуда ихъ нельзя было достать. Вотъ что писалъ Волынскій, человѣкъ, не заинтересованный въ одностороннемъ освѣщеніи, Бирону о положеніи края: „не осталось столько земледѣльцевъ, сколько хлѣба имъ и для самихъ себя посѣять надобно... работать некому и не на чемъ, понеже сколько въ прошломъ году (1736г.) воловъ въ подводахъ поморено... отъ майора Шипова можете обстоятельно увѣдать, какова стала Украина и сколько малороссіянъ поморено“...

Если гетманство Апостола выяснило отношеніе посполитыхъ къ землевладѣльцамъ, то описываемое тяжелое время освѣтило положеніе казачества. Оказывается, что теперь Малороссія уже не въ состояніи была выставить больше 20-ти тысячъ казаковъ [1]), да и тѣ были отчасти „плохо-людны“, отчасти „худоконны“, по словамъ того же Миниха: „половина ихъ на телѣгахъ ѣдутъ“... Очевидно, казачество уплывало въ поспольство, несмотря на старанія правительства задержать этотъ процессъ: какъ польское правительство было заинтересовано въ уменьшеніи числа казаковъ, такъ теперь русское въ ихъ увеличеніи—и въ томъ и другомъ случаѣ жизнь дѣйствовала наперекоръ и оказывалась сильнѣе.

Среди казачества выяснилось дѣленіе на казака „выборнаго“ (по старой терминологіи „реестроваго“) и „подпомощника“, такого казака, который не выступалъ

---

[1]) По статьямъ (договорнымъ съ московскимъ правительствомъ) Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Мазепы ихъ число опредѣлялось въ 30.000.

лично на военную службу, а снаряжалъ въ складчину съ другими подпомощниками выборнаго, снабжалъ его вооруженіемъ и содержаніемъ.

И еще разъ ослабѣла волна напряженной петербургской политики, смывавшей послѣдніе остатки политической самостоятельности Украины. Императрица Елизавета полюбила Алексѣя Разумовскаго, сына бѣдной казацкой вдовы. Женское чувство побуждаетъ императрицу дѣлать все, чтобы облегчить положеніе Украины, которое сдѣлалось невыносимымъ въ предшествовавшее царствованіе. Она готова возвратить Малороссіи всѣ ея старыя „права и вольности“; она согласна возстановить и гетманскую власть. Но въ жизни произошли уже такія глубокія измѣненія, что всѣ эти обратные шаги къ старому имѣютъ совершенно призрачный характеръ. Правда, выборъ гетмана вольными голосами уже и раньше былъ пустой формальностью: на самомъ дѣлѣ гетманы назначались. Но все — таки гетманами были мѣстные люди, которымъ были близки и дороги интересы родины. Теперь назначается въ гетманы — при соблюденіи выборной церемоніи — братъ фаворита Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, который воспитывался въ Петербургѣ и за границей и почиталъ за свою истинную родину только петербургскій дворъ. Не имѣя сознательныхъ симпатій къ управляемой имъ родинѣ, Разумовскій естественно не имѣлъ никакой опредѣленной программы дѣйствій, никакого руководящаго принципа. Зато все это имѣлъ его руководитель Тепловъ, авторъ извѣстной записки „О непорядкахъ въ Малороссіи“. Но этотъ употреблялъ свои несомнѣнные умъ и образованіе, свое прекрасное знакомство съ положеніемъ края—не на дѣло развитія тѣхъ остатковъ

политической самостоятельности, какіе еще существовали, а на дѣло ихъ разрушенія.

Такимъ образомъ, благосклонность Елизаветы Петровны, а слѣдовательно, и политика ея царствованія не могли измѣнить отношеній двухъ политическихъ организмовъ, соединившихся лишь столѣтіе назадъ.

Разумовскій писалъ Воронцову: „Украина, можно прасказать, совсѣмъ переродилась, и совсѣмъ не то правленіе, не такіе правители, не тѣ, почитай, люди и, слѣдовательно, не тѣ уже и мысли въ нихъ пребываютъ“. Неизвѣстно, что подразумѣвалъ Разумовскій, когда писалъ эти строки и какіе моменты онъ сравнивалъ. Но несомнѣнно, что Украина временъ Елизаветы Петровны была нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ Украина временъ Алексѣя Михайловича. Одно, что сдѣлала Елизавета для блага народа,—это разрѣшеніе посполитымъ права перехода отъ владѣльца, которое отняла было старшина, придравшись къ одному указу. Но и это задержало процессъ закрѣпощенія лишь на короткое время.

Вступленіе на престолъ Екатерины II открываетъ собой заключительный фазисъ въ исторіи самостоятельнаго существованія Малороссіи.

Просвѣщенной императрицѣ казались неразумнымъ варварствомъ патріархальныя учрежденія Украины и особенно „смѣшеніе правленія воинскаго съ гражданскимъ“. Покончить съ этимъ варварствомъ представлялось ей не только дѣломъ простого государственнаго разсчета, но и требованіемъ разума. Конечно, она желала, чтобы самое „имя гетмановъ исчезло, не токмо бы персона какая была произведена въ оное достоинство“. Разумовскій, устраняя нависшую надъ нимъ не-

милость, подалъ въ отставку, и гетманство было упразднено. Указомъ 1764 г. снова была водворена коллегія съ четырьмя великорусскими и четырьмя малорусскими членами. На самомъ дѣлѣ управлялъ краемъ президентъ ея гр. П. А. Румянцевъ, съ обширными полномочіями, въ качествѣ „главнаго малороссійскаго командира“. Но какъ Екатерина такъ и Румянцевъ были умны и осторожны. Они не спѣшили съ преобразованіями, которыя въ концѣ концовъ должны были объединить Малороссію съ россійскимъ государствомъ, несмотря на то, что оба твердо вѣрили въ ихъ разумность и неизбѣжность.

Знаменитая „комиссія для составленія проекта новаго уложенія и для совѣтовъ и способовъ къ достиженію народнаго благоденствія“ наглядно доказала Екатеринѣ и Румянцеву, что съ малороссами дѣло стоитъ гораздо хуже, чѣмъ они могли предполагать. Малороссы не только не шли навстрѣчу реформамъ, которыми ихъ думала облагодѣтельствовать просвѣщенная императрица, но во всемъ оказывали правительству крайнее упорство и сопротивленіе. „Ослѣпленные любовью къ своей землицѣ“, по ироническому замѣчанію Румянцева, малороссы находили, что „ихъ законы и такъ хороши и что имъ нужно только подтвержденіе старинныхъ правъ и вольностей“. Малороссы не хотѣли выбирать депутатовъ въ комиссію, составляли наказы въ духѣ „умоначертаній прежнихъ временъ“, въ духѣ договорныхъ статей Богдана Хмельницкаго, совсѣмъ не плѣняясь обѣщаніемъ императрицы „возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастья.“

Такимъ образомъ просвѣщенный и осторожный Румянцевъ увидѣлъ себя вынужденнымъ принимать мѣры

къ тому, чтобы „подавлять желанія, несходственныя съ общимъ добромъ“. Кое-какъ были выбраны отъ Малороссіи тридцать четыре депутата: по одиннадцати отъ шляхетства и казачества, десять отъ горожанъ и два отъ Запорожья.

Но и дальше не шло гладко.

Малорусскіе депутаты въ многолюдномъ собраніи комиссіи не устыдились своихъ „вздорныхъ вожделѣній“, какъ этого отъ нихъ ожидали ихъ просвѣщенные руководители. Наоборотъ, они съ достоинствомъ поддерживали домогательства своихъ наказовъ. За шляхетствомъ слѣдовало казачество и даже горожане.

Комиссія (1767—9 г.) была распущена, но ея существованіе оставило свой слѣдъ. Екатерина пришла къ убѣжденію, что малороссы не пойдутъ на встрѣчу преобразованіямъ. Надо правительству самому дѣйствовать, и при томъ дѣйствовать не прямо и открыто, а „имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ“, какъ выражалась императрица.

Румянцевъ принялся дѣйствовать — подготовлять Малороссію къ принятію общерусскихъ порядковъ. При полной тишинѣ и спокойствіи, безъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій — онъ достигъ своей цѣли. Онъ выдвигалъ на отвѣтственные посты сторонниковъ новыхъ порядковъ; умѣло внушалъ казацкой старшинѣ, что только объединеніе съ русскимъ дворянствомъ вполнѣ обезпечитъ за ней пріобрѣтенную землю и привилегированное положеніе.

И вотъ та же старшина, которая въ комиссіи стояла въ открытой оппозиціи къ правительству, теперь готова была принять всѣ реформы. Никакихъ протестовъ

ЗАПОРОЖЦЫ.

уже не видно и не слышно. Да, впрочемъ, трудно было и протестовать противъ царскихъ указовъ.

Въ 1782 г. было введено въ Малороссіи положеніе о губерніяхъ; въ 1783 г. изданъ указъ, запрещающій крестьянамъ вольные переходы; въ то же время казачьи полки были преобразованы въ регулярные. Только три указа—и историческая Малороссія перестала существовать: она дѣлалась провинціей Россійской имперіи.

Малороссія дѣлилась теперь на три намѣстничества съ полнымъ штатомъ общерусскихъ губернскихъ учрежденій. Въ Малороссіи водворилось крѣпостное право. Стараго казачества уже не существовало. Казацкая старшина превращалась въ шляхетство, или дворянство, пріобрѣтая такимъ образомъ полныя права на землю и на населеніе, воздѣлывающее эту землю. Малорусское дворянство, вылупившееся изъ казацкой старшины, не имѣло основаній быть недовольнымъ преобразованіями, и легко помирилось даже съ тѣмъ, что ранговыя имѣнія, еще не разобранныя, проскользнули мимо и ушли къ Екатерининскимъ вельможамъ: Румянцеву, Безбородкѣ, Завадовскому, Стрекалову.

II.

Наказы депутатамъ въ Екатерининскую комиссію, дошедшіе до насъ, очень интересны, такъ какъ выясняютъ намъ положеніе и нужды, а также желанія и идеалы тѣхъ группъ, изъ какихъ состояло малорусское общество 18-го вѣка. Одно поспольство не имѣло возможности высказаться; оно уже обратилось въ пьедесталъ воздвигнутаго на немъ общественнаго зданія

и, вынужденное къ обязательному молчанію, не могло выражать ни нуждъ своихъ, ни желаній.

Казацкая старшина или шляхетство стремилось къ тому положенію, „на какомъ Богданъ Хмельницкій со всей малороссійской націи корпусомъ подъ державу великороссійскую приступалъ“; оно держало въ головѣ переяславльскія договорныя статьи. Но это вовсе не значитъ, чтобъ старшина желала возвращенія того упрощеннаго общественнаго строя, который характеризуетъ собой времена Богдана Хмельницкаго. Ея идеалы позади Хмельницкаго, въ томъ польско-шляхетскомъ строѣ, который былъ разрушенъ казацкой революціей. Все это было ясно высказано въ наказахъ, а еще яснѣе въ рѣчахъ шляхетскихъ депутатовъ, между которыми выдающуюся роль игралъ Полетика. Онъ выяснялъ, что малорусскому шляхетству, послѣ высочайшей власти, должно принадлежать все правленіе дѣлъ въ Малороссіи, право устанавливать, отмѣнять и исправлять законы, право неприкосновенности личности и жилища, экономическія привилегіи (главныя изъ нихъ: свободное винокуреніе и безпошлинная торговля виномъ) и право свободнаго выѣзда въ чужіе края.

Симпатичной чертой шляхетскихъ наказовъ являются ходатайства объ учебныхъ заведеніяхъ для высшаго образованія—въ университетахъ и гимназіяхъ съ типографіями при нихъ.

О просвѣщеніи усиленно хлопочетъ и малорусское духовенство и не только о поддержкѣ для своихъ учрежденій, Кіевской академіи и Черниговскаго коллегіума, но и для дѣла книгопечатанія и книжнаго обращенія. Помимо этого, духовенство, такъ же какъ

и шляхетство, все обращено своими вожделѣніями и чаяніями къ старинѣ, когда оно было свободно отъ подчиненія московскому патріарху или святѣйшему синоду. Недаромъ Екатерина была такъ предубѣждена противъ малорусскаго духовенства съ его „честолюбіемъ и зараженностью развращенными правилами духовенства римскаго“.

Наказы городовъ—сплошной вопль. Даже важнѣйшіе города,которые,—какъ Кіевъ, Черниговъ, Стародубъ Нѣжинъ, Переяславль,—продолжали пользоваться преимуществами Магдебурскаго права, и тѣ были, повидимому, въ угнетенномъ положеніи. Жалкій внѣшній видъ, скудное населеніе, ничтожность торговыхъ оборотовъ и промышленной производительности все свидѣтельствовало о глубокомъ упадкѣ городской жизни. Главной причиной упадка, на какую указываютъ наказы,—это вредное вмѣшательство въ жизнь городовъ шляхетско-казацкаго элемента. Шляхтичи и казаки жили въ городахъ, пользовались всѣми преимуществами городской жизни, занимались торговлей и промыслами, но не хотѣли знать городской общины и совершенно уклонялись отъ всякихъ обязательствъ, „щитя себя одни шляхетствомъ, а другіе казачествомъ“. Мѣщане несли всѣ повинности, не пользуясь никакими преимуществами. Имъ приходилось такъ тяжело, что они готовы были уходить и уходили даже въ подданство.

Казацкіе наказы ярче всего свидѣтельствуютъ, какъ глубоко измѣнилась украинская жизнь. Казачество еще такъ недавно центральная часть общественнаго организма, - теперь ненужный придатокъ, обреченный на отмираніе. Казакъ, въ одно и то же время воинъ

и свободный земледѣлецъ,—соціальная ненужность, все растущее регулярное войско упразднило его, какъ воина, все увеличивающееся распаденіе общества на землевладѣльца и крѣпостного упраздняетъ его, какъ свободнаго земледѣльца. Земля ускользаетъ изъ рукъ, скупаемая старшиной, которая имѣетъ возможность оказывать давленіе на рядового казака и вынуждать его къ продажѣ. Растетъ казацкое оскудѣніе; уменьшается и число казаковъ; во время наказовъ ихъ уже едва насчитывалось десять тысячъ, годныхъ къ службѣ (при Аннѣ Іоанновнѣ вдвое больше).

Такъ понимали свое положеніе украинцы второй половины 18-го вѣка; таково приблизительно оно и было на самомъ дѣлѣ. Общій упадокъ культуры подтверждается и посторонними наблюдателями украинской жизни—великороссами. Великороссы усматриваютъ причины этого упадка въ томъ, что украинцы суть „люди неблагомыслящіе и казацкимъ запорожскимъ духомъ напоенные, неблагодарные“, „пахнущіе Мазепинымъ духомъ“. Но какъ ни относиться къ такимъ объясненіямъ, остается въ силѣ печальное заключеніе, которое дѣлаетъ одинъ изъ великорусскихъ авторовъ того времени: „Малороссія въ добронравіи, въ просвѣщеніи, въ общежитіи, въ хозяйствѣ, въ торговлѣ, въ рукодѣліи и во всемъ благоустройствѣ отъ всѣхъ прочихъ губерній (Великой Россіи) отстала и во всемъ ихъ хуже“. Если это заключеніе и одностороннее, то всетаки оно правильно указываетъ на культурный упадокъ, который несомнѣнно наблюдается въ Малороссіи 18-го вѣка. Помимо области политической и экономической упадокъ этотъ наблюдается и въ области просвѣщенія въ ближайшемъ смыслѣ этого слова.

Выше было указано, что еще въ началѣ столѣтія югъ былъ гораздо просвѣщеннѣе сѣвера, и Кіевская академія была разсадникомъ свѣта и науки для Великороссіи. Первую половину 18-го вѣка еще поддерживались такія отношенія между сѣверомъ и югомъ, хотя все ослабѣвая. Во вторую половину столѣтія замѣчается уже обратное: просвѣщеніе начинаетъ направляться съ сѣвера на югъ. И не мудрено. На сѣверѣ успѣли развиться, благодаря усиленной поддержкѣ государства, просвѣтительныя учрежденія; на югѣ, подъ гнетомъ неблагопріятныхъ условій, глохло и то, что было. А именно здѣсь происходилъ страшный упадокъ школы и грамотности среди народной массы. Еще въ первой половинѣ 18-го столѣтія церковь, школа и шпиталь составляли тріединое учрежденіе, которое существовало повсюду, въ городахъ и селахъ, удовлетворяя культурнымъ потребностямъ населенія.

Но по мѣрѣ того, какъ народная масса изъ свободной обращалась въ зависимую, а затѣмъ и прямо крѣпостную, школа дѣлалась не только излишней, но и вредной роскошью.

Такъ исчезала съ лица земли низшая школа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ падала и мѣстная высшая школа. Казацкая старшина, стремясь къ правамъ русскаго дворянства, старалась доказывать, что она не „здѣшней простонародной малороссійской породы“. Культурное родство съ своими крѣпостными кидало подозрительную тѣнь на ея происхожденіе.

И вотъ къ концу 18-го вѣка высшій классъ малорусскаго общества весь охватывается стремленіемъ отказаться отъ языка своей родины, отъ національной одежды, обычаевъ, національной обстановки,—онъ стре-

мится вести „благородную“ жизнь, т. е. подражать русскому дворянству. Южнорусское юношество ѣдетъ на сѣверъ, чтобы обучаться тамъ. Екатерининскія реформы потребовали русскихъ чиновниковъ, и казацкая старшина усиленно готовится къ тому, чтобы вступить въ ихъ ряды.

Мѣстное высшее просвѣщеніе на основѣ своего собственнаго языка сдѣлалось ненужнымъ, какъ стала ненужной и народная школа. Стала исчезать и мѣстная литература. Великорусскій языкъ началъ все болѣе и болѣе вторгаться въ обиходъ украинской жизни; со времени Екатерины онъ уже пріобрѣтаетъ господство. Высшая духовно-просвѣтительная власть края, въ лицѣ кіевскихъ митрополитовъ, прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы складывающійся литературный языкъ сѣвера съ его великорусской народной основой вытѣснилъ языкъ южнорусскій. Въ преподаватели кіевской академіи приглашались великоруссы; мѣстные студенты отправлялись на сѣверъ для изученія языка. Издавали руководства для малороссовъ, указывающія на особенности великорусскаго языка, чтобъ они не могли отговариваться невѣдѣніемъ.

Еще немного, и цѣлая пропасть раздѣлила культурный классъ, отрекшійся отъ своей національности и національной культуры, отъ закрѣпощеннаго народа, который сохранилъ свой національный обликъ, но не могъ удержаться на пріобрѣтенной имъ культурной высотѣ.

III.

Послѣ разгромленія Чартомлыцкой, или Старой, сѣчи войсками Петра I, запорожцы удалились на ни-

зовья Днѣпра и отдались подъ покровительство крымскаго хана: къ этому уже давно склонялъ сѣчевиковъ кошевой Гордѣенко и его сторонники. Ханъ отвелъ имъ подъ сѣчь урочище Алешки на днѣпровскомъ лиманѣ, а подъ промысловыя угодья запорожцы могли занять пустынныя пространства отъ р.р. Буга и Ингула до р. Самары. Запорожцы перенесли сюда весь свой старый строй, но тѣмъ не менѣе не могли сжиться съ своей новой родиной.

Конечно, среди Алешкинскихъ камышей, песковъ и солончаковъ не такъ-то легло было забыть покинутые прекрасные острова и плавни Днѣпра. Крымское покровительство имѣло свои большія выгоды: можно было свободно добывать соль въ крымскихъ озерахъ и ловить рыбу на лиманахъ. Но зато нельзя было возить ни соль, ни рыбу на Украину, ни вывозить оттуда хлѣбъ, табакъ, водку: Петръ наложилъ строгій запретъ на торговлю. А, главное, сказывалась исконная вражда между Запорожьемъ и Крымомъ, взаимное недовѣріе, питавшееся вѣками. Въ Алешкинской Сѣчи все болѣе и болѣе начинаетъ брать верхъ московская партія съ Малашевичемъ во главѣ. На сѣверъ къ гетману и въ Петербургъ тянутся изъ года въ годъ слезныя прошенія о разрѣшеніи вернуться „на первобытное мѣсто“.

Но это устроить было не такъ-то легко даже и при желаніи правительства. „Первобытное мѣсто“, т. е. мѣсто Старой Сѣчи, теперь находилось за пограничной линіей, на турецкой территоріи.

Когда лѣвобережнымъ гетманомъ сдѣлался Апостолъ, запорожцы почувствовали, что теперь можно дѣйствовать рѣшительно. Въ Алешкинской Сѣчи, послѣ 19 лѣтъ

ея существованія, произошелъ настоящій государственный переворотъ. Сторонники русскаго правительства появились на челнахъ около Алешекъ, захватили кошевого Гордѣенка и войсковое имущество, а затѣмъ отплыли на мѣсто Старой Сѣчи. Но не помогла и рѣшительность. Русское правительство отказывалось отъ запорожцевъ, и они должны были снова обратиться къ Крыму. Подъ сѣчь отведено было устье р. Каменки, и здѣсь они прожили еще четыре года. Лишь въ 1733 г. наступили такія обстоятельства, которыя сдѣлали возможнымъ ихъ возвратъ подъ покровительство русскаго государства.

Русское и крымское правительство столкнулись враждебно въ польскихъ дѣлахъ. Запорожцы должны были идти на помощь татарамъ; но вмѣсто того они перешли къ русскимъ. Теперь запорожцы уже могли вернуться къ Россіи: они выбрали подъ сѣчь мѣсто на урочищѣ Базавлукѣ, почти окруженномъ рѣчкой Подпильной, верстахъ въ восьми отъ Старой Сѣчи.

Въ концѣ 1734 г. запорожцы открыто вступили снова въ подданство Россіи и унесли съ собой свою обширную территорію, хотя имѣли на нее лишь право захвата. Такимъ образомъ теперь граница Россіи съ Турціей на лѣвобережьѣ шла по прямой линіи отъ верховьевъ р. Конки до верховьевъ р. Берды.

Наступилъ тотъ періодъ исторіи Запорожья, который называютъ исторіей Новой-Сѣчи.

Только теперь—въ послѣднюю эпоху своего существованія—жизнь этого страннаго общественнаго организма выступаетъ передъ нами ясно, со всѣми своими особенностями.

Вліяніе русскаго государства сказывается все силь-

нѣе и сильнѣе, но въ одномъ опредѣленномъ отношеніи: начинается захватъ русской колонизаціей запорожскихъ земель, закончившійся уничтоженіемъ Запорожья. Но во внутреннюю жизнь Запорожья и его порядки государство не вмѣшивалось.

Запорожская территорія, или „вольности Коша Запорожскаго", занимала приблизительно Екатеринославскую и Херсонскую (до Буга) теперешнія губерніи. По границамъ были паланки, т. е. военные посты, подъ управленіемъ пограничной запорожской старшины. Паланокъ сначала было пять, подъ конецъ—восемь. Это была обширная пустынная территорія съ плодородною почвой, богатая и лѣсомъ, и пастбищами, и водой—съ урочищами для рыбной и звѣриной ловли. Населеніе ея было ничтожно.

Состояло это населеніе изъ казаковъ и подданныхъ, или посполъства. Посполъство держалось лишь въ нѣкоторыхъ паланкахъ—Кодацкой, Самарской, Орельской и Протовчанской, гдѣ было по нѣсколько городковъ, селъ и хуторовъ. Не имѣя казацкихъ правъ, посполитые не несли и казацкихъ обязанностей. Но здѣсь же проживали съ семьями и женатые запорожцы, которые не могли жить въ Сѣчи, хотя и сохраняли свои казацкія права. Въ остальныхъ паланкахъ были лишь военные посты, гдѣ проживала старшина съ казаками, промысловые станы и зимовники. Зимовниками назывались хозяйственные хутора, гдѣ жили и хозяйничали не-семейные запорожцы или съ товарищами изъ молодыхъ казаковъ или съ наемными рабочими.

Главная масса запорожцевъ жила въ Сѣчи, откуда расходилась на промыслы и куда возвращалась съ промысловой добычей.

Новая Сѣчь состояла изъ двухъ частей: Коша, отъ котораго отдѣлялась паланка, и предмѣстья. Кошъ представлялъ собой большую площадь, вокругъ которой было расположено 38 обширныхъ деревянныхъ зданій, разсчитанныхъ на нѣсколько сотъ человѣкъ каждое: это и были курени, казацкія общежитія. Укрѣпленія отдѣляли Кошъ отъ предмѣстья; такія же укрѣпленія отдѣляли отъ Коша паланку, его внутреннюю часть, которая составляла какъ бы кремль Сѣчевого города. Въ кремлѣ этомъ помѣщалась церковь, казна и канцелярія, жили духовенство и старшина. На предмѣстьѣ или „Крамномъ базарѣ“ были лавки и шинки, мастерскія, жилища пріѣзжихъ торговцевъ и той старшины, которая наблюдала за порядкомъ на базарѣ.

Важное значеніе въ общественной жизни Запорожья имѣли курени. Каждый казакъ долженъ былъ входить въ тотъ или другой курень, если даже онъ проживалъ гдѣ—нибудь въ отдаленіи съ семьей. Курень имѣлъ свою долю въ промысловыхъ угодьяхъ запорожской территоріи, свою собственность въ видѣ дворовъ и лавокъ на базарѣ, свои доходы, своего выборнаго куреннаго атамана, который пользовался въ своемъ куренѣ широкой властью административной и судебной.

Главной центральной войсковой властью былъ кошевой, который выбирался на годъ. Онъ пользовался какъ бы неограниченной властью. Но на самомъ дѣлѣ надъ нимъ деспотически тяготѣло общественное мнѣніе, прежде всего въ лицѣ куренныхъ атамановъ: безъ ихъ совѣта и согласія онъ ничего не предпринималъ. Кромѣ кошевого, войсковую старшину составляли выборные судья, писарь и есаулъ, исполнитель рѣшеній

и наблюдатель за порядкомъ. Въ каждой паланкѣ также были свои выборныя власти: полковникъ, писарь и есаулъ. Однимъ словомъ, запорожское управленіе было очень не сложно.

Верховная власть принадлежала „общей войсковой радѣ“. Обычно она собиралась разъ въ годъ на 1-ое января: на Рождество все „товариство“ съѣзжалось въ Сѣчь изъ зимовниковъ и промысловыхъ становъ, изъ селъ и хуторовъ. Рада открывалась тѣмъ, что метали жребій на промысловыя угодья, главнымъ образомъ рыболовныя, которыя дѣлились ежегодно наново между куренями. Затѣмъ производились выборы войсковой и паланочной старшины.

Войсковыя рады далеко не всегда бывали „благополучны“. Собравшіеся во множествѣ „сиромахи“ нерѣдко производили буйства и драки, выставляя и поддерживая своихъ кандидатовъ на уряды. Кошевой и старшина въ такихъ случаяхъ спасались бѣгствомъ, лавки на базарѣ запирались и защищались—однимъ словомъ, начиналась стихійная неурядица, съ которой нелегко было справиться. Такія явленія были довольно обычны. И тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ общемъ духъ разумѣнія и любви къ своему обществу заправлялъ жизнью Запорожья. Нѣкоторыя выдающіяся личности, умѣло руководившія запорожскимъ самоуправленіемъ, изъ года въ годъ выбираются въ кошевые: припомнимъ Сирка, Гордѣенка, Малашевича, Калнишевскаго.

На Запорожьѣ никакое общественное дѣло не вершилось безъ участія „товариства“, особенно „стариковъ“. Къ общественнымъ дѣламъ относились и дѣла церковныя. Хотя въ церковномъ отношеніи Запорожье

формально подчинялось Кіевскому митрополиту, но фактически запорожскія церкви находились въ полномъ распоряженіи войска. Запорожцы не только имѣли выборное духовенство, но заставляли его подчиняться обычаю ежегоднаго выбора. На содержаніе церквей и духовенства шла опредѣленная доля войсковыхъ доходовъ. Но независимо отъ этого запорожскія церкви были очень богаты: запорожцы, не имѣя семьи, дѣлали богатые вклады на „честное" погребеніе и на поминъ души. При церкви содержалась, согласно общему южнорусскому обычаю, и школа, гдѣ учились грамотѣ и церковному пѣнію „молодики".

Много было въ жизни Запорожья своеобразнаго, наводящаго на мысль о древности и о бытѣ нашихъ отдаленныхъ предковъ. На Запорожьѣ совсѣмъ не было извѣстно писанное право, писанные законы. Курень несъ на себѣ отвѣтственность за своихъ членовъ, и это очень облегчало и порядокъ и правосудіе. Въ болѣе трудныхъ дѣлахъ уголовнаго характера выступало въ качествѣ судебнаго вѣча, „собраніе Коша": здѣсь ставился приговоръ и приводился въ исполненіе. Дознаніе производилось въ случаѣ надобности „подъ пристрастіемъ" (пыткой). Уголовныя наказанія были суровы: тюремное заключеніе въ холодномъ и сыромъ погребѣ, привязываніе къ позорному столбу, кіи (палки) и наконецъ смертная казнь. Орудія казни—висѣлица, колъ и тѣ же кіи, которымъ должны были забивать на смерть осужденнаго всѣ казаки, принимавшіе участіе въ судебной сходкѣ.

Преступность на Запорожьѣ, повидимому, была незначительна. Преступленій противъ собственности было очень мало; конечно, было гораздо больше преступле-

ній противъ личности, но они въ значительной степени улаживались самими куренями. Много было преступленій политическихъ, вытекавшихъ изъ международныхъ отношеній: нарушеніе границъ заѣздами и грабежами, особенно такъ—называемое гайдамачество въ польской Украинѣ. Но правовое сознаніе Запорожья смотрѣло на эти преступленія сквозь пальцы, хотя иногда правосудію приходилось и строго взыскивать за нихъ, если вмѣшивались сосѣднія правительства со своими требованіями.

Запорожье не знало частной земельной собственности. Всякій могъ пользоваться землей, какъ хотѣлъ. Лишь рыболовныя угодья подлежали извѣстнымъ ограниченіямъ: они дѣлились между куренями и эксплоатировались общими силами отдѣльныхъ куреней. Однако въ сельскомъ хозяйствѣ уже можно наблюдать зарожденіе частной земельной собственности. Если богатый запорожецъ устраивалъ зимовникъ, гдѣ онъ сѣялъ хлѣбъ, гдѣ онъ содержалъ огромныя стада скота, то такой зимовникъ несомнѣнно представлялъ собою недвижимое имущество, которому необходимо было дать правовую охрану.

Запорожье представляло собой военную общину, какъ бы постоянный военный лагерь. У членовъ этой общины, благодаря условіямъ жизни, выработался низкій уровень матеріальныхъ потребностей и презрѣніе къ сбереженію и накопленію. Но, несмотря на это, на Запорожьѣ была развита торговля. Однако это не была внутренняя торговля, которая была ничтожна, а торговля внѣшняя. Захвативъ часть Днѣпра, запорожцы втягивались въ торговое движеніе между Турціей и великорусскимъ сѣверомъ. Суда съ южными то-

варами поднимались въ Сѣчь и здѣсь забирали товары сѣверно и южнорусскіе, а также запорожскую рыбу и икру. Кромѣ того, запорожцы были посредниками въ торговлѣ солью—между Крымомъ, съ одной стороны, и Украиной, съ другой. Наконецъ они развозили по ярмаркамъ польской и русской Украины все то, чѣмъ было богато Запорожье: рыбу, скотъ, особенно лошадей, овечью шерсть и смушки, закупая водку, хлѣбъ и съѣстные припасы, рыболовныя сѣти, полотна и сукна.

Такимъ образомъ въ рукахъ запорожцевъ оставалось много цѣнностей, денежныхъ и иныхъ. Но тѣмъ не менѣе жизнь была проста не только въ куреняхъ, но и въ зимовникахъ. Единственный видъ роскоши, который позволялъ себѣ богатый запорожецъ, было хорошее, дорогое оружіе. Много уходило на тѣ гомерическіе кутежи, преданіе о которыхъ сохранилъ Гоголь въ своемъ „Тарасѣ Бульбѣ“: пилъ и угощался весь міръ, встрѣчные и поперечные, пока не исчезалъ послѣдній грошъ.

А затѣмъ всѣ накопленія шли на религіозныя надобности.

Имѣлъ большія средства и войсковой скарбъ—отъ шинковъ, отъ мостовъ и перевозовъ, конвоированія торговыхъ людей, отъ подымнаго съ посполитыхъ, отъ части изъ промысловой добычи; продолжало итти и царское жалованье—деньгами, порохомъ и свинцомъ, мукой и крупой.

Расходы Запорожья связаны были главнымъ образомъ съ обороной. Главной задачей запорожской жизни была и теперь защита отъ степи, гдѣ кочевали ногайскія орды, поддерживаемыя крымцами, находившими, въ свою очередь, поддержку въ Турціи. Защищая себя, Запорожье защищало и Украину.

Но въ теченіи 18-го вѣка внѣшнія политическія отношенія сильно измѣнились.

Рядъ турецкихъ войнъ обнаружилъ превосходство силъ русскаго государства надъ Турціей. Вліяніе на Крымъ постепенно перешло къ Россіи. Запорожье теряло свое старое сторожевое значеніе. А между тѣмъ русское государство требовало новыхъ и новыхъ земель для все растущаго населенія.

Съ самаго возникновеніе Новой Сѣчи начались со стороны русскаго правительства захваты запорожской территоріи — подъ поселенія, подъ укрѣпленія. Съ начала пятидесятыхъ годовъ дѣло приняло угрожающій характеръ. На запорожскихъ земляхъ появились сербскіе выходцы съ такъ называемой Военной границы. Русское правительство приняло ихъ въ свое подданство и рѣшило образовать изъ нихъ линію военныхъ поселеній. Одни расположились на сѣверозападной, польской, границѣ Запорожья съ центромъ въ теперешнемъ Елизаветградѣ — такъ называемая Ново-Сербія; другіе — между р. С. Донцемъ, Бахмутомъ и Луганскомъ, такъ называемая Славяно-Сербія. Въ то же время поселенные со стороны Малороссіи ландмилицейскіе полки начали доходить своими захватами до р. Самары. Обхваченное со всѣхъ сторонъ, Запорожье почувствовало, что оно „убрано въ мѣшокъ“, который остается лишь завязать.

Запорожцы слали въ Петербургъ депутаціи съ безконечными просьбами и жалобами—ничто не помогало. Наступленіе шло дальше и дальше по всѣмъ пунктамъ. Запорожцы постановили въ отчаяніи на общей войсковой радѣ 1763 г. силою не допускать дальнѣйшихъ захватовъ. Это было сочтено за бунтъ. Тотчасъ же было

учреждена Новороссійская губернія, которая захватывала всѣ новыя поселенія по обѣ стороны Днѣпра: такимъ образомъ отхваченныя земли вошли въ составъ Русскаго государства. На одинъ моментъ оживились было надежды запорожцевъ, когда въ 1774 г. новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Потемкинъ. Запорожцы считали его своимъ — онъ былъ записанъ въ одинъ курень какъ его братчикъ: баловство, которымъ забавлялись русскіе вельможи. Но Потемкинъ-то именно и нанесъ Запорожью послѣдній ударъ, который, впрочемъ, и помимо него былъ неизбѣженъ.

Въ 1775 г. былъ данъ Потемкину высочайшій указъ занять Сѣчь и Запорожье по-возможности безъ кровопролитія. Дѣло это было поручено сербу Текелію. Корпусъ Текелія разомъ вступилъ съ пяти сторонъ на запорожскую территорію, а самъ Текелій съ отрядомъ 5 іюля 1775 г. занялъ Сѣчь. Все было сдѣлано такъ неожиданно и быстро, что дѣйствительно обошлось безъ кровопролитія. Сѣчь была уничтожена, кошевой Калнишевскій съ войсковыми писаремъ и судьей отправлены въ Петербургъ, имущество конфисковано. Запорожцамъ было предложено разойтись и селиться, гдѣ угодно, въ качествѣ людей свободнаго сословія. Но запорожцы, обманувъ начальство своимъ смиреннымъ видомъ, сѣли въ одну ночь на заранѣе подготовленные челны и уплыли въ турецкіе предѣлы.

Русскіе вельможи подѣлили между собой крупное земельное наслѣдство, оставленное Запорожьемъ.

IV.

Была еще одна причина, ускорившая паденіе Запорожья: это его вмѣшательство въ волненія южно-

русскаго народа правобережной, польской, Украины—роль, которую оно играло въ такъ—называемомъ гайдамачествѣ.

Въ началѣ 18-го вѣка правобережная Украина окончательно вошла въ составъ Польскаго государства. Въ запустѣвшемъ краѣ наново началась польская колонизація. Потомки шляхты, владѣвшей землями на Украинѣ, шли теперь туда, чтобы возстановить свои утраченныя права. Нелегко было разыскивать свои вотчины тамъ, гдѣ иногда не оставалось даже и слѣда существовавшей осѣдлости—уже не говоря о документахъ. Но разъ владѣлецъ какъ-нибудь возстановлялъ свои права, онъ пріобрѣталъ въ населеніи—если только онъ заставалъ на землѣ населеніе—подданныхъ, находящихся въ его неограниченной власти. Иныхъ отношеній не знало польское право, и скудное населеніе должно было ему подчиниться съ безсильною злобой. Главное огорченіе шляхты заключалось въ томъ, что населеніе было слишкомъ скудно - надо было во что бы то ни стало добывать живой инвентарь. Началось зазываніе на „слободы", причемъ сроки свободы отъ всякихъ обязательствъ предлагались отъ 15 до 30 лѣтъ къ югу, въ Кіевщинѣ—еще дольше. Шла ожесточенная погоня за людьми для поселенія; существовали спеціалисты, промышлявшіе заманиваніемъ и переманиваніемъ хлопа, устраивались охоты и облавы на перекочевывающее населеніе.

Какъ ни какъ, а Украина заселялась, и истекали льготные сроки: подданный поступалъ въ полное распоряженіе пана. Лишь страхъ передъ тѣмъ, что хлопъ сбѣжитъ за границу, въ запорожскую или татарскую степь, клалъ предѣлы обремененія. Чѣмъ дальше отъ

границы, тѣмъ положеніе подданныхъ становилось тяжелѣе, достигая на Волыни крайнихъ предѣловъ физически выносимаго. Еврей по-прежнему занялъ свое мѣсто между паномъ и хлопомъ въ качествѣ выжимателя доходовъ. Положеніе ухудшалось тѣмъ, что теперь на Украинѣ уже совсѣмъ не было православнаго русскаго дворянства: южно-русскій языкъ сдѣлался „хлопскимъ языкомъ", православіе „хлопскою вѣрою". Такимъ образомъ украинскій народъ былъ безпросвѣтно и безъисходно погруженъ на дно соціальной пропасти.

Польская Украина представляла собой теперь нѣсколько огромныхъ магнатскихъ владѣній, среди которыхъ были разсѣяны земли простой шляхты. Масса шляхтичей жила, кромѣ того, на земляхъ магнатовъ, составляя ихъ политическую силу. Украинскіе магнаты чувствовали и держали себя, какъ владѣтельные князья. Каждый изъ нихъ имѣлъ даже собственное войско— пѣхоту и конницу. Конница набиралась изъ мѣстнаго украинскаго населенія. Эти надворные казацкіе отряды были крайне необходимы панамъ, такъ какъ никто не могъ замѣнить ихъ въ умѣньи догонять и разыскивать въ полѣ непріятеля—будь-то татаринъ или свой братъ вольный добычникъ. Паны старались возможно лучше обставить надворныхъ казаковъ, чтобъ обезпечить ихъ вѣрность. И это удавалось—до поры, до времени, пока взрывъ народнаго возбужденія не захватывалъ и ихъ съ стихійной силой. Такіе взрывы повторились въ теченіи 18-го вѣка два раза: въ 1730 г. и въ 1768 году.

Но эти взрывы были лишь обостреніемъ того хроническаго явленія, которое въ теченіе всего столѣтія держало край подъ своимъ гнетомъ.

Какъ только наступала весна, по украинской территоріи разсѣевались гайдамаки и при содѣйствіи—конечно, тайномъ—хлоповъ захватывали шляхетскія и еврейскія усадьбы, католическія святыни, грабя и убивая. Каждое изъ болѣе крупныхъ предпріятій этого рода имѣло во главѣ опытнаго ватажка, большею частью изъ запорожцевъ.

Не будь подъ бокомъ Запорожья, гайдамачество не могло бы принять такихъ размѣровъ. Но это не значитъ, чтобъ имъ руководили запорожскія власти, въ чемъ постоянно поляки увѣряли русское правительство. Наоборотъ: войсковыя власти, имѣя извѣстное политическое пониманіе, изо всѣхъ силъ мѣшали организовать гайдамацкія купы въ предѣлахъ Запорожья. Но они не могли справиться съ инстинктами рядового товариства, которые неудержимо влекли вмѣшиваться въ дѣло, представлявшееся и справедливымъ и завлекательнымъ.

На общемъ фонѣ гайдамачества выдѣляются отдѣльные моменты, когда движеніе принимало характеръ народнаго возстанія—всегда при какихъ-нибудь политическихъ осложненіяхъ и непремѣнно съ вѣрой въ сочувствіе и помощь Россіи.

Въ 1734 г. русскія войска вступили въ польскую Украину для поддержки короля Августа III противъ Станислава Лещинскаго. Среди мѣстнаго населенія тотчасъ разнеслось: „дана воля грабить жидовъ и убивать ляховъ“. Разомъ поднялись всѣ три украинскихъ воеводства. Начались обычныя сцены, впрочемъ не сопровождаемыя излишней жестокостью. Русскія войска сами принялись усмирять возстаніе. За усмиреніемъ слѣдовала расправа съ мятежниками; но шляхта сдер-

живала себя изъ страха лишиться живого инвентаря, на недавнее пріобрѣтеніе котораго было положено столько усилій.

Иной характеръ имѣло волненіе 1768 г., или коліивщина.

Русскія войска снова были на Украинѣ, помогая королю Станиславу Понятовскому противъ возставшей шляхты, соединившейся въ такъ—называемую Барскую конфедерацію. Опять разнесся слухъ, что царица Екатерина прислала золотую грамоту: она хочетъ освободить украинскихъ хлоповъ и велитъ рѣзать поляковъ и евреевъ. Возстаніе успѣло захватить лишь часть воеводствъ Кіевскаго и Брацлавскаго, не тронувъ ни Подолья ни Волыни; но вспыхнуло оно съ страшной силой. Ничтожный гайдамацкій отрядъ съ запорожскимъ ватажкомъ Желѣзнякомъ въ самое короткое время выросъ въ двадцати-тысячное войско, не считая другихъ мелкихъ загоновъ. Многіе изъ шляхты и евреевъ, не успѣвшихъ убѣжать, скрылись въ Умани, торговомъ и укрѣпленномъ городѣ гр. Потоцкихъ. Защита Умани лежала на надворныхъ казакахъ съ энергичнымъ сотникомъ Гонтой во главѣ. Переходъ Гонты на сторону мятежниковъ рѣшилъ судьбу Умани. Произошла ужасная Уманская рѣзня, подробно и много разъ описанная и въ прозѣ и въ стихахъ. Возстаніе было опять усмирено русскими войсками. Жестокости наказаній, какія производили надъ усмиренными представители польскаго правительства, особенно Стемпковскій въ Коднѣ, превосходили своими ужасами саму Уманскую рѣзню.

Паденіе Запорожья лишило гайдамачество главной поддержки и питанія.

Любопытно, что народныя движенія, подобныя гайдамачеству, наблюдаются и въ Галицкой Руси, на такъ-называемомъ Покутьѣ, населенномъ украинскими гор-

Уманскіе гайдамаки въ 1768 г.

цами, или гуцулами. Здѣсь гайдамаки назывались опришками. Среди Галицкой Руси, задавленной съ 15-го вѣка, только среди гуцуловъ сохранились остатки

свободы и духъ независимости и протеста. Опришки здѣсь пользовались такимъ уваженіемъ, что каждый гуцулъ считалъ своей обязанностью побывать въ ихъ отрядахъ, хотя бы самое короткое время. Польша никакъ не могла справиться съ этимъ явленіемъ. Только раздѣлъ ея, присоединившій Галицію къ Австріи, (1772 г.) положилъ ему конецъ.

Остатки казачества и украинское возрожденіе.

I.

Казачество—самое характерное явленіе южно-русской исторіи. Въ немъ отразились и положительныя и отрицательныя стороны украинской народности; съ нимъ связанъ расцвѣтъ ея политической жизни; имъ по-преимуществу питалось поэтическое творчество украинскаго народа. Естественно, что общественная жизнь Украины, предоставленная себѣ, снова и снова складывалась въ казацкія организаціи. Разогнанные запорожцы осѣли въ видѣ казаковъ черноморскихъ, или кубанскихъ, задунайскихъ, азовскихъ. Массовыя переселенія изъ Украины, тянувшіяся весь 17-й вѣкъ, въ предѣлы Московскаго государства, въ такъ-называемую Слободскую Украину, дали существованіе казачеству Слободскому.

Слободская Украина занимала собой Харьковскую губ. и части губерній Курской и Воронежской. Украинская колонизація уже застала здѣсь сторожи и ста-

ницы, раскинутыя московскимъ правительствомъ по этой степной окраинѣ, чтобъ помѣшать крымскимъ татарамъ пробираться внутрь государства.

Хотя попытки переселеній начались раньше, но только эпоха Хмельнищины и руины заселила этотъ пустынный край „черкасами“—такъ называли великоруссы южнорусскихъ выходцевъ. Каждое новое тяжелое потрясеніе въ польской Украинѣ давало свое отложеніе здѣсь, на пустынномъ привольѣ Украины Слободской. Прежде всего возникъ г. Острогожскъ, центръ перваго Слободскаго полка; затѣмъ г. Сумы—средоточіе новаго полка. Дальше гг. Харьковъ и Ахтырка—центральные пункты еще двухъ полковъ. Позже заселилась южная часть Слободской Украины и появился ея пятый полкъ—Изюмскій. Итакъ, запустѣвшая правобережная Украина, во вторую половину 17-го в., дала существованіе цѣлому краю, выросшему въ „дикомъ полѣ“. На Слободское приволье шли и изъ лѣвобережной Украины, по мѣрѣ того, какъ ухудшалась здѣсь жизнь народной массы. Среди черкаскаго населенія было вкраплено кое-гдѣ населеніе великорусское, изъ служилыхъ людей.

Украинцы приносили на новую родину и свой собственный жизненный укладъ. Московское правительство не мѣшало имъ устраиваться по ихъ „черкаскимъ неотъемлемымъ отъ нихъ обыклымъ вольностямъ“. Они пользовались полнымъ самоуправленіемъ: воеводы московскіе лишь руководили постройкою городовыхъ укрѣпленій. Государству былъ слишкомъ цѣненъ такой оплотъ отъ татарскаго хищничества, какъ сплошное черкаское населеніе.

Край былъ богатъ всѣмъ, что цѣнилъ украинецъ—

тучнымъ черноземомъ, лѣсомъ, водой. Хозяйственная заботливость московскаго правительства облегчала защиту отъ татаръ. Кромѣ льготъ правовыхъ, черкасамъ предоставлялись самыя широкія льготы экономическія. Они могли „заимки занимать“, „промышлять всякими промыслами и товары торговать безпошлинно и вино курить и шинковать безоброчно“.

Такимъ образомъ черкасамъ недурно жилось на ихъ новой родинѣ. Когда въ сосѣднихъ областяхъ, въ Гетманщинѣ и на Дону, начинались смуты, онѣ не заражали собой Слободской Украины. Но такое положеніе не могло быть продолжительнымъ.

Явился Петръ со своимъ безпощаднымъ строительствомъ, и на Слободскую Украину посыпался рядъ крутыхъ мѣръ. Для каждаго полка было установлено опредѣленное число выборныхъ (реестровыхъ) казаковъ—всего 3.500; ограничены выборы полковниковъ и прочей старшины; уголовныя дѣла переданы въ вѣдѣніе общихъ правительственныхъ учрежденій. Со времени Петра исторія Украины Слободской идетъ рука объ руку съ исторіей Украины лѣвобережной—къ одному общему исходу.

Царствованіе Анны Іоанновны принесло съ собой—кромѣ тяжелыхъ войнъ и работъ на Украинской линіи—еще такъ-называемую реформу кн. Шаховскаго.

Реформа эта окончательно сломила старый казацкій строй. Выборные казаки всѣхъ пяти полковъ теперь вошли въ одинъ драгунскій полкъ, подъ управленіемъ русскихъ офицеровъ. Все же остальное казацкое населеніе раздавалось, вмѣсто жалованья, русскимъ офицерамъ и казацкой старшинѣ, у которыхъ оно должно было состоять въ подданствѣ и „всякія работы по при-

мѣру крестьянъ несть": иначе говоря, нежданно попадало въ крѣпостную зависимость. Надъ населеніемъ стояли канцеляріи, которыя должны были дѣйствовать по Уложенію и указамъ, а не по „черкаскимъ обыклостямъ". Уничтожено было и старинное право черкасъ на вольную заимку земель и угодій.

Недовольство слобожанъ было общее и крайнее. Населеніе кидало насиженныя мѣста и бѣжало на Донъ или куда глаза глядятъ. Вслѣдъ ему летѣли строгіе указы о сыскѣ и возвращеніи. На почвѣ недовольства возникли дѣла о государственныхъ преступленіяхъ.

Императрица Елизавета распространила и на Слободскую Украину то расположеніе, которое она проявляла къ Малороссіи. Она уничтожила нововведенія; но кое-чего уже нельзя было вернуть. Произведенная ломка ускорила тотъ соціальный процессъ, который происходилъ здѣсь, какъ и въ Украинѣ лѣвобережной: общество дѣлилось на привилегированныхъ и не-привилегированныхъ, и послѣдніе обращались въ крѣпостную зависимость. Все это здѣсь происходило быстрѣе, легче, незамѣтнѣе, чѣмъ въ Гетманщинѣ вслѣдствіи болѣе тѣсной связи съ государствомъ и близости съ населеніемъ великорусскимъ. Къ тому времени, какъ выступила со своими реформами Екатерина, почва уже оказалась вполнѣ подготовленной.

Екатерина принялась за Слободскую Украину тотчасъ по своемъ вступленіи на престолъ. Уже въ 1765 г. на свѣтъ явилась Слободско-Украинская губернія съ пятью провинціями, образованными изъ полковъ, съ гор. Харьковомъ во главѣ. Вводились общерусскія государственныя учрежденія. Выборные казаки обращались въ регулярное войско—гусары, а остальное насе-

леніе, подъ именемъ войсковыхъ казенныхъ обывателей, въ податное сословіе.—Оставлены были маленькія льготы, въ видѣ права винокуренія, словеснаго суда по старымъ обычаямъ въ мелкихъ тяжебныхъ дѣлахъ, раскладка податей не по душамъ, а по имуществу.

Какъ ни мягко проводились новые порядки, но недовольство чувствовалось всюду, среди всѣхъ слоевъ населенія. Дѣло изюмскаго полковника Краснокутскаго доказываетъ, что старшина проявляла и сознательный протестъ. Краснокутскій разсылалъ письма, въ которыхъ убѣждалъ старшину „пріять доброcть и смѣлость“, чтобы хлопотать объ удержаніи старыхъ порядковъ; если же она не приметъ никакихъ мѣръ, то „пущай Богъ взыщетъ слезы бѣднаго народа: старшиновать умѣли, а при худомъ случаѣ и перстомъ двинуть не хотятъ“. Письма эти обращались по Слободской Украинѣ, читались, переписывались, толковались, пока не дошли до правительства и не получили такого офиціальнаго опредѣленія: „письма разгласительныя и вымышленныя къ народному возмущенію“, т. е. на современномъ языкѣ - прокламаціи. Краснокутскій, во вниманіе къ старости, былъ лишь сосланъ въ Казань; другія лица, обличенныя въ распространеніи писемъ, публично наказаны плетьми и палками.

Итакъ, Слободское казачество перестало существовать еще раньше запорожскаго и лѣвобережнаго.

Послѣ уничтоженія Сѣчи часть запорожцевъ, какъ уже было сказано выше, бѣжала въ Турцію; остальные—разсѣялись. Но отсутствіе Сѣчи давало себя чувствовать, такъ какъ граница все-таки нуждалась въ защитѣ. И вотъ правительство снова начинаетъ скликать казацкое войско, хотя, конечно, уже лишенное

политическихъ правъ. Разсѣявшіеся по Украинѣ запорожцы охотно откликнулись на зовъ своихъ бывшихъ старшинъ—Бѣлаго, Головатаго, Чепѣги, которымъ поручилъ это дѣло Потемкинъ. Съ 1787 г. появляются на свѣтъ „черноморскіе казаки". Имъ обѣщана была только что отвоеванная отъ турокъ Очаковская область съ прекрасными рыбными ловлями по лиманамъ Днѣстра и Буга, съ озеромъ Тилигуломъ и островомъ Березанью, и они уже начали было здѣсь устраиваться. Но правительство передумало. Оно отвело черноморцамъ, къ ихъ большому огорченію, Таманскій полуостровъ съ его окрестностями, т. е. Прикубанскимъ краемъ. Только-что завоеванныя дикія, отдаленныя и пустынныя мѣста, съ нездоровымъ климатомъ и опаснымъ сосѣдствомъ, представлялись крайне непривлекательными,—но дѣлать было нечего. Въ 1792—4 гг. черноморцы переселились. Мѣстность оказалась удобной съ обычной казацкой точки зрѣнія: были и рыболовныя угодья, и соляные промыслы, и лѣса, и степи. Тѣмъ не менѣе переселенцамъ пришлось сильно бѣдствовать первое время. Однако скоро справились и начали устраиваться, тѣмъ болѣе, что правительство сначала не хотѣло накладывать свою властную руку: оно слишкомъ дорожило кубанцами, какъ пограничной стражей отъ закубанскихъ горцевъ.

Первое время кубанскіе казаки, какъ и запорожцы, дѣлились на сорокъ куреней, которые пользовались широкимъ самоуправленіемъ и выбирали куренныхъ атамановъ. Войсковой кошъ былъ въ г. Екатеринодарѣ. Но семейные казаки жили въ „куренныхъ селеніяхъ", „гдѣ какому куреню по жребію принадлежать будетъ".

Во главѣ войска стояли выборныя власти—кошевой, судья, писарь.

Почти до половины 19-го в. кубанское казачество жило и управлялось обычаемъ, по крайней мѣрѣ внутри куреннаго товарищества. Но простота запорожскаго строя здѣсь держалась все-таки недолго. Старшина стала добиваться дворянства. Однако крѣпостное право здѣсь развивалось туго, благодаря крайней нуждѣ въ людяхъ,—и сюда бѣжали малорусскіе „крѣпаки", несмотря на всѣ запретительные указы. Мѣшая бѣгству крѣпостныхъ, правительство покровительствовало переселеніямъ на Кубань малорусскихъ и слободскихъ казаковъ: слабыя численностью силы кубанцевъ истощались въ постоянныхъ стычкахъ съ горцами, въ военныхъ походахъ, особенно во время турецкихъ войнъ.

Вся короткая [1]) исторія Кубанскаго войска есть исторія ограниченій казацкаго самоуправленія со стороны правительства. Ограниченія начались съ царствованія Павла, послѣ того какъ въ войскѣ былъ мятежъ. Выборное управленіе было уничтожено, и войско было раздѣлено на 20 полковъ. Императоръ Александръ I отмѣнилъ нѣкоторыя ограниченія, но принципъ зависимости войска отъ администраціи остался. Однако ни мѣры Павла ни Александра не коснулись той основной общественной клѣточки казацкой жизни, какую представлялъ собой курень. Только Николай I опредѣленно выдвинулъ положеніе: „для блага имперіи, сохраняющей цѣлость и могущественное величіе свое подъ благотворной сѣнью самодержавія, не должны быть терпимы

---

[1]) Отъ 1792 г. по 1842—годъ изданія Положенія о Черноморскомъ войскѣ.

въ оной отдѣльныя самостоятельныя части, или федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ". Положеніемъ 1842 г., вмѣстѣ съ введеніемъ общерусскихъ учрежденій, и курень былъ преобразованъ въ станицу, которая отличалась отъ волости лишь своимъ всесословнымъ характеромъ.

Пятьдесятъ лѣтъ существовалъ и другой отпрыскъ стараго Запорожья—Сѣчь Задунайская. Запорожцы, уплывшіе изъ разореннаго Запорожья на челнахъ въ Турцію, не сразу осѣли здѣсь. Они было пытались устроиться въ Австріи, гдѣ правительство предложило имъ для поселенія Военную Границу. Но запорожцы не могли приспособиться къ австрійскому режиму, и скоро мы ихъ видимъ снова въ Турціи, на Дунаѣ, между Силистріей и Гирсовой. Однако запорожцы не могли усидѣть и здѣсь: ихъ влекло къ дунайской дельтѣ, уже прежде занятой великорусскими раскольниками, такъ-называемыми некрасовцами, или липованами. Пользуясь индифферентизмомъ турецкаго правительства, запорожцы рѣшили силою вытѣснить некрасовцевъ. Въ 1812—15 гг. началась между этими представителями двухъ русскихъ народностей настоящая война, со всѣми ужасами взаимнаго истребленія. Запорожцы взяли верхъ и вытѣснили своихъ противниковъ, которые выселились въ Малую Азію.

Казаки устроили свою Сѣчь на р. Дунавцѣ, соединявшемъ Георгіевское гирло съ Разинымъ лиманомъ, въ мѣстности, удобной и для промысловъ и для сельскаго хозяйства.

Задунайская Сѣчь воспроизводила собой, и внѣш-

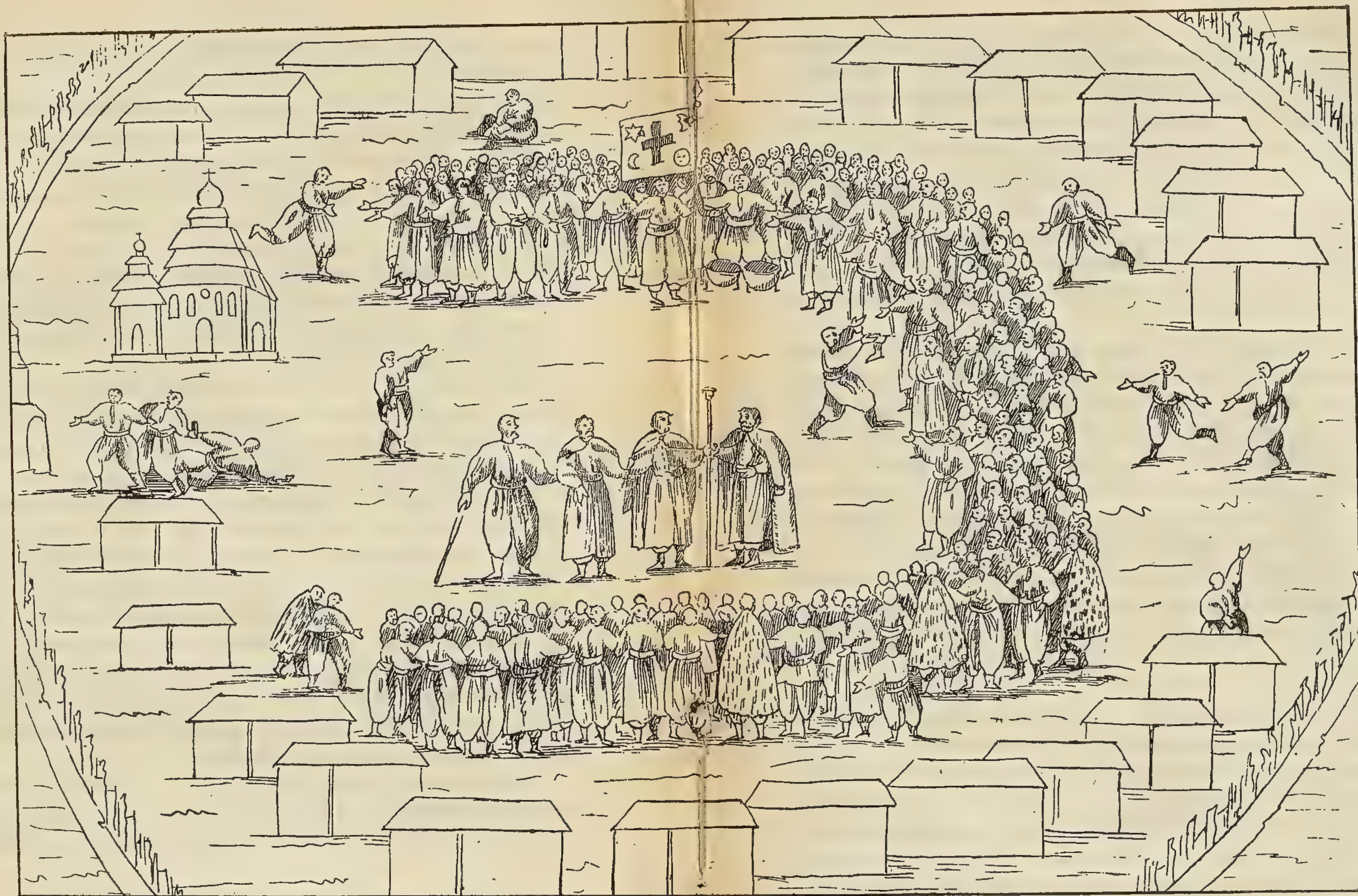
нимъ обликомъ и внутреннимъ строемъ, Сѣчь Запорожскую.

Турецкое правительство, по своему обыкновенію, ни во что не вмѣшивалось, не требовало отъ казаковъ никакихъ податей и даже выдавало имъ жалованье хлѣбомъ и деньгами. Конечно, казаки обязывались итти на войну по требованію правительства. Рыболовство и охота за дичью, которою изобиловала дельта, были главными занятіями казаковъ. Земли, годной къ обработкѣ, было также вволю; но земледѣліемъ занимались не казаки, а по преимуществу „райя“, такъ сказать подданные Сѣчи.

На Задунайскую Сѣчь во множествѣ и постоянно бѣжали украинцы съ правобережья и лѣвобережья, тѣснимые крѣпостнымъ правомъ. Вообще, Задунайская Сѣчь была очень удобнымъ пріютомъ для бѣглаго и бродячаго люда, не уживавшагося подъ государственнымъ режимомъ сосѣднихъ странъ. Но въ такомъ пестромъ обществѣ трудно было поддерживать порядокъ; хожденіе „на добичъ“, т. е. грабежъ, дѣлало Задунайскую Сѣчь очень тягостной ея сосѣдямъ. Вообще, какъ ни похожа была Задунайская Сѣчь внѣшнимъ образомъ на Запорожскую, но въ ней ясно выражался упадокъ какъ казацкой организаціи, такъ и военнаго духа. Въ концѣ концовъ русскихъ бѣглецовъ неудержимо тянуло назадъ, на родину.

Выразителемъ этого стремленія къ возврату явился кошевой Гладкій, которому и удалось повернуть руль маленькаго общества, имъ управляемаго, къ русскому руслу.

Въ 1825 г. началась война между Россіей и Турціей. Задунайскіе казаки должны были присоединиться

Запорожская Сѣчь. Избраніе Кошевого Атамана. Съ рисунка Ригельмана.

10

къ турецкому войску. Но Гладкій отправилъ къ туркамъ лишь отрядъ, который состоялъ изъ противниковъ его планамъ, а самъ со своими сторонниками присоединился къ русской арміи. Послѣ этой измѣны Задунайская Сѣчь была совершенно уничтожена турками.

Казаки, выведенные Гладкимъ, стремились присоединиться къ кубанцамъ. Но Гладкій, по личнымъ соображеніямъ, далъ дѣлу такой оборотъ, что казаки были поселены по берегу Азовскаго моря, между г.г. Маріуполемъ и Бердянскомъ, подъ названіемъ казаковъ азовскихъ.

Поселенные внутри края, азовцы уже не могли жить по казацки—что возможно было лишь на угрожаемомъ пограничьѣ—и скоро обратились въ простыхъ сельскихъ обывателей, отбывающихъ свою службу государству крейсерствомъ вдоль восточныхъ береговъ Чернаго моря. Въ началѣ 60-хъ годовъ часть ихъ была переселена за Кубань, между Анапой и Сухумъ-Кале, а остальные обращены въ крестьянъ.

Такъ разошлись въ общей массѣ населенія Россійской имперіи остатки оригинальнаго запорожскаго товариства и слободское казачество.

Еще нѣсколько словъ о послѣднихъ судьбахъ малороссійскаго, или лѣвобережнаго, казачества.

Въ результатѣ екатерининскихъ реформъ казачество обратилось въ сословіе казенныхъ поселянъ, составляя гудо сихъ поръ особую группу среди сельскаго люда губерній полтавской и черниговской. Группа это сохраняетъ слѣды своего прошлаго въ большей зажиточности и культурности. Но, надо сказать, что и послѣ ре-

формъ Екатерины казаки еще проявляли кое въ чемъ нѣкоторые признаки своей сословной жизненности.

Въ памятномъ 1812 г. малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Лобановъ-Ростовскій обратился къ бывшему казачеству управляемой территоріи съ предложеніемъ организовать военную силу, обѣщая выхлопотать новое устройство, „близко похожее съ древнимъ состояніемъ малороссійскихъ воиновъ“. Обѣщаніе это вызвало неожиданные результаты. Огромнымъ напряженіемъ энергіи мѣстное казацкое населеніе быстро сформировало 15 конныхъ полковъ. Жертва оказалась напрасной, такъ какъ полки эти даже и не попали на театръ военныхъ дѣйствій. Казачество осталось на старомъ положеніи военныхъ поселянъ.

Въ 1830 г.—когда возстали поляки—имп. Николай сдѣлалъ запросъ мѣстному генералъ-губернатору кн. Репнину—не обнаружитъ ли и теперь казачество готовности поддержать государство? Репнинъ былъ горячій сторонникъ идеи возстановленія казачества.

Онъ представилъ проектъ „О возвращеніи малороссійскихъ казаковъ къ первобытному ихъ воинственному состоянію“ и сформировалъ восемь конныхъ полковъ. Но польское возстаніе было усмирено, и казачество съ 1834 г. подчинено общегражданскому управленію. Проектомъ своимъ и вообще заботами объ интересахъ мѣстнаго населенія кн. Репнинъ навлекъ на себя подозрѣніе въ сепаратизмѣ; немилость была распространена и на казаковъ. Когда казаки вернулись изъ польскаго похода, два полка ихъ было отправлено для поселенія на Кавказъ, но не на Кубань, а на Терекъ—подъ предлогомъ войны съ черкесами. Затѣмъ приказано было набрать въ казенныхъ селахъ полтавской и чер-

ниговской губ. пятьсотъ дѣвушекъ и отправить ихъ по этапу, чтобъ дать семьи переселенцамъ. Этотъ „дивичій наборъ“ происходилъ въ 1832—34 гг.

Любопытны тѣ слѣды, какіе оставило казачество въ Украинѣ правобережной. Когда территорія окончательно перешла подъ власть Польши, къ началу 18-го вѣка, казачество перестало существовать, такъ какъ оно было несовмѣстимо съ польскимъ правомъ. Но украинскій панъ имѣлъ исторически воспитавшееся пристрастіе къ казакованью и казачеству. Паны продолжали устраивать при своихъ дворахъ казацкія милиціи, хотя эти милиціи имѣли видъ простой дворовой челяди: казакъ выродился въ „казачка“. Но рядомъ имѣли мѣсто такія явленія.

Русско-польская Украина,-губерніи Кіевская, Подольская и Волынская,—по второму раздѣлу отошла къ Россіи. Шляхетство, такъ избалованное политической свободой, очутилось подъ давленіемъ самодержавнаго монархизма.

Положимъ, первое время давленіе не было особенно сильнымъ; но за то память о блестящемъ прошломъ была слишкомъ свѣжа. Украинская шляхта, какъ и вся польская, не могла не мечтать объ этомъ прошломъ. Но самая необузданная фантазія должна была смириться, видя съ одной стороны, Русское государство съ его военною силой, съ другой—массу украинскаго населенія, которое относилось къ шляхтѣ и ея идеаламъ съ открытой враждебностью. Оставалась надежда на какую-нибудь счастливую политическую комбинацію, и такая надежда мелькнула въ образѣ Наполеона.

Когда Наполеонъ въ 1812 г. вступилъ въ предѣлы Россіи, къ нему летѣли изо всей Польши, а также и изъ польской Украины, не только горячія пожеланія удачи, но и всяческое содѣйствіе. Когда наступило разочарованіе, началось исканіе выхода на иныхъ путяхъ. Вотъ тогда-то выступило на сцену казачество.

Горячія души создали себѣ фантастическій образъ украинскаго казака, преданнаго Польшѣ. Этотъ казакъ долженъ былъ представлять собой не только боевую силу, но и связующее звено между польскимъ шляхтичемъ и украинскимъ хлопомъ. Мечтателямъ казалось яснымъ, что хлопъ долженъ пойти за казакомъ всюду, куда повлекутъ того его польскія симпатіи. Этимъ выдуманнымъ казакофильствомъ увлекалась и увлекала другихъ такъ-называемая украинская школа польскихъ поэтовъ, которая дала польской литературѣ нѣсколько даровитыхъ представителей. Увлекались казакофильствомъ и политическіе дѣятели, особенно среди многочисленныхъ польскихъ эмигрантовъ, оторванныхъ отъ родной почвы. Садыкъ-паша (Михаилъ Чайковскій) кликалъ изъ Турціи кличъ, на который сползался сбродъ разныхъ національностей, предназначенный къ сформированію якобы казачьихъ полковъ. Пылкія и благородныя сердца, какъ напр. геніальный Мицкевичъ, увлекаемыя страстной любовью къ страдающей родинѣ, готовы были видѣть въ этой игрѣ—возрожденіе казачества, казачества польскаго, которое должно было бороться за политическую самостоятельность Польши. Но фантасмагоріи разлетались, а на мѣстѣ ихъ оставалась жестокая дѣйствительность.

Польское возстаніе 1830—31 гг. отозвалось и на Украинѣ. Шляхта всюду складывалась въ отряды по-

встанцевъ. Народная масса не шевелилась, но только потому, что правительство не желало обратиться къ народу: иначе паны еще разъ были бы истреблены своими крѣпостными. Послѣ подавленія возстанія введены были инвентарныя правила, которыми опредѣлялись отношенія владѣльцевъ къ крѣпостнымъ и устанавливались предѣлы эксплоатаціи крестьянскаго труда. Введеніе инвентарей еще болѣе привязало украинскую массу къ Русскому государству, а освобожденіе крестьянъ закрѣпило эту связь. Когда новое польское возстаніе въ 1863 г. достигло Украины и мѣстная шляхта начала волноваться, крестьяне были убѣждены, что „паны снова хотятъ обратить народъ въ крѣпаковъ". Естественно, что они сами быстро расправились съ возставшею шляхтой. Изъ души украинскаго хлопа было совсѣмъ вытравлено сочувствіе къ пану, и ужъ, конечно, не обращеніемъ къ исторіи, къ казачеству, можно было возстановить связь взаимнаго пониманія между крестьяниномъ и паномъ, разъединенными всѣмъ, что только способно разъединять людей: національностью, соціальнымъ положеніемъ, религіей.

Ко времени послѣдняго польскаго возстанія 1863 г. казакофильства уже не было въ средѣ украинско-польскаго общества. Мѣсто его замѣнило „хлопоманство". Въ замѣнъ фантастическаго казака хлопоманы выдвигали дѣйствительнаго хлопа, требуя отъ шляхты признанія его человѣческаго достоинства. Но и хлопоманство оказалось движеніемъ безпочвеннымъ въ данныхъ жизненныхъ условіяхъ. Какъ казакофильство, такъ и хлопоманство предполагали въ своей практической разработкѣ возрожденіе украинской національности. А для польскаго шляхетства Украины украинская національ-

ность не существовала. Мѣстный шляхтичъ не могъ и представить себѣ серьезно, что языкъ его хлопа можетъ быть языкомъ литературы, науки, искусства. Не могъ представить себѣ, что украинская народность можетъ занять свое мѣсто въ ряду прочихъ правоспособныхъ культурныхъ народностей, къ каковымъ, съ справедливою гордостью, причисляла себя народность польская.

II.

И однакожъ украинская народность, погребенная въ соціальныхъ нѣдрахъ хлопской массы, сохранила свою жизнеспособность и заявила о своихъ правахъ не только на существованіе, но и на дальнѣйшее развитіе, на культуру.

Какъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ началось то, что называютъ украинскимъ возрожденіемъ?

Первые признаки возрожденія появились не на правобережьѣ и даже не на лѣвобережной Украинѣ—гдѣ естественно было бы ихъ ожидать,—а въ Украинѣ Слободской.

Къ началу 19-го в. между Малороссіей и Украиной Слободской уже не было никакой существенной разницы. Обѣ онѣ составляли провинціи Россійской имперіи съ тѣми же самыми общегосударственными учрежденіями: все это была одна крѣпостная Россія. Но подъ однообразнымъ оффиціальнымъ покровомъ укрывалась и тутъ и тамъ украинская народность, пока еще одинаково живая и жизненная. Она жила не только въ крѣпостномъ „підданствѣ“, но и въ мѣщанствѣ

городовъ, отчасти въ мѣстномъ духовенствѣ и даже въ мелкомъ дворянствѣ. Но дворянство употребляло всѣ усилія, чтобы отдѣлиться отъ своихъ крѣпостныхъ языкомъ, одеждой, обстановкой, усвоить „благородный образъ жизни".

Навстрѣчу стремленіямъ дворянства шли стремленія государства обратить Малороссію въ Россію. Къ этой цѣли были направлены учрежденія и законы; ей же служило и просвѣщеніе. Средняя и высшая школа были поставлены такъ, что онѣ могли выпускать изъ своихъ стѣнъ лишь русскихъ людей, а не украинцевъ. Однимъ словомъ, просвѣщеніе служило пока цѣлямъ „денаціонализаціи"; но и изъ того же просвѣщенія вышло и обратное теченіе.

Центральное правительство долго отклоняло стремленія южнорусскаго дворянства—имѣть собственный университетъ. Оно находило, что „полуденная Россія не нуждается въ иныхъ средоточіяхъ просвѣщенія", кромѣ Кіевской академіи и Харьковскаго коллегіума. Первый южный университетъ былъ открытъ въ Харьковѣ въ 1804 г.

Харьковскій университетъ былъ обставленъ очень скромно—и въ отношеніи денежныхъ средствъ и въ отношеніи умственныхъ силъ; но все-таки это былъ университетъ. Хорошо ли, плохо-ли—но онъ проводилъ въ сознаніе мѣстнаго общества то, что вырабатывалось въ Западной Европѣ въ наукѣ, философіи, политикѣ. Рядомъ съ французскимъ свободомысліемъ черезъ университетъ проникали идеи славянской взаимности, связанныя съ идеей возрожденія славянскихъ народностей. Къ тридцатымъ годамъ около Харьковскаго университета уже сложился кружокъ людей, которые

выступали съ сознательной мыслью работать для возрожденія украинской народности. Работа эта, конечно, могла быть лишь научная и литературная. Появляются изданія посвященныя этому дѣлу: Украинскій Альманахъ, альманахъ Утренняя Звѣзда, Украинскій Сборникъ. Въ этомъ послѣднемъ была напечатана Наталка Полтавка, знаменитое произведеніе полтавца Котляревскаго, который еще гораздо раньше написалъ свою Энеиду [1]: отъ ея появленія принято считать начало новой, возрожденной, украинской литературы. Въ сороковыхъ годахъ являются въ Харьковѣ новыя изданія съ тѣмъ же украинскимъ характеромъ: Сніпъ, Молодикъ, Южнорусскій Сборникъ. Появляются ученые, посвящающіе свою дѣятельность изученію южнорусской народности: профессора Срезневскій и Метлинскій, Вадимъ Пассекъ. Въ этой атмосферѣ усиленнаго вниманія къ мѣстной народности, начинаетъ писать по-украински даровитый Гулакъ-Артемовскій, обращается къ украинскому языку уже пожилой литераторъ Квитка Основьяненко и обогащаетъ украинскую литературу нѣсколькими выдающимися произведеніями. Въ этой же атмосферѣ подготовляется для будущей дѣятельности южнорусскій историкъ Костомаровъ, уже не говоря о многихъ иныхъ лицахъ меньшаго таланта и значенія.

Въ 1834 г. возникаетъ на южнорусской территоріи и другой просвѣтительный центръ—Кіевскій университетъ. Онъ основанъ былъ въ политическихъ видахъ: русское правительство считало его необходимымъ для противодѣйствія вліянію польской культуры на право-

---

[1]) Первое изданіе Энеиды въ 1798 г.

Памятникъ Котляревскаго въ г. Полтавѣ.

бережной Украинѣ. Конечно, его основатели меньше всего думали о возрожденіи украинской народности; но просвѣтительный центръ не могъ не откликнуться на этотъ горячій запросъ жизни. Уже первый ректоръ Кіевскаго университета Максимовичъ оказался выдающимся украинскимъ научнымъ дѣятелемъ. Онъ вложилъ свои незаурядныя силы въ изученіе исторіи, географіи, археологіи, этнографіи Украины, ея языка и словеснаго творчества. Періодическія изданія, во главѣ которыхъ онъ стоитъ, Кіевлянинъ и Украинецъ, также посвящены мѣстному изученію. И что еще важнѣе и знаменательнѣе: онъ—ученый по положенію, развитію, личнымъ вкусамъ—составляетъ учебники и популярныя книги для украинскаго народа, переводитъ псалмы на народный языкъ. Такимъ образомъ Максимовичъ является не только сознательнымъ украинцемъ, но и украинскимъ народникомъ.

Выше было указано, какими путями приходили первые сознательные украинцы къ необходимости работать для своей народности. Идеи славянскаго единенія (панславизмъ) и возрожденія славянскихъ народностей продолжали и дальше вліять на умы мѣстныхъ людей; но жизнь производила въ этихъ идеяхъ любопытныя измѣненія.

Въ 1846 г. въ Кіевѣ возникло тайное общество, такъ наз. Кирилло-Меѳодіевское братство. Въ немъ принималъ участіе проф. Костомаровъ, Шевченко, Кулишъ и др. Общество не успѣло развить своей дѣятельности, сдѣлавшись тотчасъ же по своемъ возникновеніи жертвой доноса. Члены были арестованы и подвергнуты тяжелымъ наказаніямъ—заключенію въ крѣпости и многолѣтней ссылкѣ. Теоретическая про-

грамма этихъ молодыхъ украинцевъ, изъ которыхъ потомъ вышли выдающіеся украинскіе дѣятели, была слѣдующая: федеративный союзъ славянскихъ народностей, къ числу которыхъ причисляется, конечно, самостоятельная украинская народность; упраздненіе всякихъ сословныхъ преимуществъ и исключеній—на первомъ планѣ крѣпостного права; полная свобода религіозной мысли, науки, печатнаго слова. По отношенію къ ближайшимъ практическимъ задачамъ: просвѣщеніе украинскаго народа, изданіе для него книгъ, основаніе школъ при содѣйствіи образованныхъ помѣщиковъ—конечно, на родномъ украинскомъ языкѣ.

Уничтоженіе крѣпостнаго права расчистило почву для развитія въ умахъ культурныхъ южнорусскихъ людей того направленія, которое носитъ названіе украинофильства, или украинскаго народничества. Счастливая случайность подарила Украинѣ геніальнаго человѣка, который вдохнулъ въ теоретическое построеніе живую душу. Незначительный членъ Кирилло-Мееодіевскаго братства—однако понесшій такую кару, которая далеко превосходила кару остальныхъ членовъ—человѣкъ этотъ Тарасъ Шевченко сыгралъ въ дѣлѣ возрожденія украинской народности совсѣмъ исключительную роль. Его поэзія была настоящимъ откровеніемъ. Та народная душа, которая жила такой прекрасной жизнью въ его геніальныхъ стихахъ, не могла не быть душой богато одареннаго народа, права котораго на самостоятельную культуру и національную равноправность не нуждались въ особыхъ доказательствахъ.

Одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ появился въ Петербургѣ литературный органъ, въ видѣ

ежемѣсячнаго журнала, всецѣло посвященный интересамъ украинской народности. Около „Основы“ сгруппировались всѣ представители тогдашняго украинофильства. Въ краткое время своего существованія—два года—Основа несомнѣнно много успѣла сдѣлать для дѣла возрожденія украинской народности.

Тарасъ Шевченко.

Вообще, начало 60-хъ годовъ обѣщало пышный расцвѣтъ украинской культурѣ. Министерство нар. просвѣщеніе готовится издавать учебныя и школьныя пособія на украинскомъ языкѣ. Появляются воскресныя школы съ украинскимъ языкомъ, какъ языкомъ преподаванія. Духовенство говоритъ проповѣди на этомъ языкѣ; создается малорусская литература. Даже мѣст-

ная администрація, въ районѣ Кіевскаго генералъ-губернаторства, иногда прибѣгаетъ въ своихъ сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ къ его языку.

Но польское возстаніе, съ вызванной имъ реакціей, кладетъ всему конецъ. Правительство, руководимое злымъ геніемъ Каткова, стало усматривать въ украинскомъ движеніи польскую интригу. Съ 1863 г. начинаются жестокія стѣсненія украинскаго языка и литературы. Запрещаются учебники и вообще народныя книги, переводы книгъ церковныхъ—все, кромѣ произведеній художественный литературы. Съ 1873 г. наступаетъ кратковременное ослабленіе строгостей. Но уже въ 1876 г. является подпольный законъ, которымъ окончательно и на долгіе годы устанавливается для украинскаго слова то невозможное положеніе, въ какомъ оно находилось послѣднее время, а отчасти находится и до сихъ поръ. Закономъ 1876 г. запрещается изданіе внутри государства оригинальныхъ произведеній и переводовъ, за исключеніемъ историческихъ документовъ и произведеній изящной словесности, и то лишь по разрѣшенію главнаго управленія по дѣламъ печати. Законъ толковался такъ широко, что не разрѣшались переводныя произведенія изящной словесности, не разрѣшались дѣтскія книги, хотя бы и беллетристическаго содержанія, не разрѣшались періодическія изданія какого бы то ни было вида, содержанія и направленія.

Законъ убивалъ украинскую литературу; но онъ не могъ убить мысли. Мысль зрѣла и развивалась независимо отъ ея проявленій въ мѣстной литературѣ. Старое украинофильство исчезло. На его мѣсто выступили разнообразныя теченія національнаго украинскаго

самосознанія. На образованіе этихъ теченій вліяла какъ общерусская, такъ и европейская философская, политическая и соціальная мысль. Нѣтъ украинофиловъ, а есть украинцы различныхъ направленій, отъ консервативныхъ до радикально-соціалистическихъ, со всѣми оттѣнками, объединяемыми лишь общею любовью къ родинѣ и стремленіемъ къ ея культурной самостоятельности. Послѣднее время открыло возможность этимъ направленіямъ и оттѣнкамъ складываться въ политическія партіи. Въ то же время практика жизни захватила для украинскаго слова область періодической печати. Періодическія изданія на украинскомъ языкѣ начинаютъ появляться одно за другимъ и, конечно, число ихъ будетъ расти вмѣстѣ съ ростомъ политической свободы и національнаго сомосознанія.

Конечно, на ростѣ украинскаго національнаго самосознанія отражалось и то, что оно получало поддержку изъ Галиціи, хотя бы лишь чисто нравственную. Тамъ, благодаря условіямъ жизни конституціоннаго государства, украинское печатное и устное слово пользовалось свободой, и галицко-„руськая" литература сдѣлалась представительницей національной мысли для всей украинской территоріи.

Галиція отошла къ Австріи въ 1772 г. по первому раздѣлу Польши. Австрія застала галицкихъ „русиновъ" въ состояніи полнаго пригнетенія. Крестьянство находилось въ тяжеломъ крѣпостномъ рабствѣ; „руськое" мѣщанство было малочисленно и безправно. Православіе въ Галиціи приняло уніатскій обрядъ, и потому высшее духовенство, изъ монаховъ базиліанъ, имѣло болѣе общаго съ католицизмомъ, чѣмъ съ пра-

вославіемъ; низшее же духовенство, бѣдное и невѣжественное, почти не отличалось отъ своей темной крѣпостной паствы. Казалось, что русская народность Галиціи, стиснутая узами зависимости экономической, правовой и культурной, безповоротно обречена на гибель. Но она не погибла.

Австрія желала покровительствовать галицкимъ русинамъ въ противовѣсъ полякамъ, ей враждебнымъ. Либеральныя реформы Іосифа II внесли въ положеніе мѣстнаго русинскаго населенія важныя улучшенія. Тяжесть крѣпостной зависимости была ослаблена. Продажею церковныхъ имуществъ образовался просвѣтительный фондъ, который долженъ былъ служить также и православному населенію. На средства этого фонда была основана „руськая" семинарія въ Львовѣ, устроены сельскія школы при церквахъ и изданы учебники для этихъ школъ. Но національное самосознаніе галичанъ было еще такъ слабо, что они не сумѣли воспользоваться законами, предоставлявшими свободу мѣстному языку. Представители галицкаго общества считали языкъ собственнаго народа, какъ простонародный, не достойнымъ того, чтобъ имъ могъ пользоваться культурный человѣкъ; на языкѣ же церковныхъ книгъ и богослуженія, очевидно, нельзя было ни говорить ни писать, какъ языкѣ мертвомъ.

Такимъ образомъ, несмотря на предоставленную законами свободу, галичане употребляли языкъ польскій, въ которомъ они видѣли единственный, имъ доступный, языкъ, способный быть проводникомъ культуры. И это—въ то время, когда въ лѣвобережной и Слободской Украинѣ уже обращались произведенія Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Квитки, съ несомнѣнной ясностью

доказывавшія, что языкъ Украины, а, слѣд., и галицкой Руси можетъ быть языкомъ литературнымъ. Главной причиной косности, которую обнаруживало галицкое общество, было, конечно, то, что представителемъ галицкаго культурнаго класса было почти исключительно духовенство. Духовенство же всюду представляетъ среду, плохо проводящую все новое.

Но духъ времени дѣлаетъ свое вѣчное дѣло. Мысли о народности и ея значеніи начинаютъ проникать и въ мало воспріимчивое галицкое общество. Появляются въ Галиціи и литературныя произведенія украинцевъ изъ Россіи. Дѣлаются попытки пользоваться народнымъ галицко-русскимъ (украинскимъ) языкомъ для церковной проповѣди. Въ 1837 г. выходитъ альманахъ „Днѣстровая Русалка“, сборникъ произведеній галицкаго кружка, во главѣ котораго стоялъ Маркіанъ Шашкевичъ. Вслѣдъ за этой первой ласточкой, послѣдовали другія произведенія на мѣстномъ языкѣ—литературныя и научныя, по этнографіи, по грамматикѣ. Однако, движеніе это на первыхъ порахъ не имѣло большого захвата. Нельзя было сразу выбиться изъ-подъ вліянія того факта, что носителемъ народности была хлопская масса, неполноправная, а, слѣд., общественно-презираемая. Духовенство продолжало говорить и писать по-польски, и самыя церковныя книги печатались латинскимъ шрифтомъ. Важный поворотъ къ народности внесъ 1848 годъ, измѣнивъ существенно положеніе крестьянства.

Волна революціоннаго движенія захватила Австрію; возстала Венгрія, возстали славянскія народности имперіи съ чехами во главѣ—идея славянскаго возрожденія дала свои плоды. Правительство поспѣшило навстрѣчу народнымъ требованіямъ. Особенно предупре-

дительнымъ оказалось оно къ галицкимъ русинамъ, на содѣйствіе которыхъ разсчитывало для усмиренія поляковъ. Уничтожено было крѣпостное право въ его послѣднихъ остаткахъ; дана конституція; возстановленъ львовскій университетъ съ мѣстнымъ языкомъ на нѣсколькихъ каѳедрахъ; мѣстный же языкъ дѣлался языкомъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній всюду, гдѣ русское населеніе было преобладающимъ.

Все это возбуждало въ полякахъ крайнее негодованіе. Они считали начинающееся движеніе выдумкой русиновъ, стакнувшихся съ правительствомъ — на зло имъ, господамъ края. По ихъ мнѣнію, русинская народность, если и существовала когда-нибудь, то исчезла давно, а русинскій языкъ есть нарѣчіе языка польскаго.

Но тѣмъ временемъ галичане воспользовались предоставляемой конституціей свободой собраній и союзовъ въ цѣляхъ укрѣпленія и развитія національнаго самосознанія. Возникли просвѣтительныя общества и учрежденія съ мѣстнымъ національнымъ характеромъ, явилась и газета „Галицкая Зоря“ на галицко-русськомъ языкѣ, пока еще, впрочемъ, далекомъ отъ непосредственной красоты языка народнаго. Газета эта разъясняла народу его новыя конституціонныя права, останавливаясь особенно на аграрномъ вопросѣ: галицкій народъ получилъ пахатную землю, но очень неблагопріятно для него былъ поставленъ вопросъ о сервитутахъ (права пользованія общими угодьями).

Однимъ словомъ, галицкое общество въ этотъ важный историческій моментъ обнаружило правильный инстинктъ, связавши дѣло возрожденія народности съ интересами народной массы, съ демократическими прин-

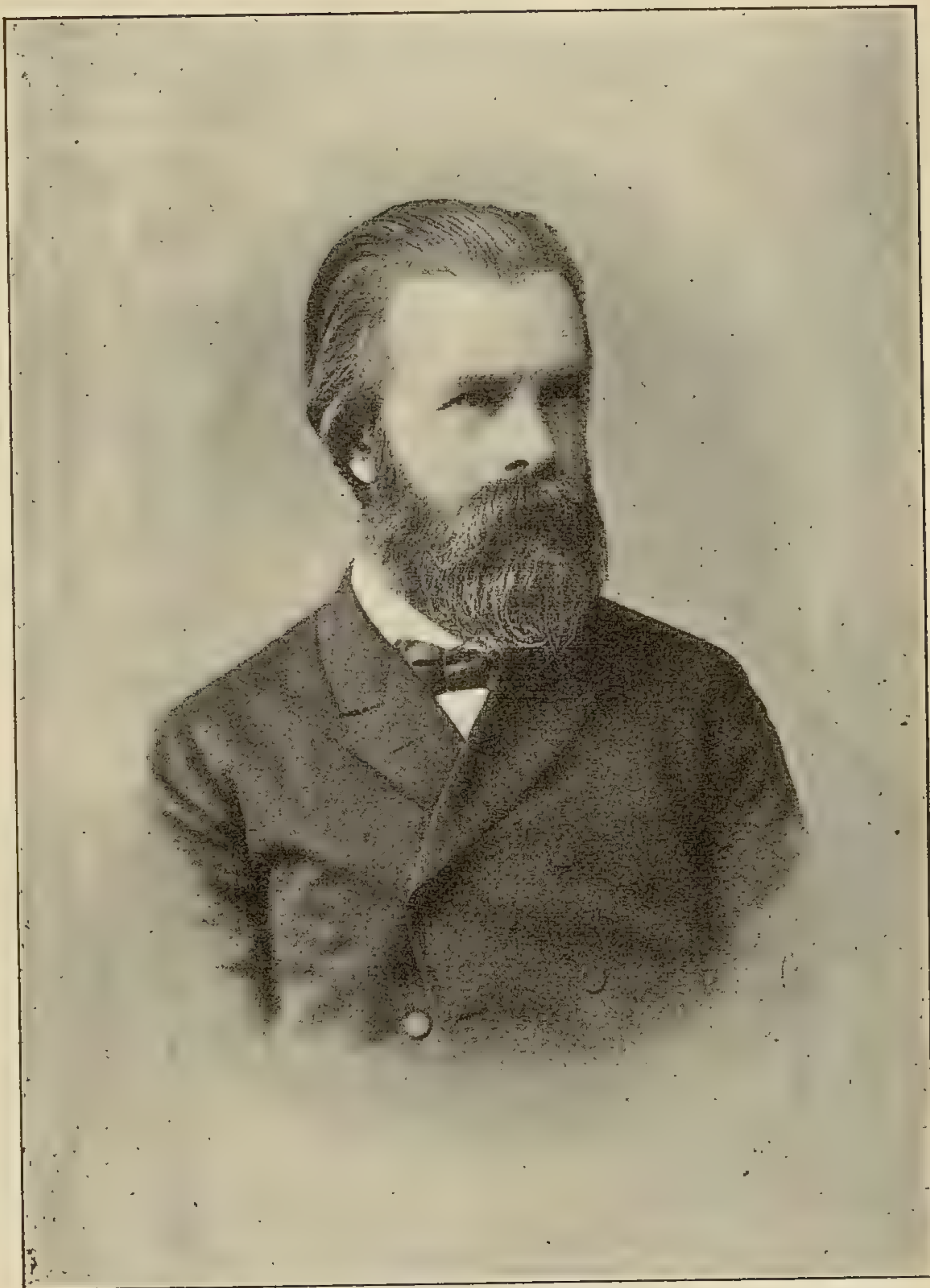
ципами. Но въ то же время сдѣлалось яснымъ, какъ слабо еще было политическое развитіе общества. Когда наступила полоса реакціи, галичане не сумѣли занять, въ виду измѣнившихся условій, правильную позицію. Они поддерживали правительство въ его реакціонныхъ мѣрахъ; тратили время и силы на взаимную борьбу изъ-за пустыхъ разногласій.

А между тѣмъ выдвинулась такъ-называемая „старорусская“ партія, пользовавшаяся нѣкоторое время большимъ значеніемъ и не утратившая окончательно этого значенія и до сихъ поръ. Партія эта полагаетъ, что развитіе галицкой народности возможно только при содѣйствіи Россіи, черезъ усвоеніе русской культуры и русскаго литературнаго языка. Однако не такъ-то легко усвоить языкъ другого, хотя бы и близко-родственнаго, народа и культуры, выросшей на иной исторической почвѣ. Вмѣсто живого русскаго языка получилось какое-то искусственное „язычіе“ (по насмѣшливому выраженію противниковъ), которое могло быть приспособлено лишь къ писанію торжественныхъ одъ въ духѣ Ломоносова. Никакое живое чувство или живая мысль не находила выраженія на этомъ деревянномъ „твердомъ языцѣ“, на которомъ люди не могли писать, потому что не думали на немъ. Старорусская партія постоянно получала поддержку изъ Россіи не только нравственную, но и матеріальную, денежную; русское правительство чувствовало себя заинтересованнымъ въ „обрусѣніи“ галичанъ. Благодаря этой поддержкѣ, русскій литературный языкъ галицкихъ органовъ печати началъ улучшаться. Но онъ все-таки не успѣлъ сдѣлаться языкомъ жизни, а въ будущемъ это является уже совершенной невозможностью: въ Галиціи успѣлъ

развиться тѣмъ временемъ свой собственный литературный языкъ на народной основѣ.

Съ шестидесятыхъ годовъ, со времени неудачъ въ Италіи, Австрія снова встала на путь либерализма. А въ то же время до Галиціи достигла волна литературнаго движенія изъ Украины. Особенное значеніе имѣло знакомство съ поэзіей Шевченка. Мѣстные украинофилы, или „народовцы", вышли изъ своего прозябанія. Появилось нѣсколько литературныхъ органовъ народническаго направленія: Вечерницы, Мета, Нива, Русалка и т. п. Сначала это направленіе было поверхностнымъ, останавливаясь болѣе на внѣшней сторонѣ украинской исторіи и быта; но постепенно оно пріобрѣтало болѣе глубокій характеръ. Все сильнѣе и сильнѣе начало проявляться стремленіе слить проявленія національнаго самосознанія съ реальными интересами народной массы. Жизнь конституціоннаго государства открывала пути для практической дѣятельности въ пользу народа. Возникло просвѣтительное общество „Просвіта". Оно поставило своей задачей: изданіе популярныхъ и дешевыхъ книгъ для народа по всѣмъ отраслямъ знанія, открытіе сельскихъ читаленъ и библіотекъ. Кромѣ того, всюду устраиваются общества трезвости, вспомогательныя кассы, потребительныя товарищества и т. д. Такимъ образомъ, народовцы, развивая литературный языкъ на мѣстной народной основѣ, являются въ то же время настоящими руководителями народа, во всѣхъ сферахъ жизни культурной и политической.

Въ 1873 г. было въ Галиціи впервые созвано „народное вѣче"; съ тѣхъ поръ крестьянство стало участвовать въ общей духовной жизни народности. И ря-

Проф. Михаилъ Драгомановъ.

домъ съ этимъ фактомъ важнаго общественнаго значенія—имѣлъ мѣсто другой, который также оказалъ сильное вліяніе на дальнѣйшее культурное развитіе галицкой жизни. Подразумѣваемъ появленіе въ Галиціи М. П. Драгоманова и его дѣятельность.

Появленіе Драгоманова въ Галиціи нельзя считать простой случайностью. Оно было естественнымъ слѣдствіемъ того, что въ силу тяжелыхъ ограничительныхъ законовъ и административныхъ стѣсненій въ россійской Украинѣ сдѣлалось невозможнымъ дальнѣйшее правильное развитіе украинской культуры. Украинскія литературныя силы направились теперь на работу въ галицкой литературѣ; изъ Украины открылся постоянный притокъ въ Галицію денежныхъ средствъ, имѣвшій цѣлью поддержку галицкой культуры, главнымъ образомъ литературныхъ и научныхъ предпріятій на мѣстномъ языкѣ.

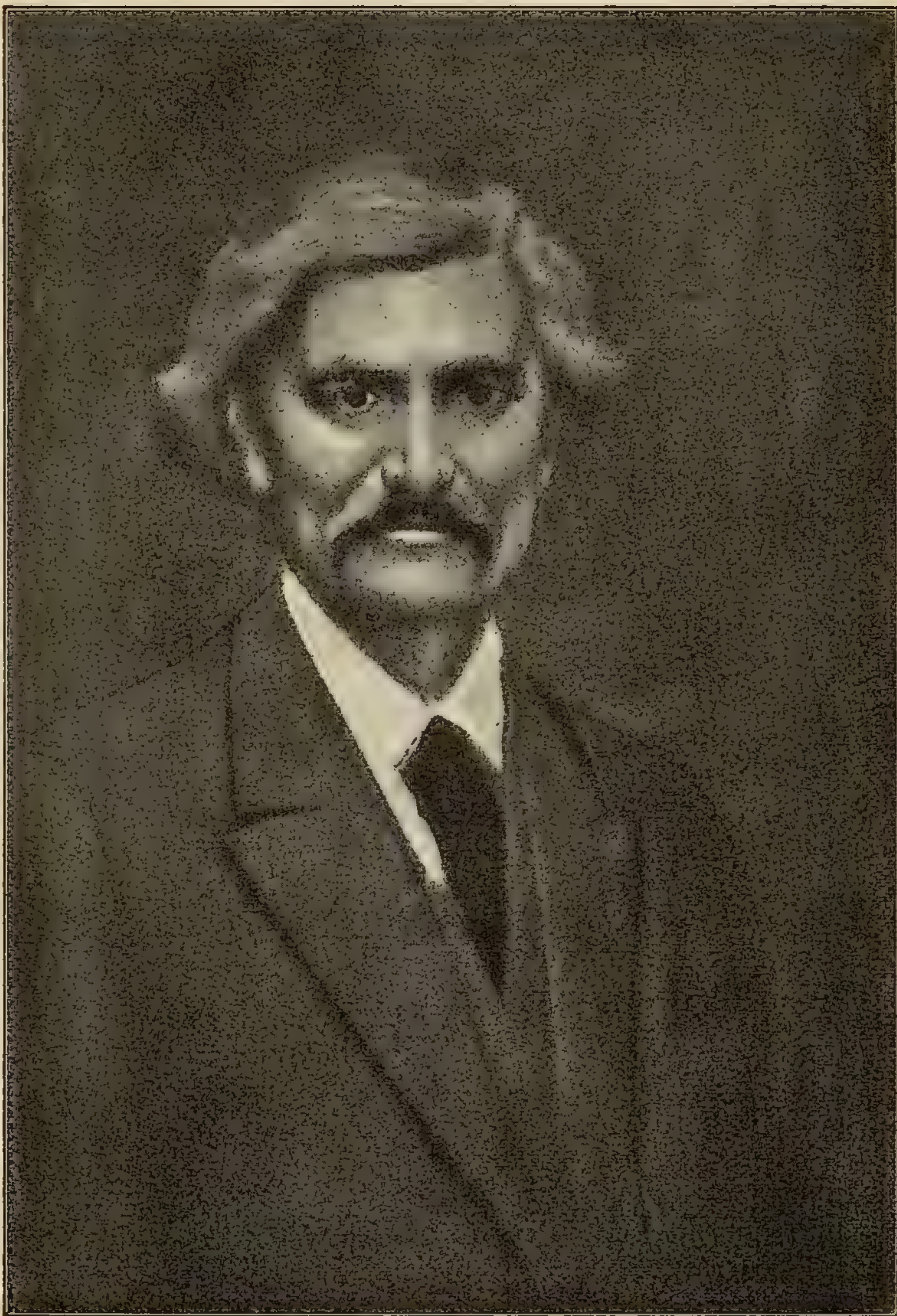
Во главѣ литературно-научныхъ силъ, которыя перенесли свою дѣятельность изъ Украины въ Галицію, стоялъ Михаилъ Петровичъ Драгомановъ. Профессоръ Кіевскаго университета—онъ эмигрировалъ изъ Россіи, чтобы работать для развитія украинскаго національнаго самосознанія подъ защитою политической свободы.

Дѣятельность Драгоманова и его послѣдователей была не простымъ лишь расширеніемъ и усиленіемъ галицко-русской общественной мысли. Она отмѣтила собой настоящій переломъ въ развитіи этой мысли. Драгомановъ, съ его широкимъ научно-философскимъ міросозерцаніемъ, внесъ новую освѣжающую струю въ духовную атмосферу галицкаго общества. Атмосфера эта была до него достаточно затхлой вслѣдствіе сильнаго вліянія духовенства, которое поддерживало всякія

традиціи и обветшавшіе устои въ области мысли и жизни. Критицизмъ т.е. требованіе согласовать свои отношенія къ міру съ выводами современной положительной науки— все, что такъ усиленно распространялъ Драгомановъ— крайне волновалъ и возбуждалъ противъ себя одну часть галицкаго общества и привлекалъ къ себѣ горячія симпатіи другой, по-преимуществу молодой. Подъ вліяніемъ Драгоманова сложилось новое теченіе въ галицкой общественной мысли—радикальное, около котораго сформировалась и новая политическая партія— радикальная. Новое направленіе выдвинуло и новыхъ дѣятелей; между ними первое мѣсто по личнымъ достоинствамъ, талантливости и вліянію принадлежитъ Ивану Франку.

Вообще, можно сказать, что возрожденіе галицко-русской народности изъ того приниженнаго существованія, въ какомъ ее засталъ 19-й вѣкъ, къ достойному и полноправному національному существованію, сдѣлало огромные успѣхи, особенно послѣднія тридцать лѣтъ, считая съ 1873 г. Передъ нами слѣдующіе крупные факты.

Въ настоящее время въ Галиціи издается на мѣстномъ языкѣ до двадцати газетъ и журналовъ. Въ Львовскомъ университетѣ есть восемь каѳедръ, гдѣ языкомъ преподаванія служитъ тотъ же мѣстный языкъ, есть четыре „русскихъ“ гимназіи—уже не говоря о сельскихъ школахъ, гдѣ народъ учится, конечно, на своемъ родномъ языкѣ. Съ особеннымъ значеніемъ для будущности галицко-русской народности является учрежденіе, извѣстное подъ именемъ „Наукове товариство им. Шевченка“. Оно было основано въ 1873 г. на средства, доставленная изъ русской Украины, и начало

Проф. Владимiръ Антоновичъ.

усиленно развиваться съ 1892 г. Ростъ его связывается съ именемъ М. С. Грушевскаго, кіевскаго историка, который перенесъ свою ученую дѣятельность изъ Украины въ Галицію. Товариство раздѣлилось на три секціи: филологическую, философско-историческую и медицинско-естественно-математическую, съ подраздѣленіями въ видѣ научныхъ комиссій. Почти каждая изъ секцій и комиссій издаетъ свой спеціальный печатный органъ. Записки Товариства им. Шевченко, въ началѣ общій органъ всего учрежденія, спеціализировались затѣмъ на вопросахъ украинской археологіи, исторіи, языка и исторіи литературы: Записокъ этихъ вышло уже до 60 томовъ. При Товариствѣ издается еще „Литературно-Науковый Вістник"—ежемѣсячный журналъ, не уступающій аналогичнымъ изданіямъ другихъ культурныхъ странъ. Можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ Товариство им. Шевченко обратится въ галицко-русскую Академію Наукъ, а рядомъ съ Львовскимъ университетомъ, съ его немногими русскими каѳедрами, возникнетъ университетъ съ преподаваніемъ на мѣстномъ языкѣ, какъ этого добивается галицкое общество.

Украинская народность внѣ предѣловъ Россіи живетъ, кромѣ Галиціи, еще въ Буковинѣ и Угорщинѣ, (т. е. Венгріи).

Буковина есть австрійская провинція, управляющаяся своимъ областнымъ сеймомъ въ г. Черновцахъ. Буковинскіе русины отдѣлились отъ галицкихъ съ 15-го вѣка, когда Буковина вошла въ составъ Молдавіи и вмѣстѣ съ нею перешла подъ власть Турціи. Такимъ образомъ она сохранила нѣкоторыя старинныя особенности, и между прочимъ православный обрядъ.

Занятая во время турецкой войны въ XVII вѣкѣ русскими войсками, она была уступлена Екатериною II Австріи. Въ настоящее время буковинцамъ надо отстаивать свою національность отъ нѣмцевъ, языкъ которыхъ есть оффиціальный языкъ области, и отъ румыновъ.

Пробужденіе національнаго самосознанія среди буковинскихъ русиновъ связывается съ талантливой личностью гуцула (буковинскаго горца) Федьковича (1834—1887). Федьковичъ, несмотря на свою несомнѣнную поэтическую оригинальность и одаренность, пришелъ къ своему міросозерцанію не самостоятельно, а подъ вліяніемъ Шевченка. Его стихи и повѣсти долго находили себѣ оцѣнку въ Галиціи и Украинѣ, но не на родинѣ—такъ низко было состояніе культурной мысли въ Буковинѣ. Но вліяніе живого и талантливаго слова успѣло-таки пробудить русинскую народность Буковины къ сознательному существованію. Въ 1870 г. появляется первая газета „Зоря буковинская“. Въ настоящее время духовное движеніе въ Буковинѣ идетъ рука объ руку съ движеніемъ галицкимъ.

Хуже стоитъ дѣло возрожденія русинской національности въ Угорщинѣ, хотя она численностью и преобладаетъ надъ Буковиной. Когда и какъ очутилось здѣсь южнорусское племя—совсѣмъ неизвѣстно. Русины Угорщины приняли уніатскій обрядъ, и весь ихъ національный интересъ сосредоточивается на вопросахъ своей вѣры и обряда. Единственная культурная группа здѣсь духовенство; но и оно стоитъ на очень низкомъ уровнѣ просвѣщенія. Причины жалкаго положенія русинской народности Угорщины, съ одной стороны, въ ея оторванности отъ племени, съ другой—

въ насильственномъ характерѣ мадьярской національности, среди которой она заброшена.

1848 г. съ его широкимъ освободительнымъ характеромъ былъ поворотнымъ пунктомъ и въ исторіи Угорской Руси. Онъ принесъ съ собой уничтоженіе крѣпостного права и непосредственное знакомство съ русскими: извѣстно, что русскія войска усмиряли венгерскую революцію. Ко всему этому присоединилось и вліяніе сосѣдней Галиціи. Но изъ галицкихъ направленій только одно нашло здѣсь сочувствіе: это—„старорусское". Угорскіе русины твердо стали на томъ, чтобы примкнуть къ языку и духовной культурѣ, выработанной русской государственностью. Конечно, русскій языкъ не могъ быть вполнѣ усвоенъ угорскими русинами, а на чужомъ языкѣ невозможно создать литературу, проявить творчество. Наконецъ и сами мѣстные дѣятели увидѣли, что дѣло ихъ безнадежно, и забросили его. Началась усиленная мадьяризація. Но народъ все-таки оставался со своимъ роднымъ языкомъ, въ полномъ отдаленіи отъ всякаго просвѣщенія. Наконецъ и мадьярское правительство убѣдилось, что необходима хоть какая-нибудь доза просвѣщенія для того, чтобы бороться съ народнымъ обѣдненіемъ; просвѣщеніе же можетъ быть успѣшно привито народу лишь при помощи его родного языка. И вотъ само правительство начало издавать учебники и газету для народныхъ учителей на мѣстномъ языкѣ. Послѣднее десятилѣтіе замѣчается, подъ вліяніемъ Галиціи, опредѣленный поворотъ къ народническому направленію.

Тяжелое экономическое положеніе южнорусскаго народа, какъ въ Галиціи, такъ и въ Угорщинѣ, тол-

каетъ его ежегодно тысячами искать счастья за океаномъ. Такимъ образомъ въ настоящее время можно найти въ Америкѣ такіе уголки, гдѣ слышится украинская рѣчь и гдѣ издаются на украинскомъ языкѣ книги и газеты.

Появленіе въ свѣтъ работъ по исторіи украинскаго народа до послѣдняго времени встрѣчало препятствія со стороны цензуры. Въ теченіе всей второй половины XIX вѣка не вышло ни одного систематическаго сочиненія по этому предмету, никакого цѣльнаго обзора. Лишь послѣднее время, благодаря освободительному движенію, замѣчается въ этомъ отношеніи поворотъ къ лучшему.

Но разработка вопросовъ украинской исторіи, хотя и замедлялась внѣшними препятствіями, но не прекращалась. Главная заслуга здѣсь принадлежитъ кіевской школѣ историковъ и ея творцу Владиміру Бонифатьевичу Антоновичу. Этотъ выдающійся человѣкъ въ теченіи почти полвѣка руководилъ какъ научной разработкой вопросовъ южно-русской исторіи, такъ и направленіемъ общественной мысли интеллигентныхъ украинцевъ, проводя то и другое искусной рукой черезъ подводные камни и мели, которыми такъ обильно усѣянъ былъ путь украинскаго національнаго возрожденія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Строка.	*Стран.*	*Напечатано.*	*Читай.*
8	15	го-овъ	готовъ
8	16	этою	это
90	8	облажена	обложена

